

№ 6, 2020
Volume 6, 2020

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175
ПШ № ФС77-63471
<http://intellekt-izdanie.osu.ru>

ГОСТЬ НОМЕРА

А. И. Солодкий, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия
РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ. НОВЫЙ ЭТАП

GUEST OF VOLUME

A. I. Solodkiy, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia
DEVELOPMENT OF INTELLIGENT TRANSPORT SYSTEMS IN RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS. NEW STAGE

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

№ 6, 2020

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Журнал основан в 2008 году.

Academic journal appeared in 2008.

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован в Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Academic journal «Intellect. Innovations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications.

Certificate of registration of mass media PI № FS 77-63471, 30.10.2015.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте;
- 05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта;
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности);
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит;
- 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика;
- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Журнал включен в системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), ВИНТИ РАН, CrossRef.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» – 55192

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

- 05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport;
- 05.22.10 – Operation of road transport;
- 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and field of activity);
- 08.00.10 – Finance, money circulation and credit;
- 08.00.12 – Accounting, statistics;
- 09.00.01 – Ontology and the theory of knowledge;
- 09.00.03 – History of Philosophy;
- 09.00.04 – Aesthetics;
- 09.00.05 – Ethics;
- 09.00.08 – Philosophy of science and technology;
- 09.00.11 – Social philosophy;
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture;
- 09.00.14 – The philosophy of religion and religious studies.

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), VINITI RAS, CrossRef.

The subscription index for the joint catalog «Press of Russia» – 55192

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

The editors are guided by the recommendations of the Ethics Committee for Scientific Publication (Committee on Publication Ethics).

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников,
член-корреспондент РАН, д.б.н., профессор РАН,
врио ректора, Оренбургский государственный университет,
Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова,
к. ф.-м. н., доцент,
Оренбургский государственный университет,
Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Архипова М.Ю., д.э.н., профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д.э.н., профессор, первый проректор, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Носов В.В., д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и управления, Московский государственный университет технологий и управления им. Г.К. Разумовского, Москва, Россия

Осипов В.С., д.э.н., доцент, профессор кафедры управления активами, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Попова Е.М., д.э.н., профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Цветков В.А., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор Института проблем рынка РАН, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д.э.н., профессор, заведующий отделом исследований региональных социально-экономических систем, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Широв А.А. член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, заместитель директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Сель Николая, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Марков Б.В., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Олимов Караматулло, академик АН Республики Таджикистан, академик Международной Академии высших школ, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., академик РАН, д.ф.н., директор Института философии РАН, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д.ф.н., профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д.т.н., профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Береговая И.Б., к.э.н., доцент, доцент кафедры маркетинга и торгового дела, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д.э.н., доцент, директор Института менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д.э.н., профессор, профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, и.о. заведующего кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д.э.н., профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Сабитова Н.М., д.э.н., профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Черненко В.А., д.э.н., профессор, профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Шепель В.Н., д.э.н., профессор, профессор кафедры управления и информатики в технических системах, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Юматов А.С., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой менеджмента организации, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Беляев И.А., д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Максимов А.М., д.ф.н., профессор, Оренбург, Россия

Рахматуллин Р.Ю., д.ф.н., профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Федяев Д.М., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Ларин О.Н., д.т.н., профессор, профессор кафедры логистических транспортных систем и технологий, Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д.т.н., доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д.т.н., профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой систем автоматизации производства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д.т.н., профессор, заведующий кафедрой техносферной безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov,
Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of Russian Academy of Sciences,
Acting Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova,
Ph.D., Associate Professor, Orenburg
State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Wegera S.G., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Polotsk State University, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Nosov V.V., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Moscow State University of Technology and Management named after G.K. Razumovsky, Moscow, Russia

Osipov V.S., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of asset Management, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Popova E.M., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Research of Regional Socio Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Shirov A.A. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Philosophical Sciences

Markov B.V., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., professor, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor Head of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Beregovaya I.B., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and Trading, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyuk N.K., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Acting Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontyeva L.S., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Shepel V.N., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management and Computer Science, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Yumatov A.S., Ph.D., Associate Professor, Head of the Organization Management Department, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Belyaev I.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culturology and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Maksimov A.M., Doctor of Philosophy, Orenburg, Russia

Rakhmatullin R.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

Fedyayev D.M., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Department of Logistic Transport Systems and Technologies, Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoza V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Production Automation Systems, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

А. И. Солодкий

Развитие интеллектуальных транспортных систем в России: проблемы и пути их решения. Новый этап10

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. В. Гаврилюк, А. С. Хворостяная

Стратегические основы трансфера технологий в легкой промышленности20

Э. А. Гурьянова

Трансакционные издержки организации в условиях информатизации экономики33

А. В. Пуин, Yu. S. Sizova

Export of entrepreneurial culture: case studies from Finland and Germany40

В. С. Левин

Оценка инвестиционной привлекательности региональных облигаций Оренбургской области в условиях смягчения денежно-кредитной политики и глобальной неопределенности48

И. Е. Мизиковский, Д. В. Лиджи-Горяев

Концепция электронной торговой площадки в управлении устойчивым развитием предприятий переработки шерсти61

С. А. Попова, Е. Е. Смотровая, Е. А. Колпакова

Типология сельских территорий по уровню развития инженерной инфраструктуры69

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

И. А. Аполлонов, И. А. Чистилина

Апофатическая целостность человека и культуры в диалогах Николая Бахтина79

О. В. Арсенина

Интеграция христианских практик социального служения в пространстве межконфессионального диалога: возможности и перспективы87

Д. С. Артамонов, С. М. Фролова

Риски цифровизации в пространстве жизненного мира95

А. В. Банщиков, С. П. Иваненков

Философско-методологические основания психологии: проблемы и пути их решения101

Е. А. Белов

Неформальная занятость населения в социально-философском измерении111

И. А. Беляев, А. М. Максимов, В. А. Гончарова

Соотношение свободы и независимости в христианстве и светской рациональной философии120

О. В. Катаева

Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции129

А. В. Опошнянский

Проблема модернизации российского социума ..137

Р. Ю. Рахматуллин

Историческая реальность в свете конструктивизма144

ТРАНСПОРТ

В. И. Рассоха, Н. А. Никитин

Преобразование обычного кольцевого пересечения автомобильной дороги в турбокольцевое: сравнение пропускной способности153

С. В. Тимохин, Ю. В. Родионов, И. И. Курбаков

Совершенствование технологии контроля параметров смазочной системы дизеля Д-245163

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

A. I. Solodkiy

Development of Intelligent Transport Systems in Russia: problems and solutions. New stage10

ECONOMICAL SCIENCES

A. V. Gavrilyuk, A. S. Khvorostyanaya

Strategic framework for light industry technology transfer20

E. A. Guryanova

Transaction costs of an organization in the context of informatization of the economy33

A. B. Ilyin, Yu. S. Sizova

Export of entrepreneurial culture: case studies from Finland and Germany40

V. S. Levin

Assessment of the investment attractiveness of regional bonds of the Orenburg region in the context of mitigating monetary policy and global uncertainty48

I. E. Mizikovskiy, D. V. Lidzhi-Goryaev

The concept of an electronic trading platform for managing the sustainable development of wool processing61

S. A. Popova, E. E. Smotrova, E. A. Kolpakova

Typology of rural territories by level of engineering infrastructure development69

PHILOSOPHICAL SCIENCES

I. A. Apollonov, I. A. Chistilina

Apophatic integrity of man and culture in the dialogues of Nikolai Bakhtin79

O. V. Arsenina

Integration of Christian practices of social service in the space of interfaith dialogue: opportunities and prospects87

D. S. Artamonov, S. M. Frolova

Risks of digitalization in the space of the life world ..95

A. V. Banshchikov, S. P. Ivanenkov

Philosophical and methodological foundations of psychology: problems and ways of solving them101

E. A. Belov

Informal employment of the population in the socio-philosophical dimension111

I. A. Belyaev, V. A. Goncharova, A. M. Maksimov

The ratio of freedom and independence in Christianity and secular rational philosophy120

O. V. Kataeva

Digitalization and virtualization of the life world: assessments and positions129

A. V. Oposhnyansky

The problem of Russian society modernization137

R. Yu. Rakhmatullin

Historical reality in the light of constructivism144

TRANSPORT

V. I. Rassokha, N. A. Nikitin

Transformation of an ordinary ring road intersection into a turbo ring intersection: bandwidth comparison153

S. V. Timokhin, Yu. V. Rodionov, I. I. Kurbakov

Improvement of the technology for controlling the parameters of the lubricating system of the D-245 diesel engine163

ГОСТЬ НОМЕРА

УДК 656.01

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-10

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ. НОВЫЙ ЭТАП

А. И. Солодкий

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: asolodkiy@mail.ru

***Аннотация.** Охарактеризована ситуация с развитием интеллектуальных транспортных систем (ИТС) в России. Рассмотрены основные проблемы развития ИТС в нашей стране. Основное внимание уделено организационным причинам, таким как недостаточная роль государства, отсутствие стратегического видения развития интеллектуальных транспортных систем и интеграции элементов ИТС различных уровней и собственников, неразвитость отраслевого бизнеса, несовершенные механизмы создания и эксплуатации ИТС, нехватка квалифицированных кадров. Даны предложения по их решению, а также первоочередные мероприятия, необходимые для ускорения развития ИТС в России.*

***Ключевые слова:** транспортная система, интеллектуальные транспортные системы, автомобильная дорога, национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», безопасность дорожного движения.*

***Для цитирования:** Солодкий А. И. Развитие интеллектуальных транспортных систем в России: проблемы и пути их решения. Новый этап // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 10–19. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-10.*

DEVELOPMENT OF INTELLIGENT TRANSPORT SYSTEMS IN RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS. NEW STAGE

A. I. Solodkiy

Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: asolodkiy@mail.ru

***Abstract.** The situation with the development of intelligent transport systems (ITS) in Russia is characterized. The main problems of the development of ITS in our country are considered. The main attention is paid to organizational reasons, such as the insufficient role of the state, the lack of a strategic vision for the development of intelligent transport systems and the integration of ITS elements of various levels and owners, the underdevelopment of the industry business, imperfect mechanisms for the creation and operation of ITS, a lack of qualified personnel. Proposals for their solution are given, as well as priority measures necessary to accelerate the development of ITS in Russia.*

***Key words:** transport system, intelligent transport systems, road, national project «Safe and high-quality highways», road safety*

***Cite as:** Solodkiy, A. I. (2020) [Development of Intelligent Transport Systems in Russia: problems and solutions. New stage]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 10–19. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-10.*

Введение

Развитие интеллектуальных транспортных си-

стем (ИТС) становится одним из важнейших инструментов повышения конкурентоспособности

транспортного комплекса и экономики в целом. Сегодня именно технологии транспортных процессов становятся основным инструментом в повышении эффективности работы транспортного комплекса.

ИТС активно развиваются в России в последние годы, активизирована работа в данном направлении Министерством транспорта Российской Федерации, разработана Концепция развития интеллектуальных транспортных систем в Российской Федерации. Формируется нормативная база создания и функционирования ИТС, прежде всего стандарты по ИТС.

Новый толчок развитию ИТС дал Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», в который включены работы по созданию ИТС в большинстве агломераций, участвующих в проекте¹. С целью решения вопросов финансирования создания ИТС принято Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1762 «Об утверждении Правил предоставления и распределения в 2020–2024 годах иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях внедрения интеллектуальных транспортных систем, предусматривающих автоматизацию процессов управления дорожным движением в городских агломерациях, включающих города с населением свыше 300 тысяч человек, в рамках федерального проекта «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»². Создан общетраслевой центр компетенций ФАУ «РОСДОРНИИ» и формируется «Реестр новых и наилучших технологий, материалов и технологических решений повторного применения», в котором аккумулируются инновационные решения для дорожной отрасли. На базе Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета Приказом Росстандарта от 24.01.2012 № 44 создан технический комитет по стандартизации в сфере ИТС – ТК 57 «Интеллектуальные транспортные системы», который ве-

дет работу по разработке ГОСТ в сфере ИТС [9]. Большая работа в данном направлении развернута в Государственной компании «Автодор» (ГК «Автодор»), занимающейся развитием системы платных автомагистралей. В ГК «Автодор» разработан и принят ряд стандартов по созданию и эксплуатации ИТС на автодорогах госкомпании, осуществляется их оснащение современными ИТС³.

В части городских ИТС активно работы ведутся в Москве и республике Татарстан. Наиболее полная по набору сервисов, техническому оснащению и решаемым задачам ИТС создана в Москве, активно развивается ИТС Казани.

Распоряжением Министерства транспорта России от 25 марта 2020 года № АК-60-р утверждена методика оценки и ранжирования локальных проектов в целях реализации мероприятия «Внедрение интеллектуальных транспортных систем, предусматривающих автоматизацию процессов управления дорожным движением в городских агломерациях, включающих города с населением свыше 300 тысяч человек» в рамках федерального проекта «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги»⁴, в которой представлена архитектура ИТС городской агломерации, включающая в себя большую часть сервисных доменов ИТС. На основе этой методики выделяется финансирование на развитие ИТС городских агломераций, включенным в Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», по 27 агломерациям уже принято положительное решение о выделении финансирования, ряд заявок находится на рассмотрении. Таким образом, намечается серьезное ускорение создания и развития ИТС в нашей стране.

Однако темпы развития ИТС в нашей стране явно не соответствуют потребностям экономики и населения. Следует отметить, что работы по созданию ИТС в нашей стране пока существенно отстают от ситуации в Евросоюзе, США и Японии.

¹ Паспорт Национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/35558/> (дата обращения 22.09.2020).

² Об утверждении Правил предоставления и распределения в 2020–2024 годах иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях внедрения интеллектуальных транспортных систем, предусматривающих автоматизацию процессов управления дорожным движением в городских агломерациях, включающих города с населением свыше 300 тысяч человек, в рамках федерального проекта «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»: постановление Правительства Рос. Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1762. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912250025> (дата обращения 23.09.2020).

³ Стандарты государственной компании «АВТОДОР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russianhighways.ru/about/regulatory-information/standards_gk/ (дата обращения 22.09.2020).

⁴ Методика оценки и ранжирования локальных проектов в целях реализации мероприятия «Внедрение интеллектуальных транспортных систем, предусматривающих автоматизацию процессов управления дорожным движением в городских агломерациях, включающих города с населением свыше 300 тысяч человек» в рамках федерального проекта «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги»: распоряжение Министерства транспорта Рос. Федерации от 25.03.2020 № АК-60-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rulaws.ru/acts/Rasporyazhenie-Mintransa-Rossii-ot-25.03.2020-N-AK-60-r/> (дата обращения 7.10.2020).

Велика роль в этом отставании организационных причин, основными из которых являются:

- недостаточная роль государства в развитии ИТС;
- отсутствие стратегического видения развития ИТС и интеграции элементов ИТС различных уровней и собственников;
- неразвитость отраслевого бизнеса;
- несовершенные механизмы создания и эксплуатации ИТС;
- нехватка квалифицированных кадров.

Анализ основных проблем и пути их решения

Создание национальной ИТС является сложной межотраслевой задачей и опыт стран наиболее динамично развивающихся ИТС – стран ЕС, США, Японии, Китая показывает, что в данном вопросе очень важна четкая государственная политика, наличие долгосрочной стратегии развития ИТС, позволяющей объединить и скоординировать усилия государства и бизнеса, различных отраслей экономики. Например, в США в качестве первого шага по развитию ИТС Конгрессом был принят Закон об эффективном интермодальном транспортном комплексе, который предписал Министерству транспорта США создать Национальную архитектуру ИТС, разработать программу стандартизации и способствовать использованию технологий ИТС [14, 15]. Для решения этих задач Министерство транспорта создало Дирекцию программ ИТС, были выделены значительные финансовые ресурсы из государственного бюджета. В Евросоюзе разработана межгосударственная программа научно-исследовательских работ по созданию ИТС, финансирование которых осуществляется за счет средств ЕС, отдельных государств ЕС, частного бизнеса. Большое внимание уделяется интеграции интеллектуального потенциала, в реализации проектов участвует большое количество исполнителей разного профиля. Так, например, в уже завершеном европейском проекте «Ddrive-C2X» [12], в составе которого были отработаны технологии и технические средства предупреждения водителей о различных видах опасности и помощи ему в различных ситуациях, участвовало 44 компании и было еще 11 поддерживающих партнера.

В проекте *CVIS (Cooperative Vehicle-infrastructure System)* разработана собственная технология «интеллектуального автомобильного движения» [11]. Исполнителем проекта является

консорциум, в состав которого входит 61 компания. В данном проекте отрабатываются технологии взаимодействия автомобилей, дорожной инфраструктуры, в том числе с техническими средствами организации движения, сервисной службой. Силами всех водителей и служб управления движением обеспечивается непрерывный мониторинг окружающей обстановки, предупреждение о возможных опасностях. Аналогичный подход в проекте SAFESPOT, который включает в себя 8 подпроектов направленных на решение широкого круга задач, связанных с самим автомобилем, информации о нем, спутниковым позиционированием, «умной» инфраструктурой, организационными и правовыми проблемами [13]. В развитие проектов CVIS, SAFESPOT и COOPERS реализуется проект *Co Cities (Cooperative Cities extend and validate mobility services)*, предусматривающий максимально широкий обмен опытом в данной сфере между европейскими городами и обеспечению согласованной политики в развитии ИТС [10].

В России, в настоящее время, несмотря на показанную выше существенную активизацию работ в сфере ИТС, к сожалению, нет стратегического видения и четкой программы развития ИТС. Даже то, что делается в рамках Национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» в большинстве случаев сводится к совершенствованию автоматизированных систем управления дорожным движением (АСУДД), что видно и из указанного выше Постановления Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1762⁵. АСУДД бесспорно очень важный сервисный домен ИТС, но это только один из 11 сервисных доменов, предусмотренных архитектурой ИТС в соответствии с ГОСТ Р ИСО 14813-1-2011 Интеллектуальные транспортные системы. Схема построения архитектуры интеллектуальных транспортных систем. Часть 1. Сервисные домены в области интеллектуальных транспортных систем, сервисные группы и сервисы⁶. Реально это не создание ИТС, а только развитие АСУДД. Необходим переход на качественно новый уровень понимания ИТС и последствий их внедрения. Современные ИТС изменят не только технологию транспортных процессов, их последствия будут несопоставимо шире. Современный уровень развития инфокоммуникационных технологий, компьютерной техники и технологий управления позволяют перевести управление отраслью на качественно новый уровень, обеспечивающий, в частности:

⁵ Постановление Правительства Рос. Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1762.

⁶ ГОСТ Р ИСО 14813-1-2011 Интеллектуальные транспортные системы. Схема построения архитектуры интеллектуальных транспортных систем. Часть 1. Сервисные домены в области интеллектуальных транспортных систем, сервисные группы и сервисы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gostexpert.ru/gost/gost-14813-1-2011> (дата обращения 25.09.2020).

– постоянный мониторинг функционирования отрасли в режиме реального времени (включая все уровни – федеральный, региональный и муниципальный);

– прогнозирование возможных проблем и выработка решений по их устранению с использованием технологий искусственного интеллекта;

– выработку управленческих решений на основе моделирования функционирования транспортного комплекса с использованием многоуровневой транспортной модели;

– автоматическим формированием отчетов в стандартных формах и по запросам;

– и ещё большой круг возможностей.

Например, появление в автомобиле блока позиционирования, выход на улицы и дороги подключенных автомобилей, а далее высокоавтоматизированных («беспилотных») автомобилей приведет к постоянному мониторингу в режиме реального времени процесса их передвижения, что позволит обеспечить:

– получение реальной достоверной информации о движении транспортных средств для всех процессов выработки управляющих воздействий различного уровня, от формирования матриц корреспонденций, определения спроса на передвижения, до управления конкретной перевозкой груза или пассажира;

– существенное повышение качества управления перевозками и движением (от управления предприятием до систем привязки оплаты труда водителя; переход на системы управления движением на основе прогноза транспортной ситуации);

– принципиально другой уровень информационного обеспечения всех участников транспортного процесса, от конкретного пассажира (потенциального пассажира) до систем управления движением и т. д.;

– простой и справедливый способ взимания платы по всех сферах автомобильного транспорта, включая переход к прямой реализации принципа пользователь платит;

– существенное удешевление всех процессов, связанных с любыми случаями взимания платы и отсутствие в необходимости большого количества дополнительных устройств и оборудования;

– резкое снижение аварийности, так как осуществляется сплошной контроль нарушения ПДД без применения средств фото-видеофиксации и ГИБДД.

Рассмотрим несколько подробнее эти возможности на примере финансирования дорожного хозяйства. Основными путями совершенствования формирования дорожных фондов является внедрение принципа «Пользователь платит». В настоящее время этот принцип реализуется за счет акцизов на ГСМ и транспортного налога.

Создание системы мониторинга движения всех автомобилей по автомобильным дорогам и улицам позволит в ближайшее время практически напрямую реализовать принцип «пользователь платит» в привязке к пройденному километражу и месту поездки (внедрение мониторинга движения всех автомобилей). Привязав банковский счет пользователя к системе контроля его поездок можно автоматически взимать плату за конкретно пройденные расстояния по конкретной дороге, в определенное время, что позволит дифференцировать плату по месту (категории дороги) времени (например, увеличивать в часы пик) и т. д. и разводить транзакции по собственникам дорог. Важнейший плюс не надо строить никаких систем взимания платы.

Таким образом, может быть создана абсолютно гибкая система оплаты:

– за пройденные километры пути в привязке к конкретному месту, категории дороги, времени проезда для каждого автомобиля;

– учитывающая класс автомобиля (в том числе сбор платы с грузовиков), его принадлежность, специфику пользователя, например, льготы для пенсионеров и т. п.;

– пользования любых видов парковки;

– проезда по платным дорогам, не требующая никаких дополнительных устройств, систем сбора платы с автомобилей.

Появляется возможность существенно более справедливого распределения получаемых финансовых средств по бюджетодержателям исходя из фактической работы дорог (пройденным по их дорогам автомобиле-километром разными транспортными средствами). Такие возможности необходимо продумывать и предусматривать в стратегическом развитии ИТС.

Основным инструментом подготовки и принятия управленческих решений в современном мире становится моделирование. ИТС позволит создать постоянно функционирующую многоуровневую транспортную модель России, которая может стать катализатором создания современной системы управления отраслью, т. к. для ее создания и последующего функционирования в режиме реального времени потребуются упорядочивание всех процессов получения информации о функционировании отрасли и реальная цифровизация процессов управления.

Первым шагом создания такой модели является формирование графа инфраструктуры транспортного комплекса Российской Федерации. Следует отметить, что наибольшую трудоемкость и сложность представляет автомобильно-дорожный комплекс. В силу несопоставимого с другими видами транспорта масштаба инфраструктуры, большого количества иерархически не связанных органов управления дорогами и улично-дорожной сетью, отсут-

ствием системы мониторинга функционирования и эксплуатации. Все остальные виды транспорта имеют четко определённые точечные объекты входа-выхода (станции, порты, аэропорты и т. д.), что существенно упрощает их контроль и мониторинг функционирования. Поэтому ключевой вопрос – это создание графа именно автодорожной сети с ее технико-эксплуатационными параметрами и нагрузкой на сеть. Необходимо параллельно осуществить переход на электронные паспорта дорог на основе цифровой модели местности (основа для перевода отрасли на BIM технологии). Переход на автономное движение автомобилей так же требует создания высокоточных цифровых моделей улиц и дорог.

Создание многоуровневой транспортной модели обеспечит:

- непрерывный автоматизированный мониторинг функционирования транспортного комплекса;
- выработку существенно более эффективных управленческих решений на основе применения моделей и достоверной информации о транспортном комплексе;
- формирование информационных связей органов управления различных видов транспорта и различных уровней управления транспортом (федерального, регионального и местного);
- перестроит сам процесс информационного обмена между органами управления транспортом и взаимодействующими структурами.

Рассмотренные выше примеры, показывают, насколько комплексной и всеобъемлющей является задача создания ИТС. Учитывая высокую значимость и эффективность для транспортного комплекса внедрения интеллектуальных транспортных систем и соответствие двум направлениям подпункта «б» пункта 1 «безопасные и качественные дороги» и «цифровая экономика» поручения от 27.03.2018 № 4-19-5220/8 по вопросу рассмотрения перечня поручений Президента Российской Федерации от 15.03.2018 № Пр-436 о мерах по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 года данного направления было бы целесообразно принятие нормативных и методических документов по созданию ИТС, начиная с разработки и принятия государственной программы создания ИТС в Российской Федерации. Необходимо решать вопрос координации работ по созданию ИТС с другими проектами цифровизации, в первую очередь такими, как «Умный город» [7], «Безопасный город»⁷. Такие проекты должны дополнять друг друга, предусматривать совместное использование пе-

риферийного оборудования, систем связи и т. д., что позволит очень существенно снизить финансовые затраты на их создание и повысить функциональные возможности. Без четкой, хорошо продуманной государственной Стратегии развития ИТС все это невозможно.

Необходимо повышение роли государства в организации процессов создания ИТС и широкого вовлечения бизнеса в эти процессы, в нормативном обеспечении, отработке эффективных механизмов создания и функционирования ИТС.

Сегодня работы по развитию ИТС ведутся на государственном, региональном и муниципальном уровнях. При этом согласованной политики нет, отсутствует интеграция элементов ИТС различных уровней и собственников. Отсутствует взаимодействие в развитии и функционировании городских ИТС и ИТС на загородных дорогах, практически нет информационного обмена и выработки управляющих воздействий в ИТС различных дорог, находящихся на одной территории.

Отсутствие координации в создании ИТС приводит к неэффективному расходованию средств бюджетов разных уровней и получению нерациональных, а иногда и не работающих, технических решений.

Основой, определяющей правила создания ИТС, служит нормативная база. Как указывалось выше, работа в этом направлении ведется, создан технический комитет по стандартизации в сфере ИТС – ТК 57. Однако в настоящее время количество разработанных стандартов явно недостаточно, имеет место острая нехватка методических документов по развитию и функционированию ИТС, крайне мало документов по развитию городских ИТС, которые являются наиболее сложными.

Необходима государственная программа создания нормативной базы, ускорение разработки нормативных документов, вовлечение более широкого круга разработчиков, при строгом контроле их квалификации.

Создаваемые ИТС не будут работать без соответствующего организационного обеспечения – организационной структуры. Необходимо создание многоуровневой системы центров управления транспортом, которые интегрировали бы задачи центров транспортного планирования, организации движения, управления парковочным пространством и маршрутным транспортом общего пользования.

В рамках национального проекта БКАД было бы полезно централизованно осуществить разработку:

⁷ Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 03.12.2014 № 2446-р (ред. от 05.04.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172077/ (дата обращения 22.09.2020).

- типовой архитектуры ИТС агломераций;
- Руководства по созданию и развитию ИТС в городах Российской Федерации;
- типовых модулей для различных сервисных доменов ИТС;
- Рекомендаций по созданию Центров управления транспортом в городах с численностью населения 300 тыс. человек и более. Определив в них полномочия, функции, типовую структуру, рекомендуемый состав технического обеспечения;
- Проекта типовой оснащения Центра управления транспортом;
- Руководства по транспортному планированию в агломерациях (включая вопросы применения транспортного моделирования);
- Рекомендаций по созданию Центров управления транспортом в городах (с населением более 300 тыс. чел.);
- Рекомендаций по созданию системы постоянного мониторинга функционирования транспортных систем городов (поселений) в объемах достаточных для оценки их функционирования и транспортного моделирования различного уровня.

Перечень необходимых документов естественно существенно шире, выбор, в качестве примера, именно этих документов помогает показать необходимость их подготовки на государственном уровне, для обеспечения единства подходов и согласованности решений для задач регионального и местного уровня, так как значительная часть задач ИТС относится к субъектам и объектам управления местного (муниципального) уровня, например, управление работой муниципального маршрутного транспорта общего пользования, управление дорожным движением и парковочным пространством в городе и т. д.

Серьезной проблемой является недостаточное развитие отраслевого бизнеса в сфере ИТС. В конечном итоге развитие любой отрасли и эффективность ее функционирования определяется именно развитием отраслевого бизнеса, наличием предприятий и специалистов способных на современном уровне решать задачи необходимые обществу и экономике. Реальную работу в отрасли выполняют предприятия – отраслевой бизнес. Даже если будут проведены очень правильные торги, выделены значительные объемы финансирования, но нет предприятий, владеющих современными технологиями, технического обеспечения, нет специалистов, причем всех уровней, от рабочего до руководителей предприятий, качественную и современную ИТС не создать. ИТС являются достаточно новым направлением экономической деятельности, причем очень быстро развивающимся, что вызывает серьезные проблемы в становлении отраслевого бизнеса. Отработка технологий производства работ, формирование культуры производства требуют времени и стабильной работы.

Важнейшим фактором развития бизнеса является стабильность и понимание перспективы. Без этого не будет ни высокопрофессиональных сотрудников, ни современных технологий и, в итоге, самого бизнеса. Стабильность и понимание перспективы позволяют получить долгосрочные контракты. Именно благодаря таким контрактам можно прогнозировать будущие объемы работ, их состав и, исходя из понятной перспективы, развивать предприятия. Стабильные объемы финансирования, их рост и долгосрочные контракты обеспечивают создание современного, эффективного бизнеса. Следует отметить, что именно отраслевой бизнес обеспечивает перевод отрасли на инновационный путь развития. Инновационные решения реализуются в применяемых технологиях, программных продуктах, новых периферийных устройствах и т. д. Все это в ведении отраслевого бизнеса. К сожалению, действующая система госзаказа в отрасли является антиинновационной. Отраслевой бизнес практически исключен из инновационной деятельности. В системе госзаказа жизненный цикл разорван на отдельные элементы. Проводятся торги на проектирование, выбирается исполнитель (критерий минимальная цена), который делает проект по действующим нормам. Проводятся торги на создание ИТС, победитель которых должен построить систему в строгом соответствии с проектом. Ничего нового он практически применить не может, т. к. это не соответствует проекту, и т. д. В случае создания ИТС, в силу очень высокой динамичности развития этой сферы, система будет устаревать уже к моменту ее ввода в эксплуатацию. Необходим переход к реализации проектов ИТС на основе подходов «системной инженерии», предусматривающей обязательный этап модернизации систем [5]. В самой системе должна быть заложена способность к постоянному обновлению. Решение этой проблемы в переводе отрасли на долгосрочные контракты, ориентированные на конечные потребительские свойства систем и широкое внедрение ГЧП. ИТС является одной из систем жизнеобеспечения территорий и ее нормальное создание и функционирование возможно только при комплексном подходе, лучше всего на основе контрактов жизненного цикла, она не сможет эффективно работать при регулярной смене эксплуатирующих организаций и разделении ее на отдельные части.

В последнее время, понимая, значимость развития ИТС и потенциально значительных объемов финансирования в данную сферу пытаются войти крупные игроки бизнеса из смежных сфер, систем связи, электроники и т. п. Основной проблемой для них является очень слабое знание предметной области, объектов управления. Очень сложное положение с созданием систем верхнего уровня, которые позволяют эффективно интегрировать работу

отдельных подсистем. Единственное российское решение, интегрирующее задачи нескольких основных сервисных доменов, интеграционная платформа – RITM³ [1]. RITM³ – это аналитическая система для поддержки принятия решений в процессе управления транспортными системами городов и регионов, разработанная специально для центров организации дорожного движения (ЦОДД), центров транспортного планирования (ЦТП) и центров управления транспортным комплексом. Система имеет отдельные обособленные модули, которые позволяют осуществлять детальный мониторинг состояния транспортной системы с возможностью моделирования и прогнозирования транспортных потоков.

Особо следует отметить, что важно развивать именно российские предприятия, формировать свой бизнес в сфере ИТС, только такой подход позволит идти в ногу со временем и работать на опережение, иначе мы все время будем получать «вчерашний», а чаще, даже «позавчерашний день», всегда будем в роли отстающих.

ИТС являются очень наукоемкими системами, для создания которых необходимы серьезные комплексные исследования, требующие не только значительных финансовых ресурсов, но и специалистов высокой квалификации. Однако сегодня явно недостаточен объем подготовки специалистов в сфере ИТС и центров их подготовки, имеет место острая нехватка высококвалифицированных преподавателей, практически отсутствует система повышения квалификации специалистов в сфере ИТС.

В нашей стране начинается подготовка таких специалистов, начали появляться профили «Интеллектуальные транспортные системы» в направлении подготовки «Технология транспортных процессов». Не менее важным является вопрос повышения квалификации и переподготовки, уже работающих в сфере создания и эксплуатации ИТС специалистов. Поскольку создание и развитие различных подсистем ИТС осуществляется уже не одно десятилетие, для выполнения этих работ сформировался ряд предприятий занимающихся проектированием, строительством и эксплуатацией, прежде всего АСУДД и АСУ ГПТ. Работают в предприятиях в сфере ИТС в основном практики, в лучшем случае имеющие подготовку по организации дорожного движения, системам связи, различных сфер приборостроения. Им не хватает базовых знаний, владения современными методиками и актуальной ситуацией по ИТС, которые сейчас развиваются очень динамично.

Необходимо скорейшее развитие системы подготовки и повышения квалификации специалистов по ИТС. В этом вопросе также имеют место ряд проблем [8]. Первая это учителя. Крайне мало специалистов в России, владеющих именно современ-

ном уровнем знаний по ИТС и умеющих преподавать. Требуется организация повышения квалификации самих преподавателей, желательно со стажировкой на передовых предприятиях, в ведущих университетах и исследовательских фирмах, работающие в данной сфере. Целесообразно установить партнерские отношения с ведущими зарубежными университетами (центрами), выпускающими специалистов по ИТС. Важно включение ведущих университетов в научно-исследовательские и проектные работы по созданию и развитию ИТС, без этого преподаватели не будут успевать следить за современными решениями в сфере ИТС, владеть ими и учить этому. Наиболее активно исследования в области ИТС сегодня ведутся в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ). В университете имеется достаточно хорошо развитая лабораторная база, полигон для проведения научно-исследовательских работ по ИТС. Выполняются и стратегические работы, определяющие направления развития ИТС в России, подходы к разработке отдельных проектов ИТС и решается широкий круг конкретных задач по различным аспектам функционирования ИТС [2–4, 6]. Ведутся работы по развитию ИТС и в некоторых других университетах, однако пока таких работ очень мало.

Целесообразно создать под эгидой Минтранса России на базе нескольких университетов, выпускающих специалистов по организации дорожного движения и ИТС нескольких научно-образовательных центров (НОЦ) по ИТС. В этих НОЦ могли бы осуществляться:

- подготовка, повышение квалификации и переподготовка специалистов по ИТС с высшим и средним специальным образованием;
- аттестация специалистов по ИТС;
- тестирование оборудования для различных подсистем ИТС;
- выполнение научно-исследовательских работ.

Для качественного проведения занятий в сфере ИТС необходимо и соответствующее техническое обеспечение, специализированные компьютерные классы с современным программным обеспечением. Здесь, по нашему мнению, должны быть более активны ведущие фирмы поставщики оборудования для ИТС и производители программных продуктов. Это общепринятая практика, когда университетам оказывается помощь в оснащении специализированных аудиторий со стороны профильного бизнеса.

Выводы

Анализ передового зарубежного опыта в исследованиях по созданию ИТС позволяет определить ключевые условия успеха, к которым можно отнести:

– руководящая роль государственных структур и финансовая поддержка со стороны государства для развития ИТС независимо от уровня решаемых задач, субъектов и объектов управления, вовлекаемых в ИТС;

– применение механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) для проведения исследований и опытно-конструкторских работ, т. е. кооперация финансовых и организационных возможностей бизнеса и государственных органов управления транспортом;

– комплексный подход, выражающийся, прежде всего, в привлечении к решению задач создания ИТС широкого круга специалистов различных направлений деятельности – транспортных инженеров, ведущих фирм по производству автомобилей, производителей оборудования для управления движением, связистов, разработчиков программного обеспечения и др.

Создание ИТС должно стать приоритетной задачей Минтранса России, т. к. отставание в их развитии существенно снизит конкурентоспособность нашего транспортного комплекса. Помимо снижения его функциональной эффективности, связанной, собственно, с задачами обеспечения перевозок пассажиров и грузов, не будут решены вопросы обеспечения безопасности всех участников движения.

В качестве первоочередных мероприятий для ликвидации складывающегося в настоящее время отставания в развитии ИТС можно предложить:

– разработку и принятие стратегии развития ИТС и государственной программы по созданию ИТС;

– создание на основе механизмов ГЧП нескольких НОЦ по отработке технологий ИТС в различных городах России;

– широкое привлечение ВУзовских специалистов к выполняемым работам для использования их

научного потенциала, а также для обеспечения их вовлечения в данные работы, с целью повышения уровня компетенций в сфере ИТС, что важно с точки зрения подготовки кадров для данной сферы деятельности;

– развертывание на базе наиболее подготовленных ВУзов центров подготовки и повышения квалификации специалистов в области ИТС.

ИТС позволяют обеспечить:

– существенное снижение транспортных издержек населения и экономики;

– переход управления транспортом на качественно иной уровень;

– мониторинг в режиме реального времени функционирования транспортных систем;

– существенное повышение эффективности функционирования УДС;

– превращение улиц и дорог в действительно безопасные;

– возможность к переходу реализации мобильности (осуществления перевозок людей) на иных принципах – уход от личного автомобиля к транспортным средствам общего пользования – «Мобильность как услуга».

В свою очередь внедрение передвижений по схеме «Мобильность как услуга» приводит к многократному уменьшению количества транспортных средств на улицах и дорогах и, соответственно, ДТП и выбросов от транспортных средств, существенное повышение качества транспортного обслуживания населения (времени и комфорта передвижений).

Создание ИТС является важнейшей задачей обеспечения высокой эффективности функционирования транспортного комплекса и стратегическим направлением обеспечения его безопасности. Необходима активизация работы в данном направлении под государственным управлением.

Литература

1. Аналитическая система RITM³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apluss.ru/activities/its_konsalting/ritm3 (дата обращения 24.09.2020).
2. Жанказиев С. В., Власов В. М. Научные подходы к формированию государственной стратегии развития интеллектуальных транспортных систем // Автотранспортное предприятие. – 2010. – № 7. – С. 2–8.
3. Жанказиев С. В. Интеллектуальные транспортные системы в обеспечении безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): материалы межведомственной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 26 февр. 2019 г.). – Санкт-Петербург, 2019. – С. 124–128.
4. Жанказиев С. В. Интеллектуальные транспортные системы. Пути развития // Информационные технологии и инновации на транспорте: материалы 2-й Международной научно-практической конференции (Орёл, 17–18 мая 2016 г.). – Орёл, 2016. – С. 3–9.
5. Комаров В. В., Гараган С. А. Архитектура и стандартизация телематических и интеллектуальных транспортных систем. Зарубежный опыт и отечественная практика. – М.: НТБ «Энергия», 2012. – 352 с.
6. Приходько В. М., Жанказиев С. В. Основные направления научных исследований в области автономных транспортных средств в МАДИ // Прогресс транспортных средств и систем – 2018: материалы международной научно-практической конференции. (Волгоград, 9–11 окт. 2018 г.). – Волгоград, 2018. – С. 18–24.

7. Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyu-gorod/> (дата обращения 7.10.2020).
8. Солодкий А. И., Подозеров Н. Е., Белов А. В. Проблемы подготовки и повышения квалификации специалистов по интеллектуальным транспортным системам // Педагогические параллели: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25 октября – 2 ноября 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 792–796.
9. Технический комитет по стандартизации «Интеллектуальные Транспортные Системы» ТК 57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tk57.ru/> (дата обращения 22.09.2020).
10. Co Cities. Cooperative Cities extend and validate mobility services [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cordis.europa.eu/project/rcn/191742_en.html (дата обращения 24.09.2020).
11. CVIS. Co-operative Vehicle-infrastructure System. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cordis.europa.eu/project/id/027293> (дата обращения 7.10.2020). (дата обращения 22.09.2020).
12. Ddrive-C2X. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.drive-c2x.eu/project> (дата обращения 24.09.2020).
13. SAFESPOT. SP-6 BLADE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.safespot-eu.org/sp6.html> (дата обращения 22.09.2020).
14. The National ITS reference Architecture. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://local.iteris.com/arc-it/> (дата обращения 23.09.2020).
15. U. S. Department of transport. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.its.dot.gov/index.htm> (дата обращения 23.09.2020).

References

1. *Analiticheskaya sistema RITM³* [Analytical system RITM³]. Available at: https://apluss.ru/activities/its_konsalting/ritm3 (accessed 24.09.2020). (In Russ.).
2. Zhankaziev, S. V., Vlasov, V. M. (2010) [Scientific approaches to the formation of a state strategy for the development of intelligent transport systems]. *Avtotransportnoe predpriyatie* [Automobile operating company]. Vol. 7, pp. 2–8. (In Russ.).
3. Zhankaziev, S. V. (2019) [Intelligent transport systems in ensuring road safety] . *Aktual'nyye problemy deyatel'nosti po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (sostoyaniye, problemy, puti sovershenstvovaniya): materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Sankt-Peterburg, 26 fevr. 2019 g.)* [Actual problems of activities to ensure road safety (state, problems, ways of improvement): materials of an inter-departmental scientific and practical conference. (St. Petersburg, February 26, 2019)]. St. Petersburg, pp. 124–128. (In Russ.).
4. Zhankaziev, S. V. (2016) [Intelligent transport systems. Ways of development]. *Informatsionnyye tekhnologii i innovatsii na transporte: materialy 2-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Orol, 17–18 maya 2016 g)* [Information technologies and innovations in transport: materials of the 2nd International scientific and practical conference (Oryol, May 17–18, 2016)]. Oryol, pp. 3–9. (In Russ.).
5. Komarov, V. V., Garagan, S. A. (2012) *Arkhitektura i standartizatsiya telematicheskikh i intellektual'nykh transportnykh sistem. Zarubezhnyy opyt i otechestvennaya praktika* [Architecture and standardization of telematic and intelligent transport systems. Foreign experience and domestic practice]. Moscow: NTB “Energy”, 352 p.
6. Prikhodko, V. M., Zhankaziev, S. V. (2018) [The main directions of research in the field of autonomous vehicles in MADI]. *Progress transportnykh sredstv i sistem – 2018: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Volgograd, 9–11 okt. 2018 g.)* [Progress of vehicles and systems – 2018: materials of the international scientific and practical conference. (Volgograd, October 9–11, 2018)]. Volgograd, pp. 18–24. (In Russ.).
7. *Proyekt tsifrovizatsii gorodskogo khozyaystva «Umnyy gorod»* [The project of digitalization of the municipal economy “Smart City”]. Available at: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyu-gorod/> (accessed 7.10.2020). (In Russ.).
8. Solodkiy, A. I., Podozerov, N. E., Belov, A. V. (2018) [Problems of training and advanced training of specialists in intelligent transport systems]. *Pedagogicheskiye paralleli: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 25 oktyabrya – 2 noyabrya 2018 g.)* [Pedagogical parallels: materials of the VI International. scientific-practical conf. (St. Petersburg, October 25 – November 2, 2018)]. St. Petersburg, pp. 792–796. (In Russ.).
9. *Tekhnicheskyy komitet po standartizatsii «Intellektual'nyye Transportnyye Sistemy» TK 57* [Technical Committee for Standardization “Intelligent Transport Systems” TC 57]. Available at: <http://www.tk57.ru/> (accessed 22.09.2020). (In Russ.).

10. Co Cities. Cooperative Cities extend and validate mobility services. Available at: http://cordis.europa.eu/project/rcn/191742_en.html. (accessed 24.09.2020). (In Engl.).
11. CVIS. Co-operative Vehicle-infrastructure System. Available at: <https://cordis.europa.eu/project/id/027293> (accessed 7.10.2020). (In Engl.).
12. Ddrive-C2X. Available at: <http://www.drive-c2x.eu/project> (accessed 24.09.2020). (In Engl.).
13. SAFESPOT. SP-6 BLADE. Available at: <http://www.safespot-eu.org/sp6.html> (accessed 22.09.2020). (In Engl.).
14. The National ITS reference Architecture. Available at: <https://local.iteris.com/arc-it/> (accessed 23.09.2020). (In Engl.).
15. U. S. Department of transport. Available at: <https://www.its.dot.gov/index.htm> (accessed 23.09.2020). (In Engl.).

Информация об авторе:

Александр Иванович Солодкий, доктор экономических наук, доцент, Заслуженный работник транспорта Российской Федерации, Почетный дорожник России, заведующий кафедрой транспортных систем, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: asolodkiy@mail.ru

А. И. Солодкий закончил в 1975 г. с отличием Ленинградский инженерно-строительный институт (СПбГАСУ), прошел путь от аспиранта до заведующего кафедрой. Один из известных ученых и практиков в сфере развития транспортных систем. А. И. Солодкий автор более 150 печатных трудов, в том числе 7 монографий и учебников. Руководитель и соисполнитель более 100 научно-исследовательских и проектных работ в сфере развития транспортной инфраструктуры России, различных регионов и отдельных городов России. В последние годы активно ведет исследовательские работы по одному из наиболее инновационных направлений в транспортном комплексе – развитие интеллектуальных транспортных систем.

А. И. Солодкий является действительным членом Международной академии транспорта, Президентом «Ассоциации транспортных инженеров», членом технического комитета по стандартизации № 277 (ТК 277) «Организация дорожного движения», членом Технического совета ГК «АВТОДОР», членом научно-технического совета СПб ГКУ «Дирекция организации дорожного движения Санкт-Петербурга».

Статья поступила в редакцию: 05.10.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Alexander Ivanovich Solodkiy, Doctor of Economics, Associate Professor, Honored Worker of Transport of the Russian Federation, Honorary Road Builder of Russia, Head of the Department of Transport Systems, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia

e-mail: asolodkiy@mail.ru

A. I. Solodkiy graduated with honors from the Leningrad Civil Engineering Institute (SPbGASU) in 1975, rose from a graduate student to the head of the department. One of the famous scientists and practitioners in the development of transport systems. A. I. Solodkiy is the author of more than 150 printed works, including 7 monographs and textbooks, Head and co-executor of more than 100 research and design works in the development of transport infrastructure in Russia, various regions and individual cities of Russia. In recent years, he has been actively conducting research in one of the most innovative areas in the transport complex – the development of intelligent transport systems.

A. I. Solodkiy is a full member of the International Academy of Transport, President of the «Association of Transport Engineers», a member of the Technical Committee for Standardization No. 277 (TC 277) «Traffic Management», a member of the Technical Council of the Avtodor Group of Companies, a member of the Scientific and Technical Council of St. «Directorate of the organization of road traffic of St. Petersburg».

The paper was submitted: 05.10.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.45

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-20

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

А. В. Гаврилюк¹, А. С. Хворостяная²

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹e-mail: a.gavriljuk@mail.ru

²e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

***Аннотация.** Легкая промышленность является одной из важных отраслей народного хозяйства и мировой экономики. В связи со стратегическим приоритетом развития науки во многих странах, вопросы трансфера технологий включены в актуальную повестку экономического развития. Основной целью исследования является выявление стратегических ключевых основ отраслевого трансфера технологий. Для этого в статье использованы следующие методы: анализ и синтез, аналогия, сравнение, обобщение, индуктивный и дедуктивный методы. В статье раскрывается экономическая сущность отраслевого трансфера технологий, показано, что под трансфером технологий следует понимать сочетание обменных операций с производственными функциями, позволяющими снизить транзакционные издержки и создать добавленную стоимость. Рассмотрена стратегическая роль трансфера технологий как важнейшего фактора в переходе к Индустрии 4.0, ориентированного на перенос технологий от научно-исследовательских организаций в реальный сектор экономики. Показан особый механизм реализации трансфера технологий в легкой промышленности и индустрии моды, обеспечивающий гибкость и конкурентное преимущество производственных предприятий в сложной и быстро меняющейся внешней среде. Научная новизна статьи связана с раскрытием сущности каналов и инструментов отраслевого трансфера результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, направленных на достижение инновационных целей предприятий легкой промышленности и индустрии моды. Подчеркнута роль платформенных цифровых решений для формирования долгосрочных кооперационных цепочек, что позволяет использовать данный инструментарий для реализации поэтапного процесса отраслевого трансфера в будущем для предприятий легкой промышленности и индустрии моды. Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования может выступить исследование влияния платформенных решений на общественную и экономическую эффективность трансфера технологий. Предприятиям легкой промышленности и индустрии моды рекомендовано создавать цифровые платформы для активизации работы всех отраслевых факторов трансфера технологий, формирования базы данных проектов и инновационных предложений и обеспечения доступа к ним в режиме реального времени.*

***Ключевые слова:** инновации, трансфер технологий, легкая промышленность, индустрия моды, технологические платформы, бизнес-процессы, интеллектуальные технические системы.*

***Для цитирования:** Гаврилюк А. В., Хворостяная А. С. Стратегические основы трансфера технологий в легкой промышленности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 20–32. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-20.*

STRATEGIC FRAMEWORK FOR LIGHT INDUSTRY TECHNOLOGY TRANSFER

A. V. Gavriljuk¹, A. S. Khvorostyanaya²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹e-mail: a.gavriljuk@mail.ru

²e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

Abstract. Light industry is one of the most important sectors of the national and world economy. Due to the strategic priority of the science development in many countries, the issues of technology transfer are included in the economic development current agenda. The main purpose of the research is to identify the key strategic foundations of industrial technology transfer. To do this, the following methods were used: analysis and synthesis, analogy, comparison, generalization, inductive and deductive methods. The article reveals the economic essence of industrial technology transfer; shows that technology transfer should be understood as a combination of exchange operations with production functions that reduce transaction costs and create added value. The article considers the strategic role of technology transfer as the most vital factor in the transition to Industry 4.0, focused on the technologies transfer from research organizations to the real economy sector. A special mechanism for implementing technology transfer in light industry and the fashion industry is shown, which provides flexibility and competitive advantage of manufacturing enterprises in a complex and rapidly changing environment. The article scientific novelty is related to the disclosure of the channels and tools essence for the industry transfer of the research results, development and technological work aimed at achieving the light industry and fashion industry enterprises innovative goals. The digital platform solutions role for the long-term cooperative chains formation is emphasized, which allows using this tool to implement a step-by-step industry transfer process in the future for light industry enterprises and the fashion industry. One of the promising areas of further research may be the platform solutions impact study on the social and economic efficiency of technology transfer. For light industry and fashion companies, it is recommended to create digital platforms for activating the work of all industry actors in technology transfer, creating projects and innovative proposals database and providing access to them in real time.

Key words: innovations, technology transfer, light industry, fashion industry, technology platforms, business processes, intelligent technical systems.

Cite as: Gavrilyuk, A.V., Khvorostyanaya, A.S. [Strategic framework for light industry technology transfer]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 20–32. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-20.

Введение

Легкая промышленность, являющаяся одним из наиболее быстрорастущих секторов экономики, становится приоритетом экспортно-ориентированной стратегии промышленного развития многих стран. Она имеет все необходимые условия для перехода к производству, соответствующему мировым технологическим стандартам, и обладает существенным научно-технологическим потенциалом.

Формирование и развитие благоприятной инновационной среды в целях ускоренного трансфера и внедрения технологий имеет первостепенное значение для модернизации производств в отраслях легкой промышленности¹. Во многих странах создаются учебные центры легкой промышленности, которые отслеживают новые тренды развития отрасли (отраслевые, потребительские, маркетинговые, технологические) и оказывают высококачественные услуги технической поддержки и обучения для национальных и зарубежных производителей. Такие центры позволяют обеспечить доступ к широкому кругу специалистов в области дизайна, совершенствовать бизнес-процессы для повышения конкурентоспособности и улучшения

положения предприятия на национальном и международном рынках продукции легкой промышленности.

Повышение конкурентоспособности предприятий легкой промышленности посредством модернизации материально-технической базы, перехода на цифровое производство, доступа на рынок готовой продукции обеспечивается при финансовой поддержке государства и бизнеса, а также в партнерстве с субъектами инновационной инфраструктуры, которые содействуют обновлению технического потенциала в области инновационного дизайна одежды, облегчению установления контактов между производителями текстиля/одежды, дизайнерами готовой одежды, и обеспечению эффективного экспорта одежды и текстильных изделий.

Мировая экономика постепенно трансформируется и осуществляет переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени в перманентном взаимодействии с внешней средой, выходящее за границы одного предприятия, с перспективой объединения в глобаль-

¹ UNIDO to open new light industry training centre in Armenia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unido.org/news/unido-open-new-light-industry-training-centre-armenia>. (дата обращения: 06.09.2020).

ную промышленную сеть Интернета вещей² по всем направлениям. Ключевой целью технологических трансформаций является создание динамических, оптимизированных в реальном времени и самоорганизующихся цепочек добавленной стоимости³. Это включает в себя не только оцифровку и создание сетевого взаимодействия производственных предприятий, но и все более широкую кооперацию различных этапов цепочки создания добавленной стоимости за пределами компании.

Создание высокотехнологичных предприятий легкой промышленности является сложной задачей, требующей комплексного подхода к разработке стратегии развития субъектов хозяйствования и управлению бизнес-процессами. При разработке стратегии развития [8, с. 353] такого предприятия необходимо учитывать его отраслевые особенности, а именно: нематериальные активы, специфические компетенции трудовых ресурсов (творческий потенциал) [20, с. 64–65]. В эпоху технологических трансформаций субъекты малого и среднего бизнеса должны быть готовы к будущим изменениям и постоянно инвестировать в перспективные научно-технические разработки и процессы цифровизации для формирования своих долгосрочных конкурентных преимуществ. Это является действенным способом гарантировать связь с технологиями и связанную с ними конкурентоспособность.

Следует отметить, что легкая промышленность

и индустрия моды неоднократно становились объектами исследования многих отечественных и зарубежных экономистов, социологов. В научном дискурсе подчеркивается роль данной отрасли для экономического развития стран [9, с. 60; 4, с. 22; 19, с. 57; 13, с. 36; 14, с. 107–109], института социализации [23, с. 275–280] и отношений между индивидуумами [11, с. 20–22], формирования креативной экономики [29, с. 30] и интеллектуального капитала [28, с. 256], развития системы маркетинговых коммуникаций [1, с. 287], предпринимательства [24, с. 220]. В отечественном научном дискурсе исследуются основные барьеры отрасли [2, с. 50; 15, с. 1814–1816], ситуация с трудовыми ресурсами [12, с. 289; 16, с. 71], анализируются ключевые перспективы развития [17, с. 210; 18, с. 740] и подходы к повышению экономической эффективности отраслевых предприятий [3, с. 30].

Однако вопросы трансфера технологий и аспекты формирования отраслевой экосистемы передачи технологий именно данной отрасли не получили существенного исследования и распространения, что предопределило стратегическую цель данной статьи.

Мониторинг рынка легкой промышленности

Легкая промышленность является одной из ключевых отраслей народного хозяйства. Согласно данным ВТО, в 2018 году наибольший вклад данной отрасли в ВВП был зафиксирован в странах, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Вклад легкой промышленности и индустрии моды в валовый внутренний продукт (ВВП) стран в 2018 году (в %)

Рейтинг	Страна	Вклад отрасли в ВВП (в %)
1	Китай	21
2	Бангладеш	12,36
3	Италия	12
4	Вьетнам	11
5	Турция	6,8
6	Германия	6
7	Индия	5
8	Беларусь	4,6
9	США	4
10	Испания	3

Источник: World Trade Statistical Review⁴

² Четвертая промышленная революция. Популярно о главном технологическом тренде XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F-%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F_\(Industry_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F_4.0](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F-%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F_(Industry_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F_4.0) (дата обращения: 06.09.2020).

³ Yuan Zheng Digital technologies and development of clusters in the light industry of the PRC / SHS Web of Conferences 44. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/05/shsconf_cc-tesc2018_00078.pdf. (дата обращения: 06.09.2020).

⁴ World Trade Statistical Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf. (дата обращения: 13.10.2020).

Экспорт и импорт продукции данной отрасли налажен во всем мире и представлен в таблицах ниже (таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Динамика экспорта текстиля стран в мире (в млрд долл. США)

Страна/год	2000	2005	2010	2017	2019
Китай	10,4	20,3	30,5	37,1	119,6
Европейский союз	36,7	34,9	27	23,4	66,3
Индия	3,6	4,1	5,1	5,8	17,2
США	7,1	6,1	4,8	4,6	13,4
Турция	2,4	3,5	3,6	3,9	11,8
Южная Корея	8,2	5,1	4,4	3,3	9,1
Тайвань	7,7	4,8	3,9	3,1	8,5
Пакистан	2,9	3,5	3,1	2,7	7,1
Вьетнам	7	0,2	0,4	1,2	6,4

Источник: WTO Reports World Textiles and Apparel Trade in 2019⁵

Таблица 3. Динамика импорта текстиля стран в мире (в млрд долл. США)

Страна/год	2000	2005	2010	2017	2019
Европейский союз	35,2	33,6	27,9	23,3	67
США	9,8	10,5	8,8	8,9	31
Китай	7,8	7,2	6,6	5,5	16
Вьетнам	0,8	1,6	2,6	4,3	16
Бангладеш	0,8	1,1	1,7	3	10
Япония	3	2,7	2,7	2,6	9
Турция	1,3	2,1	2,5	2,2	5
Мексика	3,6	2,8	1,9	2	6
Индонезия	0,8	0,4	1,6	1,9	9

Источник: WTO Reports World Textiles and Apparel Trade in 2019⁵

В Российской Федерации вклад данной отрасли в ВВП составляет всего 1,9%. Следует отметить высокий показатель импорта текстильной промышленности – 70–90%, почти отсутствует экспорт данной продукции зарубеж. По оценкам Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, потери от такой высокой доли импорта составляет 1,1% от ВВП⁶.

Легкая промышленность Российской Федерации, насчитывающая в своем составе 22 тысячи

предприятий, находится в сложном положении, обусловленном высоким уровнем конкуренции, низкой покупательной способностью россиян, разрывом ранее существовавших экономических связей с рядом государств⁷.

За период с 2009 года по 2019 год совокупный объем отраслевого производства увеличился на 329 млрд рублей. В 2018 году производство одежды и обуви на территории Российской Федерации в денежном выражении составило 430,9 млрд рублей,

⁵ WTO Reports World Textiles and Apparel Trade in 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shenglufashion.com/2020/08/03/wto-reports-world-textiles-and-apparel-trade-in-2019/>. (дата обращения: 13.10.2020).

⁶ Концепция развития легкой промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Kontsepsiya_razvitiya_legkoj_promyshlennosti\[2\].pdf](https://www.minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Kontsepsiya_razvitiya_legkoj_promyshlennosti[2].pdf). (дата обращения: 13.10.2020).

⁷ Легкая промышленность России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://заводы.рф/publication/lyogkaya-promyshlennost-rossii>. (дата обращения: 15.10.2020).

в то время как импортная составляющая доходила до 962 млрд. Кроме того, объем контрафактной продукции на российском рынке оценивается в 700 млрд рублей ежегодно⁸.

Несмотря на негативные статистические данные, отмечается ряд направлений развития отечественной отрасли – повышение внутреннего спроса, частичное замещение импорта, увеличение экспортного потенциала, развитие синтетических производств. Следует отметить, что применение инструментов трансфера технологий может помочь динамично развить отрасль.

Трансфер технологий как стратегический фактор отраслевого развития

Развитие легкой промышленности во многих странах осуществляется посредством трансфера, внедрения и освоения инновационных технологий, поскольку традиционные способы реализации производственных операций больше не являются устойчивыми в современной динамике промышленных трансформаций. В условиях интенсивного развития технологий отрасль должна трансформироваться изнутри, чтобы быть более восприимчивой к организационным изменениям для улучшения бизнес-процессов. Принимая во внимание данное обстоятельство, механизм трансфера технологий должен быть разработан таким образом, чтобы развивать культуру, компетенции, ресурсы и сетевые возможности в легкой промышленности в соответствии со спецификой Российской Федерации.

Процесс трансфера технологий является ключевым фактором успеха в переходе к Индустрии 4.0 (Четвертая промышленная революция – внедрение киберфизических систем в производство и обслуживание социальных потребностей⁹), ориентированным на перенос технологий от научно-исследовательских организаций в реальный сектор экономики. Целью трансфера технологий является распространение инновационных технологий и методов реализации бизнес-процессов среди компаний реального сектора экономики. Трансфер технологий предполагает сочетание обменных операций с производственными функциями (проведение пусконаладочных работ, осуществление индивидуальных испытаний, доработка технологий), позволяющими снизить трансакционные издержки и создать добавленную стоимость.

Применение эффективных механизмов трансфера технологий позволяет наращивать объемы производства конкурентоспособной продукции

посредством внедрения и освоения наукоемких разработок. За последние семь лет в рамках немецкой программы поддержки инновационной деятельности было инвестировано более 450 миллионов евро в исследования и разработки наукоемких технологий [27, с. 5]. Результаты научно-исследовательской, опытно-конструкторской и технологической деятельности, полученные университетами и исследовательскими институтами Германии, передаются в реальный сектор экономики и способствуют созданию успешных продуктов, услуг и бизнес-моделей.

Согласно исследованию реального сектора экономики Германии, 86% немецких компаний положительно оценивают внедрение инновационных технологий в производственные и непроизводственные бизнес-процессы. Например, в наибольшей степени в процессы внедрения цифровых технологий вовлечено 57% компаний машиностроительного сектора и производства оборудования. Оставшиеся 29% компаний активно работают над стратегией перевода традиционных бизнес-процессов в цифровой формат [27, с. 5].

Стратегические особенности трансфера технологий в легкой промышленности

Ключевой задачей трансфера технологий в легкой промышленности и индустрии моды является содействие предприятиям в достижении более высокого уровня технической зрелости. Производственные предприятия предпочитают реализовывать проекты с минимальной степенью формальных препятствий и наиболее сжатыми сроками возврата вложенных средств [2, с. 50]. В данной связи научно-исследовательские проекты, рассчитанные на несколько лет, не всегда находят одобрение со стороны руководства промышленных предприятий, поэтому роль трансфера технологий для таких предприятий сложно переоценить.

Трансфер технологий является ключевым рычагом, обеспечивающим технологическое превосходство предприятий легкой промышленности. Производственные компании постоянно стремятся выстраивать эффективные связи между технологическими партнерами, стратегическими инвесторами и научно-исследовательскими организациями, то есть формировать долгосрочные кооперационные цепочки. Эти инициативы приводят к появлению различных механизмов трансфера технологий, разрабатываемых участниками инновационного процесса.

⁸ Там же.

⁹ Поплавская А. Четвертая промышленная революция и «диджитализация» повседневности как прыжок в цифровую бездну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reosh.ru/anita-poplavskaya-chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya-i-didzhitalizaciya-povsednevnosti-kak-pryzhok-v-cifrovuyu-bezdnu.html> (дата обращения: 06.09.2020).

Механизмы трансфера технологий предполагают активное взаимодействие поставщиков технологий – это те, кто владеет результатами научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, и партнеров-получателей – потенциальных потребителей технологий. Трансфер технологий в сфере легкой промышленности может осуществляться прямым и косвенным способом. В рамках прямого трансфера технологий осуществляется сотрудничество между поставщиком и получателем инновации, в случае косвенного – привлекаются посредники по передаче, такие как центры трансфера и коммерциализации научных разработок [21, с. 1230–1233]. Услуги по трансферу технологий обращены к ряду целевых групп и могут быть разделены на три категории:

1. Ориентация на исследования: образовательные и научно-исследовательские организации предоставляют свои исследовательские услуги и/или результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ непосредственно заинтересованным партнерам.

2. Ориентация на распространение инноваций: посредники по трансферу технологий, такие как центры трансфера и коммерциализации научных разработок, сети, ассоциации и некоммерческие отраслевые организации трансфера технологий осуществляют активную поддержку участников инновационной деятельности – информационно-коммуникативную в большой степени.

3. Ориентация на производство: деятельность промышленных предприятий, ассоциаций промышленных организаций направлена на реализацию эффективных производственных процессов путем разработки революционных технологических решений.

Процесс трансфера результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ от научно-образовательных организаций к предприятиям легкой промышленности может осуществляться посредством различных каналов и инструментов. Задачи, решаемые при использовании каналов трансфера технологий, варьируются от организации консультационных встреч, до прямого сотрудничества, связанного с реализацией инновационного проекта.

Одним из требований для успешного трансфера технологий в производство является применение гибких, ориентированных на предприятия легкой промышленности инструментов передачи, которые могут быть синхронизированы с различными каналами. В легкой промышленности используется как горизонтальный, так и вертикальный трансфер технологий. При горизонтальном трансфере технологий функции по созданию и продвижению наукоемкой разработки распределены между участниками инновационного процесса. Универсальные формы

горизонтального трансфера технологий включают в себя следующие механизмы: предоставление лицензий, передача производственного опыта, продажа патентов, продажа или сдача в аренду производственного оборудования. Вертикальный трансфер технологий означает, что весь инновационный цикл сконцентрирован в одной организации, в которой передача научно-технических результатов осуществляется от подразделения к подразделению. Инструменты, используемые при вертикальном трансфере технологий в легкой промышленности, варьируются от сложности разрабатываемой и внедряемой технологии до непосредственного освоения этой технологии на производстве.

Барьеры для реализации трансфера технологий в легкой промышленности

Несмотря на перспективные исследования и высокий потенциал промышленного внедрения и освоения наукоемких разработок, технологические предложения во многих случаях остаются неиспользованными. Ряд барьеров при трансфере технологий в легкой промышленности препятствует эффективному и целевому использованию результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. На пути трансфера инновационных разработок барьеры возникают как для поставщиков технологий, так и для партнеров-получателей. Они не только оказывают влияние на процесс трансфера как таковой, но также могут препятствовать выстраиванию возможного сотрудничества между наукой и промышленностью еще задолго до того, как оно начнется.

Препятствия на пути трансфера технологий могут включать в себя отсутствие возможностей для поиска необходимой информации и установления (поддержания) деловых контактов, негативный опыт реализации бизнес-проектов, низкий уровень технологической зрелости проектов, предвзятое отношение к технологическим партнерам, сложность защиты патентных прав. С одной стороны, возникают сомнения у потенциальных получателей технологий, например, в том, что научно-исследовательские организации могут продвигать перспективные проекты, способные удовлетворить технологические потребности и интересы производственных предприятий [3, с. 1817]. С другой стороны, разработчики технологий опасаются высоких рисков утечки конфиденциальной информации при раскрытии результатов интеллектуальной деятельности перед компаниями, не получив ожидаемого коммерческого предложения.

Наряду с указанными барьерами также следует отметить недостаток исследовательских возможностей и ресурсов, неэффективное бизнес-планирование, результаты научных исследований недостаточно ориентированы на практическое применение

[7, с. 154], отсутствие научно-технических приоритетов и конструктивной стратегии инновационного развития.

Ключевой инструментарий для реализации отраслевого трансфера технологий

Устранение вышеуказанных барьеров и поиск новых стратегических возможностей являются ключевыми условиями для успешной реализации трансфера технологий в легкой промышленности. Для этого требуется наличие стратегии инновационного развития, полноценно сканирующей внешнюю и внутреннюю среду объекта стратегирования. Во-первых, анализирующей возможности и угрозы в сфере инновационного развития, во-вторых – определяющей стратегические приоритеты, обеспеченные конкурентными преимуществами; в – третьих, формирующей цели с понятным вектором задач с оцененными ресурсами и фактором времени с использованием инструментов инновационной политики на макро- и микроуровнях. Необходимо использовать несколько различных каналов и инструментов для реализации трансфера технологий. Консолидация всех доступных мер стратегически важна для полноценного, системного и конструктивного взаимодействия поставщиков технологий и партнеров-получателей.

Для реализации процесса трансфера технологий в легкой промышленности активно используются открытые онлайн-курсы, интерактивные видеоролики, технологические и проектные порталы, научно-технические форумы, виртуальные торговые выставки. Трансфер технологий может осуществляться посредством размещения научно-технической информации и результатов исследования на веб-сайтах, а также посредством рассылки информационных бюллетеней. Учитывая влияние пандемии коронавирусной инфекции COVID-20 и перевода большей части функционала в режим удаленной работы следует отметить необходимость развития онлайн-инструментов и цифровых бизнес-коммуникаций.

Инновационное ядро производственных предприятий легкой промышленности составляют организации среднего размера, активно использующие возможности, предлагаемые Индустрией 4.0, чтобы поддерживать и расширять свою конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Им требуется доступ к передовым технологиям посредством использования интеллектуальных технических систем.

Трансфер и внедрение инновационных технологий, освоение высокотехнологичного оборудова-

ния и интеллектуальных производственных систем позволяет предприятиям легкой промышленности гибко реагировать на меняющиеся рабочие условия и своевременно адаптировать бизнес-процессы к новым вызовам и возможностям. Инновационные подходы к самооптимизации, такие как расширенное управление, математическая оптимизация и машинное обучение, позволяют предприятиям успешно перестраивать бизнес-процессы. Станки с числовым программным управлением содействуют производственной оптимизации в легкой промышленности. Интеллектуальной системы позволяют своевременно оповещать операторов и реагировать на разнообразные производственные факторы.

Растущее использование информационных и коммуникационных технологий ведет к усложнению продуктов и производственных систем в легкой промышленности. Это приводит к новым требованиям к созданию современной материально-технической базы и требует новых способов взаимодействия между оператором и интеллектуальными техническими системами. Интенсивное развитие инновационных технологий взаимодействия субъектов открывает новые горизонты производственных возможностей. Например, методы взаимодействия человека с машиной могут способствовать совершенствованию процессов ручной первичной обработки сырьевого материала, требующих максимальной точности при работе с химическими веществами и сушильными установками [15, с. 59]. Это обязывает к разработке и применению высоких стандартов качества и надежности.

Предприятия легкой промышленности и индустрии моды активно применяют на производстве комплекс сложных технологических процессов для выпуска готовой продукции. Такая особенность работы этой отрасли делает автоматизацию производственного процесса на предприятиях легкой промышленности многообразной и функционально очень сложной¹⁰. Например, внедрение интеллектуальных технических систем позволяет отображать все составляющие производственного процесса в легкой промышленности с помощью графического пользовательского интерфейса. Сенсорный экран используется для трансляции изображений и видео, которые передают сотрудникам информацию о том, как правильно выполнять определенного типа работы на производстве. Архитектура интеллектуальной технической системы поддержки основана на стандартизированных моделях процессов и может быть связана с другими уровнями информационных технологий предприятия. Также возможно обновление и динамическое расширение интеллектуальной

¹⁰ Автоматизация в легкой промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://datasolution.ru/avtomatizatsiya-v-legkoj-promyshlennosti>. (дата обращения: 06.09.2020).

технической системы. Система позволяет своевременно найти необходимые рабочие инструкции, отображающие правильную последовательность рабочих шагов, уведомить руководителя производства о сбоях и нарушениях требований технического регламента.

Объединение интеллектуальных технических систем в сеть вплоть до их полной интеграции с IoT-платформой (Интернет вещей) является ключевым фактором для многих производственных предприятий легкой промышленности, повышающим уровень конкурентоспособности. Интеллектуальные сети ускоряют процесс трансфера технологий и позволяют оптимизировать промышленное производство. Особое значение имеет адаптируемость и универсальность интеллектуальных технических систем, что способствует значительному снижению затрат на ввод в эксплуатацию, настройку и обслуживание, а также упрощает не только процессы разработки, но и выполнение пусконаладочных работ и работ по техническому обслуживанию.

Интеллектуальные технические системы предъявляют высокие требования к детализации и характеристике инновационного продукта, требуют всестороннего понимания системы практического применения и учета полного жизненного цикла наукоемкой разработки.

Стратегическая роль технологических платформ в повышении технологического спроса

Особое значение в реализации процесса распространения инноваций имеет ряд технологий и методов, объединенных в так называемую «технологическую платформу». Неоднократно многими исследователями рассматривался мировой тренд на создание таких платформ [34, с. 41], вопросы эволюции подходов к созданию эффективных сервисов [33, с. 546], аспекты фандрайзинга [30, с. 170], нормативного регулирования [25, с. 50], роль таких платформ в формировании профессиональных сообществ [31, с. 150–151] и разработке стратегий развития [32, с. 150]. В связи с эпидемиологической ситуацией в мире и мерами, применяемыми для ее сдерживания, основным приоритетом научно-технологического развития многих стран является оперативное создание цифровых платформ для трансфера технологий с большим набором сервисов. Технологическая платформа является перспективным инструментом для системной консолидации технологических запросов и формирования единого информационного пространства в условиях удаленной работы, которое обеспечивает эффективное взаимодействие участников рынка инноваций. Она позволяет обмениваться информацией, выполнить поиск экспертов, технологических партнеров и стратегических ин-

весторов, и включает в себя несколько приоритетных технологических секторов: самооптимизация, взаимодействие человека и машины, интеллектуальные сети, энергоэффективность и системная инженерия.

Образовательные, научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации используют технологические платформы для предоставления технологических предложений заинтересованным предприятиям и удовлетворения технологических запросов со стороны реального сектора экономики [6, с. 7]. Технологическая платформа позволяет участникам инновационной деятельности продвигать проекты с наименьшими транзакционными издержками в тесной координации действий с центрами трансфера технологий.

Механизм взаимодействия субъектов с технологической платформой включает четыре этапа. На первом этапе компании знакомятся с технологической платформой и получают базовую информацию в рамках конференций, семинаров и партнерских мероприятий, на которых осуществляется презентация концепции трансфера инновационных разработок, повышающей осведомленность о специфике передачи технологий.

Второй этап предполагает формирование профессионально-практического понимания использования доступного контента и принятия на его основе конструктивных решений по организации инновационного процесса. На этом этапе передача информации ориентирована на конкретную технологическую область. Основными инструментами трансфера технологий являются информационные мероприятия, на которых представители образовательных, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций в качестве примеров передовой практики сообщают об успешном использовании технологий, методов и бизнес-моделей. Программа информационных мероприятий является ключевым инструментом для распространения данных о инновационных разработках и возможных областях их применения.

Третий этап включает поиск технологических предложений для решения производственных и/или непроизводственных задач. Между поставщиком технологии и ее потенциальным партнером-получателем могут проводиться экспертные обсуждения о целесообразности внедрения искомой технологии в бизнес-процессы компании. Например, в рамках трансфера технологий может быть создана независимая экспертная группа для обсуждения вопросов доработки и совершенствования инновационной технологии. На этом этапе компании могут тестировать технологические решения при консультационной поддержке разработчиков наукоемких продуктов. Компании могут определять важные вопросы в контексте исполь-

зования интеллектуальных технических систем, позволяющих осуществлять постоянную координацию действий участников инновационного процесса и планировать стадии трансфера научно-технической информации.

Четвертый этап предполагает реализацию проектов трансфера технологий, использование и имплантацию наукоемких разработок в производственные и/или непроизводственные процессы компании, сопровождаемые сотрудничеством в рамках проекта между поставщиком технологии и потенциальным партнером-получателем.

Взаимодействие участников процесса трансфера технологий в легкой промышленности

Предприятия легкой промышленности имеют возможность не только продвигать инновационные проекты собственными усилиями, но и предоставлять научно-исследовательским организациям результаты проектных работ для проведения дополнительных научных изысканий.

Технологии, разработанные (доработанные) в научно-исследовательских организациях, перед внедрением обрабатываются в центрах трансфера технологий. Центры трансфера технологий оказывают необходимую поддержку предприятиям, чтобы подготовить их к решению задач, связанных с практическим применением инновационных разработок.

Центры трансфера технологий учитывают текущую ситуацию на предприятии и выполняют конструктивные действия, направленные на поиск, трансфер и внедрение наукоемких разработок, необходимых для улучшения ключевых показателей хозяйственной деятельности. Центры трансфера технологий позволяют предприятиям легкой промышленности эффективно решать производственные и непроизводственные задачи с высокой степенью риска, которые они не смогли бы решить собственными усилиями из-за нехватки ресурсов и/или отсутствия необходимых навыков.

Такие центры содействуют поиску подходящих партнеров и быстрому установлению деловых контактов. Успешная реализация трансфера технологий с целью инициирования инновационного проекта требует проведения индивидуальных встреч и достижения договоренностей. Большинство встреч между поставщиком технологии и потенциальным партнером-получателем проводится при участии представителей центров трансфера технологий, обладающих детальными знаниями о механизме трансфера технологий, консалтинговом сопровождении и заключении контрактов по вопросам коммерциализации.

Разработкой плана практического применения технологии могут заниматься научно-исследова-

тельские организации, осведомленные о всех технических составляющих наукоемкой разработки. В проекте трансфера технологии описывается процесс поиска заинтересованных субъектов хозяйствования в разработке и излагаются условия передачи, внедрения и освоения инновации. Такой подход приводит к общему пониманию механизмов реализации трансфера технологий. Центр трансфера технологий вносит существенный вклад в успех передачи наукоемкой разработки. Он информирует, консультирует и поддерживает предприятие на протяжении всего процесса передачи: от разработки плана трансфера до поиска подходящего технологического партнера и стратегического инвестора. При необходимости центр трансфера технологий также может выступать в качестве посредника между партнерами, участвующими в реализации проекта. Выполняя роль центрального координационного субъекта, он также организует информационные мероприятия, семинары и дни инноваций.

В рамках реализации проекта трансфера инновационной разработки центр трансфера технологий моделирует перспективы внедрения и освоения промышленного объекта интеллектуальной собственности, и оценивает преимущества, которые получит производственное предприятие в будущем и какое влияние они окажут на его развитие. Совместно с центрами трансфера технологий предприятия легкой промышленности разрабатывают дорожную карту мехатроники, которая информирует руководство о целесообразности формирования компетенций [26, с. 344], необходимых для внедрения и освоения технологии, переоснащения производственных линий и выпуска готовой продукции. После выполнения анализа существующих подходов к управлению производственными процессами на предприятии целесообразно изучить возможности применения испытанных методов функционального и структурного моделирования, необходимых для реализации проектов разработки, трансфера, внедрения и освоения инноваций.

Ключевым требованием для выполнения трансфера технологии является заключение соглашения о сотрудничестве между поставщиком технологии и потенциальным партнером-получателем, регулирующего права и обязанности сторон, механизм защиты интеллектуальной собственности. Вопросы в рамках проекта трансфера технологии всегда решаются в тесном сотрудничестве между партнерами по передаче. В процессе трансфера технологий в легкой промышленности могут принимать участие партнеры проекта, сотрудники центра трансфера технологий, представители государственных структур и бизнес-сообществ и другие заинтересованные участники.

Оценка эффективности трансфера технологий в легкой промышленности

Оценка успеха от реализации трансфера технологий в легкой промышленности осуществляется после завершения инновационного проекта. В рамках процесса оценки партнерам по проекту предлагается ответить на вопросы, охватывающие такие категории, как условия сотрудничества, результаты проектной деятельности и влияние проекта на развитие предприятия и экономики в целом. Также анализируются финальные отчеты, в которых подробно изложены результаты проекта. Затем выполняется корреляционный анализ, при котором сравниваются данные, полученные расчетным способом с количественными результатами опроса. Такой подход обеспечивает объективное измерение воздействия отдельных проектов трансфера технологий и инструментов передачи на социально-экономические процессы.

Существует различие между прямым воздействием и среднесрочным воздействием трансфера технологий на развитие легкой промышленности. Оценка трансфера технологий включает краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные эффекты от реализации инновационного проекта (непосредственно измеряемые результаты проекта, такие как разработанный объект промышленной интеллектуальной собственности, сокращение производственного времени, повышение конкурентоспособности предприятия).

Эффективность трансфера технологий в легкой промышленности можно определить по количеству научно-исследовательских проектов, числу заявок на инновационные разработки, поданных со стороны промышленных предприятий, объему производства инновационной продукции. Проект трансфера технологий воспринимается как общий процесс

и общая задача для передающей и принимающей сторон. Основой для успешного осуществления трансфера технологий является взаимопонимание между поставщиком технологии и потенциальным партнером-получателем в отношении реализации целей проекта.

Заключение

Таким образом, с учетом изложенного представляется, что трансфер технологий имеет стратегически важное значение для развития предприятий легкой промышленности и индустрии моды. Производственные предприятия особенно выигрывают от сотрудничества с центрами трансфера технологий и технологическими партнерами по исследованиям в рамках индивидуальных отраслевых проектов. Это взаимодействие для реального сектора экономики позволяет наиболее эффективно использовать передовые технологии и методы в рамках развития Индустрии 4.0. Процессы трансфера технологий способствуют активизации инновационной деятельности внутри предприятия и/или углубленному исследовательскому сотрудничеству. Более того, в области науки создается стимул для новой исследовательской деятельности, укрепляется культура стратегического партнерства на национальном и международном уровнях. На этом фоне проекты трансфера технологий служат катализатором для долгосрочного сотрудничества и представляют собой важный шаг на пути к инновационному развитию предприятий легкой промышленности. Одним из действенных инструментов трансфера технологий может являться цифровая платформа, объединяющая представителей науки и бизнеса в отрасли легкой промышленности и индустрии моды, и содействующая продвижению прикладных научных идей и инновационных разработок.

Литература

1. Алексеева Л. А. Социология моды: классический социологический дискурс о моде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 6. – С. 284–288.
2. Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Проблемы повышения инновационной активности предприятий легкой промышленности // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2017. – № 4. – С. 48–53.
3. Боровских Н. В. Кластерная модель развития легкой промышленности региона. // Проблемы экономики и менеджмента. – 2016. № 7 (59). – С. 29–32.
4. Бурденко Е. В. Значение легкой промышленности Китая для инновационного развития экономики страны // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 5 (26). – С. 21–22.
5. Горевая Е. С., Бедарева К. В. Анализ барьеров и возможностей для развития инновационной активности предприятий легкой промышленности // Российское предпринимательство. – 2017. – № 11 (18). – С. 1813–1826.
6. Дежина И. Г. Технологические платформы как инструмент укрепления связей в инновационной системе России // Стратегия. – 2014. – № 4. – С. 6–9.
7. Карасев П. А. Эффективность направлений инновационной деятельности на предприятиях легкой промышленности РФ: анализ и оценка состояния // Инновации и инвестиции. – 2013. – № 2. – С. 153–156.
8. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. – М.: Бизнес-Атлас, 2012. – 627 с.

9. Косыгин А. Н. О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1965 год : докл. и заключит. слово на пятой сессии Верховного Совета СССР шестого созыва 9 и 11 дек. 1964 г. – М.: Политиздат, 1965. – 64 с.
10. Кравченко А. В., Генералова А. В. Современные проблемы развития отечественной легкой промышленности. // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – № 15. – С. 801–805.
11. Липская В. М. Костюм как знак и концепция личности // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 1. С. 19–27.
12. Маслянова Ф. И., Таштобаева Б. Э. К вопросу подготовки кадров для легкой промышленности // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. – 2015. – № 1 (34). – С. 286–287.
13. Муллоджонов А. К., Тиллоев А. А. Становление и развитие промышленности в Таджикистане // Вестник Таджикского национального университета. – 2018. – № 7. – С. 35–38.
14. Сергиевич Т. В. Социально-экономические факторы, определяющие развитие белорусской легкой промышленности // Экономическая наука сегодня. – 2019. – № 10. – С. 106–115.
15. Саиди Д. Р., Махмудова Ф. М. Преимущества цифровизации легкой промышленности // Universum: технические науки. – 2020. – № 1(70). – С. 58–60.
16. Таштобаева Б. Э. Системный подход к подготовке специалистов легкой и текстильной промышленности // Наука и мир. – 2017. – № 1 (41). – С. 71–73.
17. Троянова Е. Н. Проблемы и перспективные направления развития легкой промышленности России // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 3 (68). – С. 205–207
18. Фатеева С. В., Зенцова Н. Ю. Состояние и перспективы развития легкой промышленности России. // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 4 (10). – С. 738–744.
19. Фролова М. О., Дуламбаева Р. Т. Проблемы развития легкой промышленности в Казахстане. // News of Science and Education. – 2016. – № 2 (21). – С. 56–60.
20. Хворостяная А. С. Индустрия моды — яркий пример развития креативной экономики // РНЖ Экономика и управление. – 2014. – № 06 (104). – С. 62–65.
21. Хворостяная А. С. Стратегическая роль центров трансфера технологии в развитии креативных индустрий экономики // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 7. – С. 1221–1238.
22. Хусаенова А. И., Горбушина К. С., Курнаков Д. М. Анализ факторов оказывающих влияние на отрасль легкой промышленности России // Синергия Наук. – 2019. – № 31. – С. 319–333.
23. Blumer H. G. Fashion: from Class Differentiation to Collective Selection // The Sociological Quarterly. – 1969. – № 10(3). – P. 275–291.
24. Chavan R.B. Analysis of Fashion Industry Business Environment // Trends in Textile and Fashion Design. – 2018. – № 4(2). – P. 212–219.
25. Chintakananda A, Srinivasan A., Mcintyre D., Leiponen A., Alstynе V., Marshall, Zhu F. Regulatory Approaches to Digital Platforms. // Academy of Management Proceedings. – 2020. – P. 1–52.
26. Chiu Yu Ko, Xuyao Zhang. (2020). Research joint venture with technology transfer. // Canadian Journal of Economics. № 53 (2) – P. 341–358.
27. Dumitrescu R., Korder G., Weber H. ON THE ROAD TO INDUSTRY 4.0: TECHNOLOGY TRANSFER IN THE SME SECTOR. The Technology-Network: Intelligent Technical Systems OstWestfalenLippe. Germany / It's OWL Clustermanagement GmbH. – 2016. P. 32.
28. Florida R. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent New York: Harper Business, Harper Collins, 2005. – 200 p.
29. Howkins, J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas – UK: Penguin, 2013. – P. 304
30. Kamstrup, A., Husted, E. Crowdsourcing and Digital Platforms. // Anarchism, Organization and Management. – 2020. – P. 169–183.
31. McIntyre D., Srinivasan A., Chintakananda A. The persistence of platforms: The role of network, platform, and complementor attributes. // Long Range Planning. – 2020. P. 101987.
32. McIntyre D., Srinivasan A. Networks, platforms, and strategy: Emerging views and next steps. // Strategic Management Journal – 2017. – № 38 (1) – P. 140–160
33. Zutshi A., Grilo A. Developing a Digital Platform Architecture and analysing its impact on Industrial Engineering. // Computers & Industrial Engineering. – 2019. – P. 546–555
34. Zutshi A., Nodehi, Tahereh, Grilo A., Antonio, Rizvanović, Belma. The Evolution of Digital Platforms. // Advances in Management Research. – 2019. – P. 41–50.

References

1. Alekseeva, L. A (2012) [Sociology of fashion: a classic sociological discourse about fashion]. *Aktual'nyye*

problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [Actual problems of the Humanities and natural sciences]. Vol. 6. pp. 284–288 (In Russ.)

2. Borovskih, N. V., Kipervar, E. A (2017) [Problems of increasing innovation activity of light industry enterprises]. *Omskiy nauchnyy vestnik seriya obshchestvo istoriya sovremennost* [Omsk scientific Bulletin. Of Society. History. Modernity]. Vol. 4, pp. 48–53. (In Russ.).

3. Borovskih, N. V. (2016) [Cluster model of light industry development in the region]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Problems of Economics and management]. Vol. 59. No 7, pp. 29–32 (In Russ.).

4. Burdenko, E. V. (2016) [The importance of China's light industry for innovative development of the country's economy]. *Evrazijskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of scientists]. Vol. 26. No 5, pp. 21–22 (In Russ.).

5. Gorevaya, E. S., Bedareva, K. V (2017) [Analysis of barriers and opportunities for the development of innovative activity of light industry enterprises]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. Vol. 11. No 18, pp. 1813–1826. (In Russ.).

6. Dejina, I. G. (2014) [Technology platforms as a tool for strengthening ties in the Russian innovation system]. *Strategiya* [Strategy]. Vol. 4, pp. 6–9. (In Russ.).

7. Karasyev, P. A. (2013) [Efficiency of innovative activity directions at light industry enterprises of the Russian Federation: analysis and assessment of the state of]. *Innovacii i investicii* [Innovation and investment]. Vol. 2, pp. 153–156. (In Russ.).

8. Kvint, V. L. (2012) *Strategicheskiy menedzhment i ekonomika na global'nom razvivayushchemsya rynke* [Strategic management and Economics in the global emerging market]. Moscow: Business-Atlas. 627 p.

9. Kosygin, A. N. (1964) *O Gosudarstvennom plane razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR na 1965 god: otchet i vyvody. vystupleniye na pyatoy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR shestogo sozyva 9 i 11 dekabrya* [About the state plan for the development of the national economy of the USSR for 1965: report and conclusions. speech at the fifth session of the Supreme Soviet of the USSR of the sixth convocation 9 and 11 Dec]. Moscow: Politizdat, 1965. 64 p.

10. Kravchenko, A. V., Generalova, A. V. (2016) [Modern problems of development of domestic light industry]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal Koncept* [Scientific and methodological electronic journal Concept]. Vol. 15, pp. 801–805 (In Russ.).

11. Lipskaya, V. M. (2013) [Costume as a sign and concept of personality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies.]. Vol. 1, pp. 19–27. (In Russ.).

12. Maslyanova, F. I., Tashobaeva, B. E (2015) [On the issue of training personnel for light industry]. *Izvestiya Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. I. Razzakova* [Proceedings of Kyrgyz state technical University named after I. Razzakov.]. Vol. 34. No 1, pp. 286–287. (In Russ.).

13. Mullojonov, A. K., Tilloev, A. A. (2018) [Formation and development of industry in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo nacional'nogo universiteta*. [Bulletin of the Tajik national University]. Vol. 7, pp. 35–38. (In Russ.).

14. Sergievich, T. V. (2019) [Socio-economic factors that determine the development of the Belarusian light industry]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya* [Economics today]. Vol. 10, pp. 106–115. (In Russ.).

15. Saidi, D. P., Mahmudova, F. M. (2020) [The advantages of the digitalization of light industry]. *Universum tekhnicheskie nauki* [Universum: technical Sciences]. Vol. 1. No. 70, pp. 58–60. (In Russ.).

16. Tashobaeva, B. E. (2017) [System approach to training specialists in light and textile industries]. *Nauka i mir* [Science and world]. Vol. 41. No 1, pp. 71–73. (In Russ.).

17. Troyanova, E. N. (2016) [Problems and perspective directions of light industry development in Russia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. Vol. 68. No 3, pp. 205–207. (In Russ.).

18. Fateeva, S. V., Zencova, N. Y (2016) [State and prospects of light industry development in Russia]. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki* [Theory and practice of modern science]. Vol. 10. No 4, pp. 738–744. (In Russ.).

19. Frolova, M. O., Dulambaeva, R. T (2016) [Problems of development of light industry in Kazakhstan.]. *News of Science and Education* [News of Science and Education]. Vol. 21. No 2, pp. 56–60. (In Russ.).

20. Khvorostyanaya, A. S. (2014) [The fashion industry is a vivid example of the creative economy development]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management]. Vol. 6, No 104, pp. 62–65. (In Russ.).

21. Khvorostyanaya, A. S. (2020) [Strategic role of technology transfer centers in the development of creative industries in the economy]. *Kreativnaya ehkonomika* [Creative economy]. Vol. 14, No. 7, pp. 1221–1238. (In Russ.).

22. Husaenova, A. I., Gorbushina, K. S., Kurnakov, D. M (2019) [Analysis of factors influencing the light industry of Russia]. *Sinergiya Nauk* [Synergy of Sciences]. Vol. 31, pp. 319–333. (In Russ.).

23. Blumer, H. G. (1969) Fashion: from Class Differentiation to Collective Selection. *The Sociological Quarterly*. № 10(3), pp. 275–291. (In Engl.).

24. Chavan, R. B. (2018) Analysis of Fashion Industry Business Environment. *Trends in Textile and Fashion Design*. Vol. 4(2), pp. 212–219. (In Engl.).

-
-
25. Chintakananda, A., Srinivasan, A., McIntyre, D., Leiponen, A., Alstyne, V., Marshall, Zhu, F. (2020) Regulatory Approaches to Digital Platforms. *Academy of Management Proceedings*. 17258. 10.5465/AMBPP.2020.17258symposium. (In Engl.).
 26. Chiu, Yu Ko, Xuyao, Zhang (2020) Research joint venture with technology transfer. *Canadian Journal of Economics*. Vol. 53 (2), pp. 341–358. (In Engl.).
 27. Dumitrescu, R., Korder, G., Weber, H. (2016) ON THE ROAD TO INDUSTRY 4.0: TECHNOLOGY TRANSFER IN THE SME SECTOR. The Technology-Network: Intelligent Technical Systems OstWestfalenLippe. Germany / It's OWL Clustermanagement GmbH, pp. 32. (In Engl.).
 28. Florida, R. (2005) The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent. *New York: Harper Business, HarperCollins*. (In Engl.).
 29. Howkins, J. (2013) The Creative Economy: How People Make Money from Ideas – UK: Penguin, pp. 304. (In Engl.).
 30. Kamstrup, A., Husted, E. (2020) Crowdsourcing and Digital Platforms. Anarchism, Organization and Management, pp. 169–183. (In Engl.).
 31. McIntyre, D., Srinivasan, A., Chintakananda, A. (2020) The persistence of platforms: The role of network, platform, and complementor attributes. *Long Range Planning*. (In Engl.).
 32. McIntyre, D., Srinivasan, A. (2016) Networks, platforms, and strategy: Emerging views and next steps. *Strategic Management Journal*. Vol. 38 (1). (In Engl.).
 33. Zutshi, A., Grilo, A. (2019) Developing a Digital Platform Architecture and analysing its impact on Industrial Engineering. *Computers & Industrial Engineering*, pp. 546–555. (In Engl.).
 34. Zutshi, A., Nodehi, Tahereh, Grilo A., Antonio, Rizvanović, Belma. (2019) The Evolution of Digital Platforms. *Advances in Management Research*, pp. 41–50. (In Engl.).

Информация об авторах:

Артём Владимирович Гаврилюк, кандидат экономических наук, PhD, ассистент, кафедра экономики инновационного развития, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-3583-6698, **Researcher ID:** AAT-5581-2020

e-mail: a.gavriljuk@mail.ru

Анна Сергеевна Хворостяная, кандидат экономических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4421-3705, **Researcher ID:** N-4385-2018

e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 10.09.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Artyom Vladimirovich Gavriljuk, PhD in Economics, Assistant, Department of Economics of Innovative Development, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-3583-6698, **Researcher ID:** AAT-5581-2020

e-mail: a.gavriljuk@mail.ru

Anna Sergeevna Khvorostyanaya, PhD in Economics, Leading Researcher, Center for Strategic Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4421-3705, **Researcher ID:** N-4385-2018

e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

The paper was submitted: 10.09.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕЖКИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Э. А. Гурьянова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
e-mail: elinagur@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования вызвана увеличением масштабов роста процесса информатизации экономики. Необходимым условием эффективного развития бизнеса является организация бесперебойного функционирования системы сбора, обработки и хранения информации. Повышение сложности и динамики как внешней, так и внутренней среды организации, все чаще приводит к необходимости использования информационных систем управления. Данный процесс оказывает влияние на размер и структуру транзакционных издержек организации.

Проблема оптимизации транзакционных издержек в условиях глобальной информатизации бизнеса вызвана усложнением социально-экономического взаимодействия, а также увеличением объема и скорости информационного обмена. В этих условиях руководство организаций должно проводить анализ структуры, динамики и источников роста транзакционных издержек, что позволит максимально эффективно использовать потенциал организаций.

В связи с этим целью настоящего исследования является формирование модели оценки изменения транзакционных издержек в связи с внедрением информационной системы для повышения эффективности их функционирования. В данной статье использован метод научного анализа и синтеза. Так, в статье проведен анализ статистических данных использования информационных технологий в отечественных организациях, а также данных об экономическом эффекте внедрения информационных систем. Далее, на основе синтеза выявленных тенденций с использованием авторской классификации транзакционных издержек проведена оценка снижения транзакционных издержек от внедрения информационной системы.

В работе проведен анализ уровня информатизации бизнеса в Российской Федерации, проанализировано влияние информационных технологий на показатели деятельности организации, установлена взаимосвязь между транзакционными издержками и уровнем информатизации бизнеса.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. Внедрение новейших информационных технологий в деятельность организаций приводит к снижению транзакционных издержек за счет повышения надежности информационной базы данных, а также за счет увеличения прозрачности информационных потоков организации. Это позволяет оптимизировать процесс принятия управленческих решений в условиях неопределенности, снизить стоимость ведения бизнеса и в итоге повысить эффективность функционирования организации. Полученные результаты исследования убедительно доказывают, что внедрение информационных систем управления позволяет улучшить показатели деятельности организации и снизить транзакционные издержки.

Ключевые слова: цифровизация экономики, транзакционные издержки, информационная система, информатизация бизнеса, информационные технологии.

Для цитирования: Гурьянова Э. А. Транзакционные издержки организации в условиях информатизации экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 33–39. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-33.

TRANSACTION COSTS OF AN ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION OF THE ECONOMY

E. A. Gurianova

Kazan (Volga region) Federal university, Kazan, Russia
e-mail: elinagur@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is caused by an increase in the scale of growth of the process of informatization of economy. An essential condition for the effective functioning of business is organization of uninterrupted functioning of system of collecting, processing and storing information. In the context of increasing complexity and dynamics of both the external and internal environment of organization, it increasingly leads to need to use information management systems. This process influences the size and structure of organization's transaction costs.

The problem of optimizing transaction costs in the context of global business informatization was caused by the increasing complexity of social and economic interactions, as well as the increase in the volume and speed of information exchange. In these circumstances, the management of companies should analyze the structure, dynamics and sources of growth of transaction costs. That will allow the most efficient use of the resource potential of organizations.

The purpose of this study is to analyze changes in transaction costs in the context of business informatization. This article uses the method of scientific analysis and synthesis. Thus, the article analyzes statistical data on the use of information technologies in domestic companies, as well as data on the economic effect of introduction of information systems. Further, based on the synthesis of the identified trends using the author's classification of transaction costs, an assessment of the impact of reducing transaction costs from introduction of an information system on performance indicators of organization was carried out.

The paper analyzes the level of business informatization in the Russian Federation, analyzes the impact of information technologies on performance of a firm, establishes the relationship between transaction costs and level of business informatization.

The research results lead to the following conclusions. The introduction of modern information technologies in activities of organizations leads to decrease in transaction costs by increasing reliability of information database and transparency of organization's information flows. This allows you to optimize the process of making management decisions in conditions of uncertainty, reduce the cost of doing business and, as a result, increase efficiency of organization.

Key words: transaction costs, business informatization, information technology, information system, informatization of economy.

Cite as: Guryanova, E. A. (2020) [Transaction costs of an organization in the context of informatization of the economy]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol.6, pp. 33–39. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-33.

Введение

Оптимизация уровня транзакционных издержек на современном этапе развития бизнеса приводит к необходимости использовать инструментарий, позволяющий снизить относительный вес транзакционных издержек в общем возрастающем объеме транзакций, вызванном глобализацией экономики и сменой технологического уклада.

Вопросы транзакционных издержек в течение многих лет занимают умы ученых, среди которых наиболее известными являются: Commons J. R. [8], Coase R. H. [7], North D. C. [13], Eggertsson T. [9], Milgrom P. and Roberts J. [12], Williamson O. E. [15], Furubotn E. G. and Richter R. [10], Menard C. [11], Smyth R. [14]. Но необходимо отметить, что указанные исследования направлены на изучение только внешних транзакционных издержек, в то время как в рамках данного исследования представляют значительный интерес в том числе и внутренние транзакционные издержки в силу их значительного влияния на эффективность деятельности организации.

Информатизация экономики трансформирует информацию в экономический ресурс [4, с. 165]. Это означает повышение ее значимости для успешного функционирования организаций и значительный рост издержек, в том числе транзакционных, на сбор, обработку, передачу и хранение информации. В своей работе Тухбатов Р. Р. [6, с. 172] анализирует влияние информационных технологий на структуру транзакционных издержек, однако не проводит разделение типов данных издержек. Ин-

форматизация экономики вызывает необходимость анализа целесообразности применения современных информационных технологий для повышения эффективности функционирования организаций. Для этого прежде всего необходимо провести анализ уровня информатизации отечественного бизнеса в разрезе используемых программных средств, а также современных информационных систем. Данный анализ позволит выявить наличие проблемы информатизации отечественной экономики.

Анализ уровня информатизации бизнеса в Российской Федерации

Информатизация организационной деятельности сегодня рассматривается как необходимое условие ведения бизнеса на современном уровне. Тем не менее, уровень внедрения информационных систем в организациях Российской Федерации отстает от общемирового уровня [3, с. 95], хотя в настоящее время в данном вопросе отмечается положительная динамика [5, с. 2210]. Использование программных средств для ведения бизнеса на отечественных предприятиях показан на рисунке 1.

Как показывают данные рисунка 2, использование программных средств в отечественных организациях предпринимательского сектора невелико даже в рамках осуществления документооборота, где целесообразность информатизации несомненно повысит качество принимаемых решений и увеличит скорость обмена информацией.

В настоящее время все больше организаций внедряет и использует информационных технологий,

в частности, ERP-систем. ERP-системы и CRM-системы наиболее активно используются в сфере телекоммуникаций, а SCM-системы – в оптовой и розничной торговле, что связано со спецификой деятельности данных компаний (рисунок 2). Данные рисунка 2 также позволяют сделать вывод,

что значительное количество отечественных компаний хранит информацию разрозненно, в рамках различных подразделений. Это затрудняет доступ к необходимым данным, повышая транзакционные издержки и снижая эффективность функционирования организации.

Рисунок 1. Использование программных средств в организациях предпринимательского сектора (в процентах от общего числа организаций)

Источник: составлено автором по материалам ¹

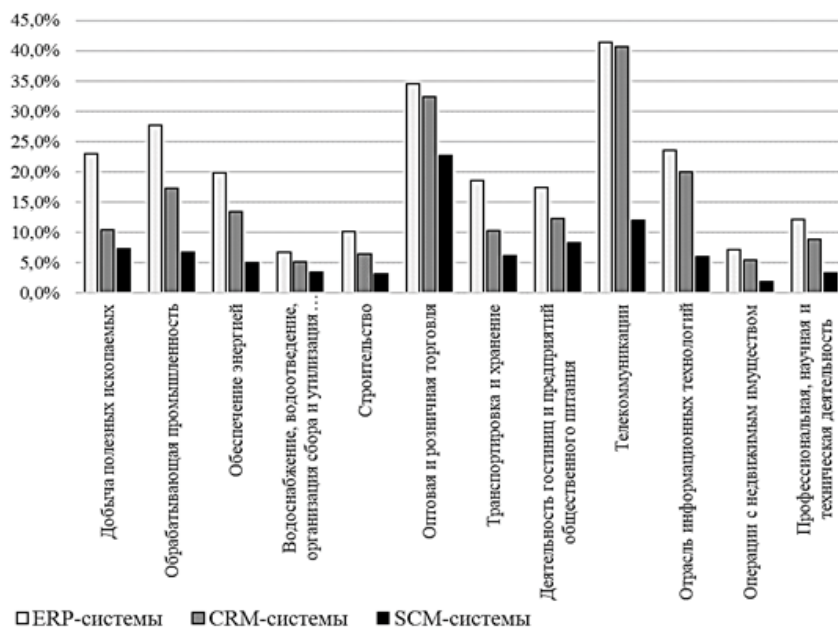

Рисунок 2. Применение ERP-, CRM-, SCM-систем в Российской Федерации (в процентах от всех организаций предпринимательского сектора)

Источник: составлено автором по материалам ²

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.

² Цифровая экономика: 2020: краткий статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 112 с.

Внедрение ERP-систем позволяет повысить эффективность информационного обмена, а также результативность различных видов организационной деятельности (рисунок 3).

Диаграмма на рисунке 3 показывает, что внедрение ERP-системы способно привести как к снижению различного рода издержек, так и к повы-

шению результативности деятельности. При этом данный эффект в большинстве случаев связан не с самим внедрением ERP-системы, а с тем, что при ее внедрении происходит оптимизация бизнес-процессов, которые она поддерживает, в том числе повышение их прозрачности и усиление контроля на всех уровнях.

Рисунок 3. Экономический эффект от внедрения ERP-систем на платформе «1С:Предприятие 8».

Источник: составлено автором по материалам ³

Оптимизация транзакционных издержек в процессе информатизации бизнеса

Проанализируем изменение транзакционных

издержек под влиянием процессов информатизации с использованием авторской классификации [2, с. 81].

Таблица 1. Модель оценки изменения транзакционных издержек и показателей деятельности организации от внедрения ERP-, CRM-, SCM-систем

Показатель эффективности	Среднее значение	Транзакционные издержки					
		поиска и обработки внешней информации	ведения переговоров и заключения контрактов	оппортунистического поведения	сбора, хранения и анализа внутренней информации	координации	контроля
Сокращение запасов материальных ресурсов	21%	+	+		+	+	+
Снижение расходов на материальные ресурсы	15%				+	+	+
Сокращение издержек на производство	15%					+	+

³ Фирма 1С (2020). Экономический эффект от внедрения ERP-систем «1С». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v8.1c.ru/erp/ekonomicheskiy-effekt/> (дата обращения: 10.05.2020).

Продолжение таблицы 1

Показатель эффективности	Среднее значение	Транзакционные издержки					
		поиска и обработки внешней информации	ведения переговоров и заключения контрактов	оппортунистического поведения	сбора, хранения и анализа внутренней информации	координации	контроля
Уменьшение себестоимости продукции	9%	+	+	+	+	+	+
Повышение объема выпуска продукции	32%	+	+			+	
Повышение производительности труда	27%				+	+	+
Уменьшение длительности простоев оборудования	22%					+	+
Сокращение брака	21%					+	+
Ускорение оборачиваемости складских запасов	23%		+		+	+	+
Снижение сроков выполнения заказов	23%		+		+	+	+
Сокращение дебиторской задолженности	20%		+	+			
Уменьшение сроков обработки заказов	62%	+		+	+		
Уменьшение постоянных затрат	16%				+	+	+
Сокращение затрат труда	26%	+	+		+	+	
Повышение прибыли	13%	+	+	+	+	+	+

Источник: составлено автором по материалам исследования организаций Республики Татарстан

Как видно из представленной модели, внедрение ERP-, CRM-, SCM-систем приводит к улучшению показателей деятельности организации в среднем на 23 процента, что сопряжено с сокращением транзакционных издержек.

Данная модель может быть использована для обоснования эффективности внедрения современных информационных технологий для любых организаций и видов деятельности. Однако необходимо отметить, что внедрение указанных выше информационных технологий наибольшее значение имеет в машиностроении, строительных организациях, в пищевой и химической промышленности, в сфере услуг, торговле.

Но нельзя забывать, что, организация, желающая внедрить современные информационные технологии в свою деятельность, должна провести анализ собственных ресурсных возможностей (финансовых, кадровых, материальных и т. д.). Еще одним важнейшим фактором, влияющим на систему ограничений данной модели, является следующий:

необходимо сопоставить эффект от внедрения информационной системы с затраченными ресурсами на ее внедрение и эксплуатацию. Очевидно, что результат должен превышать затраты.

Выводы

При поиске и обработке информации во внешней среде организации часто сталкиваются с проблемой неполноты информации, что нередко приводит к потерям или недополучению прибыли. В данном случае транзакционные издержки организации возрастают кратно по причине необходимости принятия управленческого решения в условиях неопределенности. Внедрение глобальной информационной системы призвано сократить данные издержки благодаря получению достоверной информации всеми пользователями.

Поддержание функционирования любой информационной базы данных связано с соответствующими затратами ресурсов на заработную плату работникам, на приобретение и работу информационных

технических средств управления, информационных технологий. Но информационные технологии, охватывающие все уровни организации, помогают сократить транзакционные издержки, связанные с дублированием, поиском и передачей информации.

В процессе ведения бизнеса фирмы сталкиваются также с издержками ведения переговоров и заключения контрактов. Данные издержки вызваны не только с затратами времени на сам процесс проведения переговоров, но и с получением необходимой для этого информации. Внедрение информационных технологий дает возможность снизить издержки такого рода путем проведения онлайн-конференций и подписания смарт-контрактов.

Процесс сбора, хранения, обработки внутренней информации также сопровождается значительными издержками. Информация, полученная по внутренним коммуникационным каналам вопреки ожиданиям далеко не всегда своевременная и достоверная. Это связано с коммуникационными барьерами, возникающими как при передаче, так и обработке информации. В этом случае единая информационно-коммуникационная система поможет избежать дублирования информации, облегчит ее поиск в общей информационной базе, что сделает ее более доступной на всех организационных уровнях для обеспечения процесса принятия решений.

Процесс согласования внутриорганизационных вопросов можно также оптимизировать внедрением единой корпоративной информационной системы, что приведет к снижению транзакционных издержек координации.

Возможность снижения издержек контроля, вызванных оппортунистическим поведением также возможна благодаря увеличению большей открытости информации в случае единого внутрифирменного электронного документооборота.

Одним из путей снижения транзакционных издержек является разработка и реализации стратегии информатизации бизнеса, которая позволит изменить сам механизм функционирования конкретной организации, преобразуя не только бизнес-процессы, но в ряде случаев непосредственно и продукт, который может рассматриваться в качестве совокупности товаров, услуг, а также информации, предоставляемой потребителям.

Заключение

Использование новых информационных технологий в деятельности организаций дает возможность совершенствовать коммуникационные процессы, снизить стоимость ведения бизнеса, оптимизировать процедуру принятия управленческих решений в условиях неопределенности.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий повышает эффективность функционирования организаций [1, с. 94]. Повышение эффективности происходит как на уровне корпоративного менеджмента, так и на уровне связей фирмы со средой, а также снижает транзакционные издержки организации. Таким образом, благодаря успешному внедрению информационных технологий в деятельность организаций, создаются предпосылки для повышения эффективности функционирования организаций.

Литература

1. Гатилова И. Н. Информатизация как основной фактор повышения эффективности управления предприятием. // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2017. – № 1 (62). – С. 88–97.
2. Гурьянова Э. А. Повышение эффективности организационной структуры управления на основе оптимизации транзакционных издержек // Инженерный вестник Дона. – 2013. – № 1 (24). – С. 81.
3. Казаченко Т. А. Использование информационно-коммуникационных технологий в российском корпоративном секторе // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 11 (133). – С. 87–96.
4. Симонян Д. Ф. Информатизация бизнеса как ключевой элемент формирования адаптивной системы управления // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3 (64). – С. 164–167.
5. Тагаров Б. Ж. Оценка уровня информатизации российских компаний // Экономические отношения. – 2019. – № 9 (3). – С. 2203–2212.
6. Тухбатов Р. Р. Влияние информационных технологий на структуру транзакционных издержек // Экономические науки. – 2007. – № 4 (29). – С. 169–174.
7. Coase R. H. The Nature of the Firm. // *Economica*. Blackwell Publishing. – 1937. – 4 (16). – pp. 386–405.
8. Commons J. R. Institutional Economics. // *American Economic Review*. – 1931. – 21 (4). – pp. 648–657.
9. Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions: Principles of Neoinstitutional Economics. // Cambridge University Press. – 1990. – June 29. – 385 p.
10. Furubotn E. G., Richter R. The New Institutional Economics – A Different Approach to Economic Analysis. // *Economic Affairs*. – 2008. – Vol. 28 (3). – pp. 15–23.
11. Menard C. A Research Agenda for New Institutional Economics. – Edward Elgar Pub, 2018. – 287 p.
12. Milgrom P., Roberts J. Economics, Organization and Management. – Prentice Hall, 2000. – 621 p.
13. North D. C. Institutions, Transaction Costs, and Economic Growth. // *Economic Inquiry*. – 1987. – Vol. 25. – pp. 419–428.

14. Smyth R. New Institutional Economics in the Post-Socialist Transformation Debate. // *Journal of Economic Surveys*. – 2002. – 12 (4). – pp. 361–398.
15. Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. // *Journal of Economic Literature*. – 2000. – Vol. 38 (3). – pp. 595–613.

References

1. Gatilova, I. N. (2017) [Information as the Main Factor of Enterprise's Efficiency Improvement]. *Vestnik Belgorodskogo univer-siteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law]. Vol. 1 (62), pp. 88–97. (In Russ.).
2. Gurianova, E. A. (2013) [Increase of Organizational Effectiveness of Management on the Basis of Optimization of Transactional Expenses]. *Inzhe-nernyy vestnik Dona* [Engineering Journal of Don]. Vol. 1 (24), pp. 81. (In Russ.).
3. Kazachenko, T. A. (2015) [Use of Information and Communication Technologies in the Russian Corporate Sector]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics]. Vol. 11 (133), pp. 87–96. (In Russ.).
4. Simonyan, D. F. (2012) [Business Informatization as a Key Element in the Formation of an Adaptive Management System]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Humane, Social and Economic Sciences]. Vol. 3 (64), pp. 164–167. (In Russ.).
5. Tagarov, B. Zh. (2019) [Assessment of the Level of Informatization of Russian Companies]. *Ekonomicheskiye otnosheniya* [Journal of International Economic Affairs]. Vol. 9 (3), pp. 2203–2212. (In Russ.).
6. Tukhbatov, R. R. (2007) [Influence of Information Technologies on the Structure of Transaction Costs]. *Ekonomicheskiye nauki* [Economic Sciences]. Vol. 4 (29), pp. 169–174. (In Russ.).
7. Coase, R. H. (1937) The Nature of the Firm. *Economica*. Blackwell Publishing. Vol. (16), pp. 386–405. (In Engl.).
8. Commons, J. R. (1931) Institutional Economics. *American Economic Review*. Vol. 21 (4), pp. 648–657. (In Engl.).
9. Eggertsson, T. (1990) Economic Behavior and Institutions: Principles of Neoinstitutional Economics. *Cambridge University Press*. June 29. 385 p.
10. Furubotn, E. G., Richter, R. (2008) The New Institutional Economics – A Different Approach to Economic Analysis. *Economic Affairs*. Vol. 28 (3), pp. 15–23. (In Engl.).
11. Menard, C. A (2018) Research Agenda for New Institutional Economics. *Edward Elgar Pub*, 287 p.
12. Milgrom, P., Roberts, J. (2000) Economics, Organization and Management. *Prentice Hall*, 621 p.
13. North, D. C. (1987) Institutions, Transaction Costs, and Economic Growth. *Economic Inquiry*. Vol. 25, pp. 419–428. (In Engl.).
14. Smyth, R. (2002) New Institutional Economics in the Post-Socialist Transformation Debate. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 12 (4), pp. 361–398. (In Engl.).
15. Williamson, O.E. (2000) The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*. Vol. 38 (3), pp. 595–613. (In Engl.).

Информация об авторе:

Элина Анатольевна Гурьянова, кандидат экономических наук, доцент кафедры общего менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Scopus Author ID: 56381597400, **ORCID ID:** 0000-0002-5467-7039, **Researcher ID:** S-3057-2016
e-mail: elinagur@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.09.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Elina Anatolievna Gurianova, PhD in Economics, Associate Professor, Department of general management, Kazan (Volga region) Federal university, Kazan, Russia

Scopus Author ID: 56381597400, **ORCID ID:** 0000-0002-5467-7039, **Researcher ID:** S-3057-2016
e-mail: elinagur@mail.ru

The paper was submitted: 25.09.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

EXPORT OF ENTREPRENEURIAL CULTURE: CASE STUDIES FROM FINLAND AND GERMANY

A. B. Ilin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Yu. S. Sizova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
e-mail: Sizova.YS@rea.ru, ju-si@mail.ru

Abstract. Relevance: one of the accumulation key areas of macroeconomic stability – entrepreneurial activity, faced country's insurmountable difficulties in 2020. Supporting the business sustainability, it is ready to overcome these difficulties only with the participation of the parties concerned. First of all, entrepreneurship support is the authorities responsibility, and it has already come to life in Russia and in other countries of the world. For their future performance, companies will be influenced by the relationship of society to business and by the business participants, such as as founders, owners, employers. It is obvious, that in the conditions of the current coronavirus pandemic some companies face uncertainty, discordance, and they do not accept forced downtime participation in the business processes.

Entrepreneurship support, business support institutions, relationship of companies' entrepreneurial activity and stakeholders formed the concept «entrepreneurial culture». The level of its development will depend, on national -cultural characteristics, which will be reflected in the study.

Purpose: to highlight the parametric dilemmas of the national entrepreneurial culture, to evaluate their actions as exemplified by Finland and Germany.

Methods and methodological apparatus of the study: models of entrepreneurial culture: cultural dimensional characters by G. Hofstede; the development model of intercultural sensitivity by M. Bennett; cultural dimensional characters by F. Trompenaars and C. Hampden-Turner; parametric dilemmas of the national entrepreneurial culture by Yu. S. Sizova and A. B. Ilyin [6].

Main results: the concept of entrepreneurial culture is defined; the models of entrepreneurial culture and the restrictions on their use are noted; authors dilemmas of entrepreneurial culture and their use in Finland and Germany are presented and the features of entrepreneurial culture of these countries are determined.

Scientific novelty: for the study of entrepreneurial culture, a complex elements that includes the parametric dilemmas of national entrepreneurial culture as the lack of state support - the attendance of state support was defined: «lack of state support – state support existence»; «restrictions for non-resident entrepreneurs – neutrality for non-resident entrepreneurs»; «lack of support institutions – support institutions existence»; «noncompliance to national features in doing business – compliance to national features in doing business»; «lack of the laws supporting entrepreneurial activity – availability of laws supporting entrepreneurial activity»; «lack of business controlling by the supervisory authorities – existence of business controlling by the supervisory authorities»; «adverse business environment – conducive business environment».

Practical relevance: the results of the study may be used by enterprises of different levels.

Key words: entrepreneurship, entrepreneurial economics, entrepreneurial culture, parametric dilemmas of culture, entrepreneurial risks.

Cite as: Ilin, A. B., Sizova, Yu. S. (2020) [Export of entrepreneurial culture: case studies from Finland and Germany]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 40–47. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-40.

ЭКСПОРТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРАКТИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ ИЗ ФИНЛЯНДИИ И ГЕРМАНИИ

А. Б. Ильин

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия
e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Ю. С. Сизова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия
e-mail: Sizova.YS@rea.ru, ju-si@mail.ru

Аннотация. Предпринимательская деятельность как одно из ключевых направлений аккумуляции макроэкономической стабильности в стране в 2020 году столкнулась с непреодолимыми трудностями. Преодолеть эти трудности бизнес готов только при участии заинтересованных сторон в поддержке устойчивости субъектов предпринимательства. В первую очередь поддержка предпринимательства возлагается на органы власти, что уже осуществляется как в России, так и в других странах мира. На дальнейшее существование компаний будут влиять такие факторы, как отношение общества к бизнесу, а также непосредственно самих участников бизнеса – учредителей, собственников, сотрудников. Мы видим, что часть из них в условиях пандемии сталкивается с неопределенностью действий либо несогласием и неприятием ситуации с вынужденным простоем своего участия в бизнес-процессах фирмы. Поддержка предпринимательства, институты поддержки бизнеса, отношение к предпринимательской деятельности общества и стейкхолдеров формируются в такое понятие как «предпринимательская культура». Уровень ее развития будет зависеть, в том числе, от национальных культурных особенностей, что будет отражено в данном исследовании.

Цель: выделить параметрические дилеммы национальной предпринимательской культуры и оценить их реальные действия на примере стран Западной Европы.

Методы и методический аппарат исследования: модели предпринимательской культуры: культурные параметры Г. Хофстеде; модель развития межкультурной чувствительности М. Беннетта; параметры культуры Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера; параметрические дилеммы национальной предпринимательской культуры Ю. С. Сизовой и А. Б. Ильина [6].

Основные результаты: определено понятие предпринимательской культуры; выделены модели предпринимательской культуры и определены ограничения их применения; представлены авторские дилеммы предпринимательской культуры и их применение в Финляндии и Германии, определены особенности предпринимательской культуры этих стран.

Научная новизна: применительно к вопросу исследования предпринимательской культуры определен комплекс элементов, который включает в себя параметрические дилеммы национальной предпринимательской культуры: «отсутствие поддержки государства – наличие поддержки государства»; «ограничения для предпринимателей-нерезидентов» – «нейтралитет для предпринимателей-нерезидентов»; «отсутствие институтов поддержки – наличие институтов поддержки»; «несоблюдение национальных особенностей ведения бизнеса – соблюдение национальных особенностей ведения бизнеса»; «отсутствие законов по поддержке предпринимательской деятельности – наличие законов по поддержке предпринимательской деятельности»; «отсутствие контроля бизнеса со стороны надзорных органов – наличие контроля бизнеса со стороны надзорных органов»; «неблагоприятная предпринимательская среда – благоприятная предпринимательская среда».

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы предпринимательскими структурами разных уровней.

Ключевые слова: предпринимательство, экономика предпринимательства, предпринимательская культура, параметрические дилеммы культуры, предпринимательские риски.

Для цитирования: Ilin, A. B., Sizova, Yu. S. (2020) [Export of entrepreneurial culture: case studies from Finland and Germany]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 40–47. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-40.

Introduction

Business entities face insurmountable entrepreneurial risks in a pandemic. Their performance is limited by the state, by the type of economic activity, by the demand of population, by the solvency of customers, and by the company sustainability. The entrepreneurial activity is influenced by the national entrepreneurial culture. The latter is determined by the current institutional support of business in the state, by the level of relationship between contractors, by the attitude of society to business. Acts of God (the current pandemic may be referred to them as well) strengthen by the conflict

between participants in various processes, in our case business processes, and the ones aimed at strengthening financial support, economic and managerial environment of entrepreneurship in the country.

However, the governments of different countries try to regulate the situation of the pandemic. So, Russian Federation is going to provide support to such industries as catering, tourism, culture, entertainment, automobile, aviation and also to support the companies of domestic services provision.

For example, pandemic-touched entrepreneurs from Finland will be eligible for unemployment ben-

efits. Also, according to the government bill, all the entrepreneurs will have eligibilities. 160 million euros has been allocated to provide support to Finnish entrepreneurs. This amount is derived from the calculation that 55 thousand entrepreneurs will apply for this financial assistance.

For example, the Finnish company Stockman, founded 158 years ago, is applying for corporate restructuring, which is the last opportunity to avoid bankruptcy. The company announce the pandemic has had a significant impact on the business environment and it has reduced the number of customers. Finnish self-employed entrepreneurs can apply to the municipalities for a payment of 2,000 euros. Similar measures have been taken in Germany to maintain entrepreneurial activity.

So, supporting tools of entrepreneurship will vary - depending on the culture of the business environment shaped. The relevance of the study was determined by the essence, features, and the core business culture of the national economics of Finland and Germany.

Discussion

The diversity of cultures is growing along globalization goes on. In any scenario, this question becomes relevant for all types of companies – small, medium-sized and large businesses. In addition, in academic and business literature cultural diversity is often called an asset of a group, company and society, a source of creativity and environmental sensitivity [1]. Moreover, all the changes in the cultural sphere of doing business are referred to non-technological, and have no universal patterns [15], and this is a really fertile field for investing funds into human assets development, boosting social responsibility of any company [11].

According to R. Rüttinger, this is a system of jointly hatched and real beliefs and ideas about values, where ideas make it possible to understand what is important for the enterprise, and beliefs – how the enterprise should perform [10]. The phenomenon of diversity can be analyzed at different levels. This phenomenon will be considered at the level of such countries or nations as Finland and Germany (national entrepreneurial culture).

Diversity at the company level is often determined by the cultural features of various nations. The pioneer researcher studying the corresponding mechanism was G. Hofstede [8, 9]. He compared cross-cultural groups and companies in 1970–1980. The results of his research showed that national and regional cultural groups influence the behavior of society. A review of cultural compatibility/ non-compatibility helps understand the actions that can eliminate misunderstanding between representatives of different cultures and evaluate their measures. The researches by G. Hofstede are based mainly on his long-term analysis of the situation at IBM. In 1980 he identified the following cultural dimensions:

– «power distance» – a recognized or permissible degree of inequality among people;

– «individualism – collectivism» – describes the degree to which citizens of the country or any organization employees prefer to be free, not being a member of any group;

– «uncertainty avoidance» – the degree to which people in the country prefer order, as the keeping rules;

– «masculinity – femininity» characterizes the degree to which traditional «masculine» values (perseverance, effectiveness, success and competitiveness) prevailed over «feminine» values (the life's quality, relationships, maintenance and care);

– in 1991 the dimension «short-term – long-term orientation» was added – future-oriented values, for example, the desire for savings-making and sustainability;

– in 2010 the dimension «indulgence of desires – restrictions» was added – the degree up to which the society allows their members to embrace life and enjoy it.

However, one of this model's drawback is the constant motion of cultures, they are not fixed and static [7].

A similar approach was applied by F. Trompenaars and C. Hampden-Trainer [7, 13, 14]. They interviewed managers of different companies, analyzing their values of work and the life (1997), but their research was broader. Seven dimensions of corporate culture were identified and they concluded that the difference in cultures revealed should be treated with respect. The seven dimensions can be represented as seven dilemmas that should be resolved:

– «common knowledge – personal truth» (What is more important – rules or exceptions based on realitions?);

– «individualism – collectivism» (Do we act as a part of a group or as separate individuals?);

– «indifference – sensibility» (How do we express emotions?);

– «specific culture – diffuse culture» (Are our work and life interconnected?);

– «achievements – origin» (Do we earn the status through our own achievements or is it given to us by the birth?);

– «time perspective: past, present, future» (Do we concentrate on the past, on the present or do we look in the future?);

– «internal control – external control» (Do we control our environment or does it control us?).

The main difference between the model and the earlier theories (the theme of culture and its diversity) lies in the fact that selected dimensions are not used to indicate cultural differences. They are starting points for solving dilemmas. All the exceptions should be studied and the scope should be improved to increase efficiency of world law. To boost entrepreneurship it is wise to create communities supporting an active and free action.

According to the business-oriented approach of V. Terpstra and K. David, culture is a studied, separable, insurmountable and interconnected set of symbols that make up classified cultural shells, the meanings of which determine many orientations for members of a certain community. These orientations, taken together, make it necessary to solve the problems that any community must solve if it continues to strive for survival [12].

F. Trompenaars and C. Hampden-Trainer suggested a 4R approach for working with seven dimensions: definition, respect, reconciliation, awareness. The model helps the user to understand cultural attitudes, cultural perspective of colleagues and business partners, especially in cross-cultural environment. The model 4R contributes to the development of identification skills, collaboration and training.

However, for obtaining better universal rules within society or in science, it is important to analyze each exception in order to check the level of explanation that this rule may provide.

M. Bennett [4] (the founder of the Intercultural Communication Institute in the USA) worked out an «development model of intercultural sensitivity» (DMIS, 1986), which describes various ways of accepting cultural differences as the negation and the integration:

- «negation»;
- «protection»;
- «minimization»;
- «acceptance»;
- «adaptation»;
- «integration».

According to M. Bennett people are able to perceive cultural differences, if the intercultural experience is comprehended and interpreted. A person goes through different stages of intercultural sensitivity from ethnocentrism (denial and minimization of differences) to ethnorelativism (differences' acceptance, adaptation to differences, integration of differences). P. Levy in his further studies supports Bennett's ideas [3].

By identifying major cultural differences, assumptions about behaviour and relationships can be made, and cultural education tools can be adapted to ensure development within the formed continuum¹.

All conceptual models presented are based on the individual and corporate cultural principles. However, globally, entrepreneurial culture scales to the national level and accumulates individual and collective characteristics of national entrepreneurial structures. According to L. S. Leontjeva, Yu. S. Sizova, A. B. Ilyin (2018) [2] the entrepreneurial culture is a group of elements creating a business environment at the levels of micro-

(level of the business entity), meso- (between partners / contractors) and the macro (at the level of state).

According to the authors, the group of elements includes the following parametric dilemmas of the national entrepreneurial culture (2020):

- «lack of state support – state support existence»;
- «restrictions for non-resident entrepreneurs – neutrality for non-resident entrepreneurs»;
- «lack of support institutions – support institutions existence»;
- «non-compliance to national features in doing business – national features compliance in doing business»;
- «illegal support of entrepreneurial activity – legal support of entrepreneurial activity»;
- «lack of business controlling by the supervisory authorities – existence of business controlling by the supervisory authorities»;
- «adverse business environment- conducive business environment».

Further on the features of entrepreneurial culture through the model prism on the example of Western Europe countries such as Finland and Germany will be considered.

Characteristics of entrepreneurial culture in Finland and Germany

In Finland, the specifics of entrepreneurial activity is expressed by foreign citizens, doing business without any restrictions. More attention is paid to corporate responsibility in the field of environmental protection. This is expressed through minimizing paper workflow, saving energy and proper waste management. According to Finnish law, it is allowed to organize entrepreneurship in the following forms: private; in the form of partnership; opened or closed Joint-Stock Company with limited liability; cooperatives.

There are a number of prerequisites as the statuses, the minimum capital, the terms of payment, the accounting and reporting. The 26% of income tax is paid by companies. The income tax is also paid by private entrepreneurs. Finnish companies' hierarchy has a horizontal structure due to the equal rights in communities. Moreover, the Finns do not like excessive control.

Features of Finnish entrepreneurial culture:

- compliance to time agreement;
- performing actions in strict sequence;
- lack of gestures in business communication; people should not speak too loudly or too quickly and give more information than needed;
- exaggeration of capabilities is not acceptable; emotional reassuring does not mean guarantee to the agreement commitment;

¹ Dumetz J. (2012) Cross-Cultural Management Textbook: Lessons from the World Leading Experts in Cross-Cultural Management, CreateSpace Independent Publishing Platform; Student edition (September 5, 2012). – 416 p.

- the majority of the Finns value specificity and conciseness (“know your partner”);
- the Finns study the contracts thoroughly before signing;
- the meeting’s informal atmosphere involves a transition to talk about sports or music, but not about the history of both countries;
- it is normal to look at the interlocutor’s eyes, the averted look can be meant as dishonesty (“if the Finns look at their shoes, not at the interlocutor’s eyes, they still love him”);
- it is not recommended to keep hands in pockets;
- if it is about a business meeting and negotiations, excessively expensive clothes will be inappropriate. It is better to stick to the classic style in a simple suit;
- you can shake hands at the first acquaintance only; being presented to colleagues, it is better to start the procedure with a woman;
- familiarity and touch (pat on the shoulder) are excluded;
- it is indecent to interrupt the interlocutor, to gesture, to raise a voice, to manifest violent emotions;
- a visit is perceived as a holiday organized for a significant occasion;
- the Finns avoid speaking on political topics;
- the Finns prefer local products and value the quality of local goods.

Elements of entrepreneurial culture in Finland: politeness, calmness and correctness.

In Germany entrepreneurship is based on a complex tax system, avoiding entrepreneurial risks through the reasonable investment implementation and compliance to punctuality. Two specific features of doing business in Germany are distinguished. The first is the lack of differences between foreign and own capital for exchanging or making financial transactions. The second is the opportunity to do business in Germany notwithstanding the nationality or residence. It is important, that all money transfers would be registered with local banks and entrepreneur should have enough funds.

According to German law, it is allowed to organize entrepreneurship in the following forms: joint-stock companies, limited liability companies, commandites, corporate partnerships.

Features of the German business culture:

- compliance to punctuality, stringency, legibility;
- a business meeting must be perfectly worked out from a professional point of view;
- business meetings must be agreed beforehand; punctuality is vital; lack of punctuality at business

meetings will be a disrespectful attitude to partners;

- the German business protocol requires people’s strong and short lasting handshake at a meeting and at a farewell;

- official relations also means the distance in communication – the distance of the outstretched arm. The disturbance of distance is an invasion of personal space.; in greetings, it is accepted to shake the companion’s hand tightly, looking into his eyes. German business etiquette welcomes the smile and the humor;

- it is accepted to name the companion by the last name; it is also accepted among colleagues

- the Germans prefer to conduct all business negotiations not by telephone, but in business correspondence, moreover, business letters may be written both in German and in English;

- the Germans can distinguish the work from the private life, they rarely invite business partners for dinner at a restaurant or at home;

- it is better to avoid the topics of music, animals and flowers during small talk;

- modesty is not quoted in Germany as in Finland; all the titles introducing can be used.

The elements of entrepreneurial culture in Germany: clarity and order in everything.

Let us schematize the features of entrepreneurial culture in Finland and in Germany with the cultural dimensions by G. Hofstede; M. Bennett’s model of intercultural sensitivity development²; cultural dimensions by F. Trompenaars and C. Hampden-Turner [7]; parametric dilemmas of the national entrepreneurial culture by A. B. Ilyin and Yu. S. Sizova [6].

On the whole, Finnish entrepreneurs can count on the state support when it comes to interaction with government authorities. For example, in case some difficulties in establishing a new company in Finland arise, local authorities advise on additional documents and information that should be provided. A reasonable period of time is defined, and it can be extended at the request of the applicant. For contractual obligations to arise between the parties in Finland, using the e-mail is quite enough. Moreover, signing of the contract in paper is not strictly required. It should be noted that several companies’ existence under the same company name is totally impossible in Finland. The rejection of corruption, high standards and principles of corporate governance help Finnish entrepreneurs to achieve their goals and disseminate best business practices, having a beneficial effect, for example, on Russian business environment.

Professionalism plays an important role in German entrepreneurial culture. It requires considerable self-discipline and self-control. Managers in German

² Bennett M. J. (2013) Basic Concepts of Intercultural Communication: Paradigms, Principles and Practices, 2nd edn, London, Nicholas Brealey Publishing. – 228 p.

companies earn credibility based on their professional skills. All rules are precisely defined and documented. Reliability and predictability of the organization's pro-

ductivity is provided by written rules, prudence, formal registration, clarity and strict subordination.

Table 1. Entrepreneurial Culture in Finland and Germany

Cultural dilemmas	Finland	Germany
Model by G. Hofstede		
«power distance»	low degree of distance	hierarchy
«individualism – collectivism»	collectivism	individualism
«uncertainty avoidance»	high degree of planning	avoiding enterprinurial risks
«masculinity or femininity»	egalitarian culture (equality)	masculinity
«short-term orientation –long-term orientation»	long-term orientation	long-term orientation
«indulgence of desires – restrictions»	indulgence	restrictions
Model by F. Trompenaars and C. Hampden-Turner		
«common knowledge – personal truth»	common knowledge	common knowledge
«individualism – collectivism»	collectivism	individualism
«indifference – Snsibility»	indifference	indifference
«specific culture – diffuse culture»	specific culture	specific culture
«achievements – origin»	achievements	achievements
«time perspective: past, present, future»	future	future
«internal control – external control»	internal control	internal control
Model by M. Benetta		
negation	–	–
protection	–	–
minimization	–	–
acceptance	+	+
adaptation	+	+
integration	+	+
Model by Yu. S. Sizova and A. B. Ilyin		
«lack of state support – state support existance»	state support existance	existance
«restrictions for non-resident entrepreneurs – neutrality for non-resident entrepreneurs»	neutrality for non-resident entrepreneurs	neutrality for non-resident entrepreneurs
«lack of support institutions – support institutions existance»	support institutions existance	support institutions existance
«non-compliance to national features in doing business – national features compliance in doing business»	national features compliance in doing business	national features compliance in doing business
«illegal support of entrepreneurial activity – legal support of entrepreneurial activity»	legal support of entrepreneurial activity	legal support of entrepreneurial activity
«lack of business controlling by the supervisory authorities – existence of business controlling by the supervisory authorities»	lack of business controlling by the supervisory authorities	lack of business controlling by the supervisory authorities
«adverse business environment – conducive business environment»	conducive business environment	conducive business environment

Source: compiled by the authors.

Conclusion

To understand entrepreneurial culture as a phenomenon it is vital to take into consideration the fact that culture can both obey laws and norms and be an exception, possess both individualism and collectivism, be accurate and relative, structured and disobeys structure. As exemplified by Finland and Germany, these dimensions are either similar or distinct. How-

ever, parametric dilemmas according to the authors' model are favorable: availability of state support, neutrality for non-resident entrepreneurs, availability of support institutions, observance of national peculiarities of doing business, availability of laws to support business activities, absence of business control by supervisory bodies, favorable entrepreneurial environment.

References

1. Leontjeva, L. S., Sizova, Yu. S., Ilyin, A. B. (2017) [National Entrepreneurial culture in Russia: institutional formation mechanisms]. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern Competition]. Vol. 11. No. 4, pp. 82–92. (In Russ.).
2. Levy, P. (2006) *Korporativnaya kul'tura i upravleniye izmeneniyami* [Corporate Culture and Change Management]. Moscow: Alpina Business Books, 192 p.
3. Trompenaars, F., Kuberg, P. X. (2020) *100 klyuchevykh modeley i kontseptsiy upravleniya* [100 Key Models and Management Concepts]. 2-nd edition. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 640 p. (In Russ., trans. from Engl.).
4. Bennett, J. M., Bennett, M. J. (2004) Developing Intercultural Sensitivity: An Integrative Approach to Global and Domestic Diversity, in: Handbook of Intercultural Training, eds. D. Landis, J. M. Bennett, M. J. Bennett, Thousand Oaks, Sage. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/95bf/57ec378d6f151cfab8799ce48b29a5de9c7b.pdf?_ga=2.16792761.163075475.1590560588-1017235291.1590560588 (accessed: 29.04.2020).
5. Ilyin, A. B., Sizova, Yu. S. (2020) [Entrepreneurial culture of sports business]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 45–51. (In Engl.).
6. Hampden-Turner, C. (1995) Stages in the Development of Intercultural Sensitivity and the Theory of Dilemma Reconciliation: Milton J. Bennett and Charles Hampden-Turner's Approaches Contrasted and Combined, Cambridge, *The Judge Institute of Management Studies*.
7. Hofstede, G. (1980) Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. *Beverly Hills, Sage*, 328 p.
8. Hofstede, G., Hofstede, G. L., Minkov, M. (2010) Cultures and Organisations: Software of the Mind. *New York, McGraw-Hill*, 576 p.
9. Rüttinger, R. (1992) Culture of entrepreneurship. *M: ECOM*, 240 p. (in Engl., trans. from German).
10. Sizova, Yu. S. (2018) Development of targeted institutional tools for entrepreneurial culture enhancement. *In the book: XXXI International Plekhanov Readings, theses of postgraduate reports in foreign languages*, pp. 152–158. (in Engl.).
11. Terpstra, V., David, K. (1991) The Cultural Environment of International Business. *South-Western Publishing Co., Cincinnati, OH*, 252 p.
12. Trompenaars, F., Hampden-Turner, C. (2010) Riding the Waves of Innovation: *Harness the Power of Global Culture to Drive Creativity and Growth*, *New York, McGraw-Hill*, 272 p.
13. Trompenaars, F., Hampden-Turner, C. (2012) Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. *New York, McGraw-Hill*, 400 p.
14. Wang, Chun Lan, Sizova, Yulia S. (2019) Entrepreneurial culture and non-technological changes in business. *Public Administration E-Journal*. Vol. 72, pp. 104–114. (In Engl.).

Information about the authors:

Andrei Borisovich Ilin, Ph. D in Economics, Associate Professor of the Department Innovative Entrepreneurship, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4055-1814, **Researcher ID:** M-5928-2016

e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Yulia Sergeevna Sizova, Ph. D in Economics, Associate Professor of Humanitarian Training Center, Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-002-7760-6436

e-mail: Sizova.YS@rea.ru, ju-si@mail.ru

The paper was submitted: 27.05.2020.
Accepted for publication: 23.11.2020.
The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах:

Андрей Борисович Ильин, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4055-1814, **Researcher ID:** M-5928-2016
e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Юлия Сергеевна Сизова, кандидат экономических наук, доцент Центра гуманитарной подготовки, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-002-7760-6436
e-mail: Sizova.YS@rea.ru , ju-si@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.05.2020; принята в печать: 23.11.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЛИГАЦИЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СМЯГЧЕНИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ И ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В. С. Левин

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: vslevin@mail.ru

***Аннотация.** Актуальность проводимого исследования заключается в том, что региональные облигации являются не только источником покрытия государственного долга региона, но и инструментом для инвестирования. В настоящее время инвестиционная привлекательность таких инструментов невысока, так как они мало ликвидны и низко доходны. В условиях глобальной неопределенности и смягчения денежно-кредитной политики региональные облигации могут рассматриваться как альтернативный инструмент инвестирования, так как обладают достаточно высокой надежностью и низким риском инвестирования.*

Цель проводимого исследования – оценить инвестиционную привлекательность региональных облигаций Оренбургской области.

Основные результаты заключаются в следующем. Осуществлена сравнительная характеристика индексов Московской биржи по срокам и глубине прохождения коррекции на рынке ценных бумаг в первой половине 2020 года. Проанализирована динамика курсовой стоимости облигаций Оренбургской области (выпуск № 35003) и индекса муниципальных облигаций. Показано, что облигации Оренбургской области, входящие в индекс муниципальных облигаций, являются более стабильным и консервативным финансовым инструментом в сравнении с другими единицами рассматриваемой совокупности. Выявлена и описана взаимосвязь доходности, цены и дюрации облигаций из индекса муниципальных облигаций на основе корреляционно-регрессионного анализа. Для этого первоначально были оценены с помощью парной регрессии взаимосвязи между доходностью и ценой облигаций, а затем - доходностью и дюрацией облигаций. В итоге была построена многофакторная модель множественной регрессии, позволяющая проводить прогнозирование доходности региональных облигаций. Указаны другие факторы, не включенные в модель и способные оказать воздействие на доходность облигаций. Показано, что в сравнении с бюджетными кредитами облигационные займы имеют ряд преимуществ: более длительный характер привлечения средств, доступность для большого количества инвесторов, рыночный характер ценообразования, возможность улучшить имидж и инвестиционную привлекательность эмитента с помощью кредитного рейтинга региона, подтвержденного ведущими рейтинговыми агентствами. Надежность региональных облигаций Оренбургской области подтверждена рейтинговым агентством Fitch Ratings 12 июня 2020 г. на уровне «BB+», прогноз «Стабильный». Показано, что дополнительным стимулом к покупке субфедеральных облигаций физическими лицами может стать существенная экономия на налогах в рамках открытия и активного использования индивидуального инвестиционного счета.

***Ключевые слова:** региональные облигации, индекс муниципальных облигаций, дюрация, доходность, инвестиционная привлекательность, оценка, денежно-кредитная политика, глобальная неопределенность, государственный долг, рейтинговые агентства.*

***Для цитирования:** Левин В. С. Оценка инвестиционной привлекательности региональных облигаций Оренбургской области в условиях смягчения денежно-кредитной политики и глобальной неопределенности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 48–60. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-48.*

ASSESSMENT OF THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF REGIONAL BONDS OF THE ORENBURG REGION IN THE CONTEXT OF MITIGATING MONETARY POLICY AND GLOBAL UNCERTAINTY

V. S. Levin

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: vslevin@mail.ru

Abstract. *The relevance of the research is that regional bonds are not only a source of covering the region's public debt, but also a tool for investment. Currently, the investment attractiveness of such instruments is low, since they are not liquid enough and are low-yielding. In the context of global uncertainty and monetary policy easing, regional bonds can be considered as an alternative investment tool, since they have a fairly high reliability and low investment risk.*

The purpose of the research is to assess the investment attractiveness of regional bonds of the Orenburg region.

The main results are as follows. The comparative characteristics of the Moscow exchange indices on the terms and depth of correction in the securities market in the first half of 2020 are carried out. The dynamics of the exchange rate value of bonds of the Orenburg region (issue # 35003) and the index of municipal bonds are analyzed. It is shown that the bonds of the Orenburg region included in the index of municipal bonds are more stable and conservative financial instruments in comparison with other units of the considered population. The correlation between the yield, price and duration of bonds from the municipal bond index is identified and described based on correlation and regression analysis. To do this, the relationships between the yield and price of bonds were initially estimated using pair regression, and then the yield and duration of the bonds were estimated. As a result, a multi-factor model of multiple regression was built, which allows forecasting the yield of regional bonds. Other factors that are not included in the model and may have an impact on bond yields are indicated. It is shown that in comparison with budget loans, bond loans have a number of advantages: a longer-term nature of attracting funds, availability for a large number of investors, market pricing, the ability to improve the image and investment attractiveness of the Issuer with the help of a credit rating of the region, confirmed by leading rating agencies. The reliability of regional bonds of the Orenburg region was confirmed by the rating Agency Fitch Ratings on June 12, 2020 at the level of «BB+», the forecast is «Stable». It is shown that an additional incentive to purchase sub-Federal bonds by individuals can be a significant tax savings in the framework of opening and active use of an individual investment account.

Key words: *regional bonds, municipal bond index, duration, yield, investment attractiveness, valuation, monetary policy, global uncertainty, government debt, rating agencies*

Cite as: Levin V. S. (2020) [Assessment of the investment attractiveness of regional bonds of the Orenburg region in the context of mitigating monetary policy and global uncertainty] *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 48–60. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-48.

Введение

В научной литературе категория «региональные облигации» чаще всего вызывает интерес у исследователей как источник финансирования дефицита регионального бюджета [7], фактор развития экономики региона [11, 12] или, когда речь заходит о финансировании государственного долга [3, 8, 15]. Реже говорят о проблемах размещения региональных облигаций [4] и определении объемов и эффективности региональных займов при помощи экономико-математических моделей [10]. Практически нет исследований, касающихся оценки инвестиционной привлекательности региональных облигаций. В данной статье в некоторой степени восполняется пробел по данной проблематике.

Ценные бумаги, выпускаемые региональными и местными органами власти, обычно называют муниципальными облигациями. Применительно к российской действительности этот термин не вполне точно подходит для данной категории ценных бумаг, так как в практике обслуживания региональных долгов наибольшее распространение получили облигации, выпускаемые администрациями субъектов РФ (министерствами финансов рес-

публик, краев, областей), которые относятся к государственным ценным бумагам, наряду с облигациями федерального займа (ОФЗ). Облигации, выпускаемые муниципалитетами, не являются государственными ценными бумагами и не получили широкого распространения. В российской практике имеются единичные случаи эмиссии ценных бумаг администрациями городов, не говоря про городские округа, поселения и т.д.

Поэтому мы будем использовать понятие «региональные облигации», подчеркивая статус государственных и, тем самым, придавая им большую значимость. Иногда эту категорию ценных бумаг называют «субфедеральные облигации» [5, с. 62–67; 6, с. 97–102], так как они по принадлежности к уровням бюджетной системы находятся на более низкой относительно федерального уровня ступени – региональном или муниципальном уровнях.

Региональные облигации, как инструмент инвестирования, в настоящее время не являются привлекательными для коллективных и частных инвесторов, так как в своем большинстве ставки доходности по ним незначительны по сравнению с доходностью рынка акций, а ликвидность данного

¹ На Московской бирже зарегистрировано всего 9 инструментов, подпадающих под категорию «муниципальные облигации»: мэрия г. Новосибирска имеет 5 выпусков, г. Томска – 2 выпуска и по одному администрации г. Волгограда и г. Нижнего Новгорода.

сегмента Московской биржи низкая: совершается относительно небольшое количество сделок и объемы оборотов оставляют желать лучшего.

Под инвестиционной привлекательностью (investment preference) обычно понимают «обобщающую характеристику преимуществ и недостатков инвестирования отдельных направлений и объектов с позиции конкретного инвестора» [1, с. 444]. Так как в данном случае речь идет об инструментах рынка ценных бумаг, основными характеристиками инвестиционной привлекательности будем считать доходность и риск инвестирования.

Региональные облигации остаются пассивным и достаточно консервативным (защитным) инструментом наряду с инвестициями в ОФЗ, золото, иностранную валюту, биржевые и паевые инвестиционные фонды (БПИФ, ПИФ и ЕТФ), гарантируя высокую степень защиты и относительно низкие риски. Вместе с тем, в условиях смягчения денежно-кредитной политики и глобальной неопределенности ситуация в ближайшем будущем может существенно измениться. На это могут повлиять следующие обстоятельства.

Банк России снизил ключевую ставку на 100 б.п. до нового исторического минимума 4,5%. Преобладание дезинфляционных факторов и риск отклонения инфляции ниже целевых 4% в 2021 г. определили данное решение. Возможное дальнейшее снижение ставки может создать поддержку рынку ОФЗ и субфедеральных облигаций в среднесрочной перспективе².

Однако в краткосрочной перспективе снижение ставки привело к тому, что цены на государственные российские облигации заметно снизились сразу после решения ЦБ по ключевой ставке. Многие инвесторы решили зафиксировать прибыль, и особенно иностранные инвесторы в ожидании появления новых антироссийских санкций. Так, в конце июня участники рынка узнали, что появился ряд новых санкционных угроз со стороны США в адрес России, а это могло оказать давление на котировки. Сенаторы США предложили включить новые санкции против России в бюджет Пентагона в связи с приближением президентских выборов³.

Коррекцию на облигационном рынке в последние месяцы мог спровоцировать и рост числа заболеваний коронавирусом во всем мире и России в частности. Кроме того, на ситуацию, связанную потенциальным повышением интереса к региональным и муниципальным ценным бумагам, могут оказать влияние следующие тенденции:

1. По данным ЦБ к середине 2020 года максимальная процентная ставка ТОП-10 банков продолжила снижение и составляет менее 5%. Это естественным образом приводит к оттоку денежных ресурсов из банковских депозитов и перенаправлению их на рынок ценных бумаг из-за потенциально более высокого уровня доходности⁴.

2. Потери федерального бюджета РФ от ограничений из-за коронавируса превысили 1 трлн руб. Дефицит бюджета РФ в 2020 г. составит около 5% ВВП и будет покрыт в основном за счет займов. Минфин РФ планирует потратить из ФНБ 250–300 млрд руб. на покрытие дефицита бюджета в 2020 г. Расходы бюджета РФ в 2020 г. могут превысить 23 трлн руб. против утвержденных 19,7 трлн руб. Увеличившийся дефицит приведет к увеличению объема новых заимствований. Но эти новые выпуски будут давать инвесторам гораздо более низкую доходность. Валовый объем заимствований РФ в 2020 г. будет около 5 трлн руб., что вдвое выше плана⁵.

3. Приток розничных инвесторов на Московскую биржу ускорился в 2020 году. Общее число уникальных клиентов-физических лиц достигло 5,36 млн человек. Интерес населения к биржевой торговле усилился из-за снижения ставок по банковским депозитам, и в период коронавируса биржи получили новый приток граждан, самоизолировавшихся в своих домах и квартирах и получивших больше свободного времени для изучения особенностей инвестирования на российском и иностранных фондовых рынках. Тем более, большую часть операций по открытию брокерского счета и совершению сделок можно осуществлять дистанционно. Максимальными с начала года темпами число уникальных частных инвесторов увеличилось в марте, в разгар рыночной волатильности⁶.

² Банк России принял решение снизить ключевую ставку на 100 б.п., до 4,5% годовых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/press/pr/?file=19062020_133000Key.htm (дата обращения 08.07.2020 г.).

³ Пелоси призвала ввести санкции против России из-за подозрений в сговоре с талибами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4399336> (дата обращения 07.07.2020 г.).

⁴ Динамика максимальной процентной ставки (по вкладам в российских рублях) десяти кредитных организаций, привлекающих наибольший объем депозитов физических лиц. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/avgprocstav/> (дата обращения 08.07.2020 г.).

⁵ Минфин оценил потери от антикоронавирусных мер в 1 трлн рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1030778/2020-07-02/minfin-otcenil-poteri-ot-antikoronavirusnykh-mer-v-1-trln-rublei> (дата обращения 08.07.2020 г.).

⁶ Число частных инвесторов на Мосбирже по итогам июня достигло 5,36 млн человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/416762/> (дата обращения 08.07.2020 г.).

Сравнительная характеристика индексов Московской биржи и региональных облигаций Оренбургской области по срокам и глубине прохождения коррекции.

Следует обратить внимание на такую особенность, отличающую рынок облигаций от рынка акций – «когда процентные ставки растут, цена облигации снижается и наоборот» [2, с. 1183]. То есть, при снижении цен облигаций наблюдается рост их доходности, что подогревает интерес инвесторов к этому сектору фондового рынка. Однако, амплитуда колебаний цен и доходностей для государст-

венных и муниципальных облигаций, как правило, заметно ниже, чем для рынка акций. Так, если индекс Московской биржи, характеризующий рынок акций, упал со своих максимальных отметок 20 января 2020 года с 3217,14 пунктов до 2108,75 пунктов 18 марта 2020 года на 34,45%, то индекс RGBI, характеризующий рынок государственных ценных бумаг, таких как ОФЗ, только на 10,72% (с 153,42 пунктов до 136,97 пунктов).

Нужно также обратить внимание на то, что за это время индекс RGBI полностью отыграл падение и даже смог не много подрасти (рисунок 1 и 2).

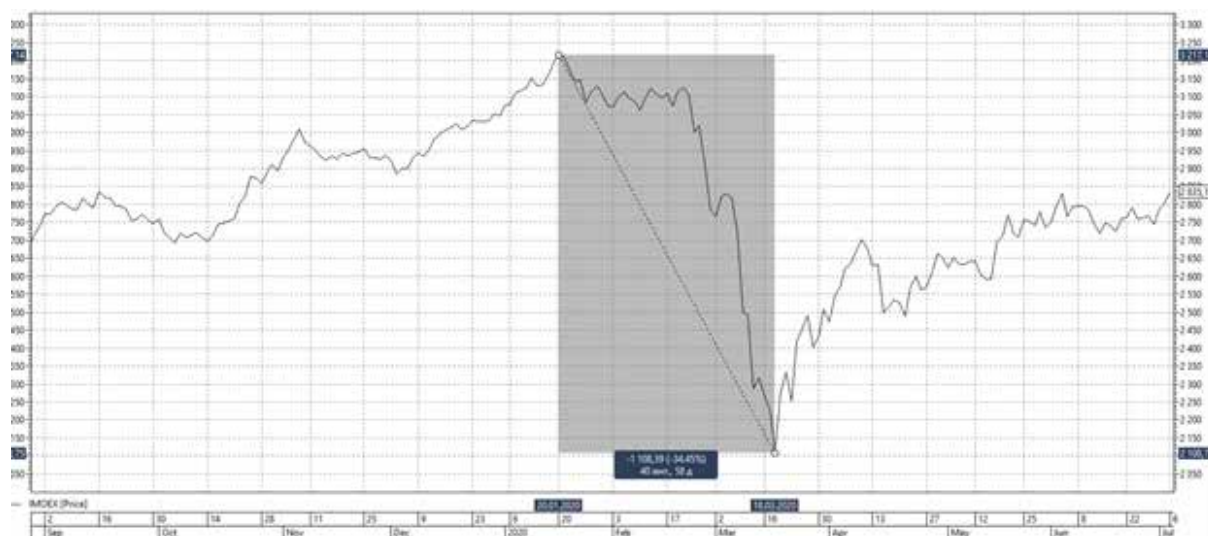

Рисунок 1. Индекс Московской биржи IMOEX

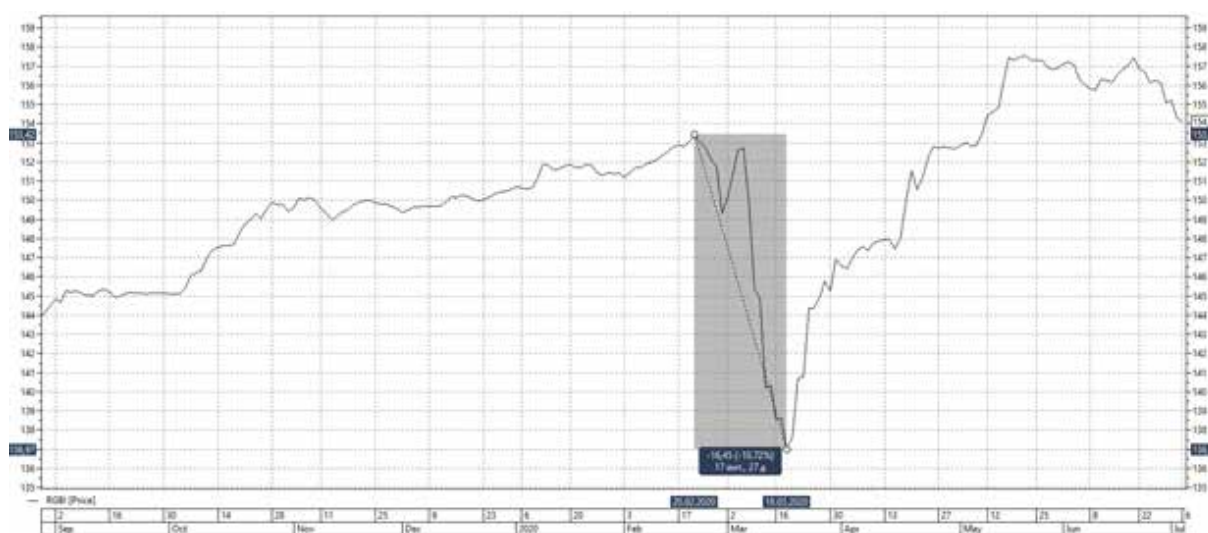

Рисунок 2. Индекс государственных облигаций RGBI

Еще более высокую степень надежности продемонстрировал рынок региональных и муниципальных облигаций. На сегодняшний день этот сектор

фондового рынка представлен на Московской бирже 116 бумагами региональных и муниципальных органов власти, включая 107 региональных облига-

ций, выпущенных 43 эмитентами, и 9 муниципальных облигаций, выпущенных 4 эмитентами. Обобщенную картину по этому сегменту рынка дает индекс муниципальных облигаций RUMBTR⁷.

Значение индексов RGBI и RUMBTR продемонстрировало V-образный рост. Но если значе-

ния индекса RGBI после снижения ЦБ РФ учетной ставки практически вернулись на докризисный уровень, то значения индекса RUMBTR продолжают свой рост после возвращения к докризисным уровням, то есть практически не отреагировали на снижение учетной ставки (рисунок 3).

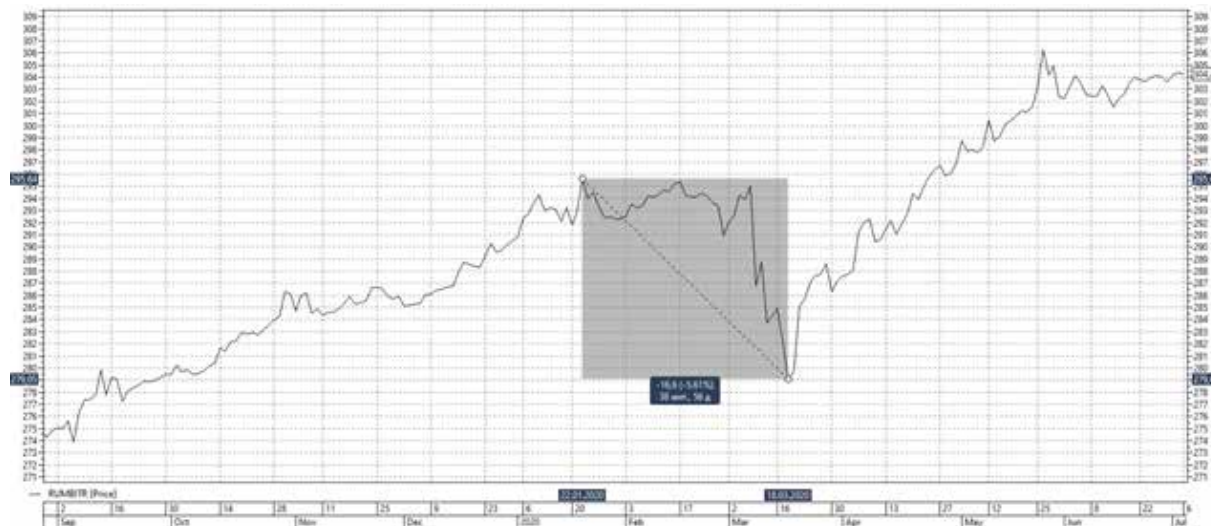

Рисунок 3. Индекс муниципальных облигаций RUMBTR

Индекс Московской биржи IMOEX, в отличие от двух других, лишь частично смог компенсировать потери фондового рынка и не спешит возвращаться к докризисным уровням (было до кризиса – 3217,14 п., стало 2835 п. 7 июля 2020 года). Кроме того, глубина падения индекса муниципальных

облигаций оказалась самой небольшой 5,61% против 10,72% у RGBI и 34,45% у IMOEX. Продолжительность восстановления оказалась минимальной у RUMBTR – 36 дней против 51 дня у RGBI, и не известно, сколько будет восстанавливаться IMOEX (таблица 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика индексов Московской биржи по срокам и глубине прохождения коррекции на рынке ценных бумаг в первой половине 2020 года

Индекс Московской биржи	Максимальное значение индекса, дата	Минимальное значение индекса, дата	Продолжительность падения, дни	Продолжительность восстановления, дни	Глубина падения, %
Индекс Московской биржи IMOEX	3217,14 20.01.2020 г.	2108,75 18.03.2020 г.	58	Не восстановился	34,45
Индекс государственных облигаций RGBI	153,42 20.02.2020 г.	136,97 18.03.2020 г.	27	51	10,72
Индекс муниципальных облигаций RUMBTR	295,64 22.01.2020 г.	279,05 18.03.2020 г.	56	36	5,61

Источник: наблюдения и расчеты автора

Если принять во внимание тот факт, что еще 6 марта 2020 года значения RUMBTR практически

приближались к максимальным отметкам, и до этого времени и IMOEX, и RGBI уже успели упасть,

⁷ Поиск облигаций на сайте Московской биржи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.moex.com/s2644> (дата обращения 08.07.2020 г.).

то можно сделать вывод либо о запоздалой реакции рынка региональных облигаций на глобальные распродажи по всему миру, либо о его хороших защитных свойствах, которые, впрочем, оказались бессильными против не состоявшейся сделки ОПЕК+, оказавшей толчок к снижению данного индекса. Тогда продолжительность падения RUMBTR составит 12 дней, а период восстановления втрое превысит период падения и займет 36 дней. Таким образом, мы видим не совсем правильную, асимметричную букву «V», характеризующую данную

фазу «коррекции-восстановления» на фондовом рынке.

Среди представленных в индексе RUMBTR бумаг есть такие, которые могут рассматриваться как еще более консервативная инвестиция, которая отличается по доходности и риску инвестирования от значений подобных характеристик индекса в среднем. Например, на рисунке 4 рассматривается динамика курсовой стоимости облигаций Оренбургской области (выпуск № 35003) – сверху, и индекса муниципальных облигаций RUMBTR – снизу.

Рисунок 4. Динамика курсовой стоимости облигаций Оренбургской области (выпуск №35003) и индекса муниципальных облигаций RUMBTR

Если на нижней части графика можно выделить тенденцию к увеличению уровней временного ряда, о чем говорит линия тренда с положительным наклоном, то курсовая стоимость облигаций Оренбургской области (выпуск № 35003) колеблется возле горизонтального уровня, ограниченного узким коридором значений около 125–126%. Явной тенденции, судя по графику, в этом случае выявить невозможно.

Это говорит о еще более консервативной стратегии инвестирования в подобные ценные бумаги, их большей устойчивости и предсказуемости в будущем. Так как даже в условиях всеобщей паники на мировых фондовых рынках в марте 2020 года курсовая стоимость государственных облигаций Оренбургской области (выпуск № 35003) не опустилась ниже 110%. Кроме того, эти бумаги имеют достаточно высокую по сегодняшним временам купонную доходность в 14%, и купоны в отличие от ОФЗ выплачиваются ежеквартально, а не два раза в год. Поэтому среди других выпусков облигаций

Оренбургской области они являются самыми популярными.

В настоящее время в обращении находятся три выпуска региональных облигационных займов Оренбургской области: № 35002, № 35003 и № 35004 [8]. В индексе RUMBTR представлен только один выпуск облигаций Оренбургской области № 35003, который соответствует требованиям, определенным в методике расчета индексов облигаций [9].

Моделирование взаимосвязи доходности, цены и дюрации облигаций

Индекс RUMBTR Московской Биржи – основной индикатор рынка российского субфедерального и муниципального долга. Он включает наиболее ликвидные облигации с дюрацией более одного года и рассчитывается в режиме реального времени. Дюрация (duration) – это средневзвешенный срок полного погашения финансового инструмента инвестирования, платежи по которому осуществляются в разрезе отдельных интервалов общего пе-

риода его обращения [1, с. 440]. Иначе – это срок, который необходимо держать облигацию, чтобы полностью вернуть первоначальные инвестиции, измеряется в годах.

Облигации, цены сделок с которыми используются при расчете индексов, составляют индексные списки (базы расчета). Количество облигаций, входящих в базу расчета, определяется исходя из количества указанных ценных бумаг, находящихся в обращении на Бирже.

Рассмотрим совокупность из 29 региональных и муниципальных облигаций из индекса RUMBTR

в начале июля 2020 года, по основным количественным критериям, характеризующим доходность и риск инвестирования в подобные ценные бумаги (таблица 2).

Выявим взаимосвязь между доходностью и ценой облигаций из индекса RUMBTR (рисунок 5). Как видно, наблюдается отрицательная взаимосвязь между ценой и доходностью облигаций (при росте цены доходность облигации снижается и наоборот), что не противоречит теоретическим предпосылкам и принципам ценообразования, связанным с оценкой облигаций [14, с. 58–74].

Таблица 2. База расчета Индекса муниципальных облигаций RUMBTR на 07.07.2020 года

№	Инструмент	Инструмент сокр.	Доходность, %	Цена, % ⁸	Дюрация, дней до погашения
1	Гор. Обл. Займ Москвы 48 в.	МГор48-об	5,18	101,6	704
2	Оренбургская область 35003 об.	Оренб35003	4,64	125,93	1822
3	Новосибирск мун. обл. 2015	Новсиб 7об	4,12	108,1	825
4	Нижегородская обл. 35011	НижегорОб11	5,24	108,1	1080
5	Самарская область 2016	СамарОбл12	5,45	110,03	1445
6	МЭФ Московской обл. 2016	МосОбл2016	5,19	109,64	1232
7	Ямало-Ненецкий АО об 2016	ЯНАО-2016	5,18	105,01	1247
8	ХМАО-Югры об. 35001	ХМАО 10	5,39	106,0	1259
9	Ярославская обл. об.2017г.	ЯрОбл 2017	6,00	111,07	2478
10	Республика Коми 2017 14 обл.	КОМИ 14 об	6,20	107,43	1449
11	Краснодарский кр. 35001 обл.	КраснодКр1	5,87	108,22	1494
12	Респ. Марий Эл 2017обл.08	МФ МарЭл17	6,06	106,81	1506
13	Красноярский край обл.13	КрасЯрКр13	6,13	105,79	1549
14	Свердловская обл. 04	СвердлОб4	5,96	105,48	1933
15	Красноярский край обл.14	КрасЯрКр14	5,9	106,6	1577
16	Санкт-Петербург обл. 35001	СПбГО35001	5,86	107,36	1786
17	Санкт-Петербург обл. 35002	СПбГО35002	5,66	107,88	2341
18	ХМАО-Югры об. 35002	ХМАО 11	5,39	105,65	1624
19	Томская обл. 62 вып.	ТомскОб 62	5,79	104,9	1626
20	МЭФ Московской обл. 2017	МосОбл2017	5,15	103,39	898
21	Краснодарский край 35002 обл.	КраснодКр2	5,89	105,8	1792
22	Республика Саха (Якутия) об.11	Якут-11 об	5,71	109,97	1905
23	Республика Саха (Якутия) об.12	Якут-12 об	6,17	109,0	2136
24	Ярославская область 35017 обл.	ЯрОбл35017	5,99	106,33	1813
25	МЭФ Московской области 2019	МосОбл2019	5,64	103,83	1554
26	Республика Саха (Якутия) об.13	Якут-13 об	5,93	104,35	2309
27	Краснодарский край 35003 обл.	КраснодКр3	6,14	104,35	2319
28	Свердловская область 06	СвердлОбл6	6,08	103,18	2352
29	МЭФ Московской области 34013	МосОбл34013	5,73	102,98	1627

Источник: данные Московской биржи

⁸ Цена облигации измеряется в процентах от номинала и при размещении обычно (если не продается с дисконтом) равна 100%. Меняется ежедневно, также, как и доходность под воздействием спроса и предложения.

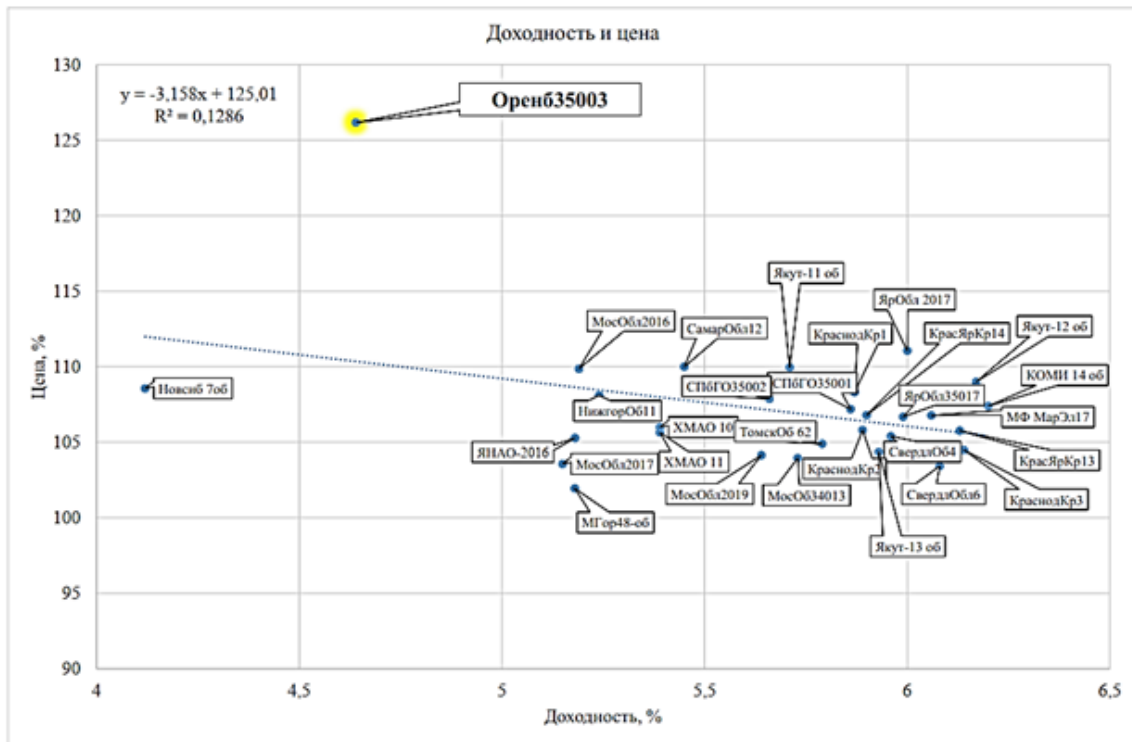

Рисунок 5. Взаимосвязь между доходностью и ценой облигаций из индекса RUMBITR

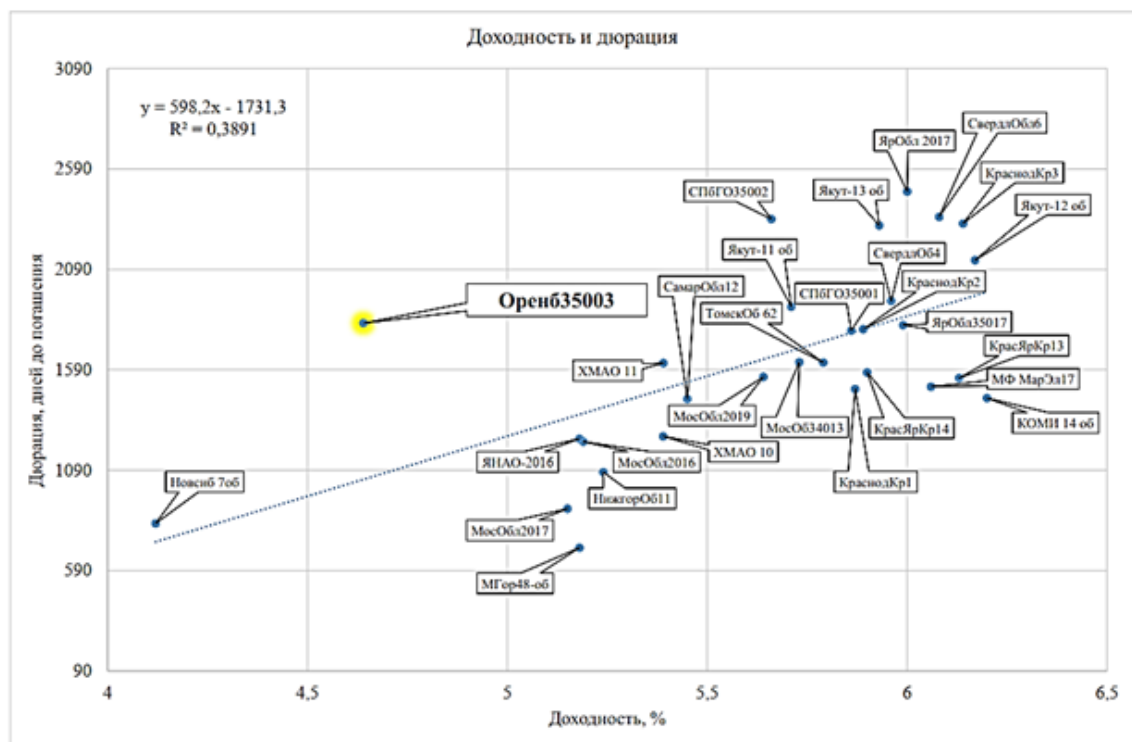

Рисунок 6. Взаимосвязь между доходностью и дюрацией облигаций из индекса RUMBITR

Кроме того, заметно отдаление двух точек от общей массы исследуемой совокупности из таблицы 2. Одна из этих точек характеризует единственную из списка муниципальную облигацию мэрии города Новосибирска (Новсиб 7об), другая – региональную облигацию Оренбургской области (выпуск № 35003).

Предположим, что в этом случае мы имеем дело с «выбросами» [13, с. 39]. Чтобы улучшить характеристики получаемых регрессионных моделей и соблюдности предпосылки метода наименьших квадратов (сделать рассматриваемую совокупность более однородной, а построенные уравнения регрессии

статистически значимыми) необходимо исключить «выбросы» из анализируемой совокупности и повторить расчеты параметров моделей регрессии.

Такая же проблема есть при выявлении взаимосвязи между доходностью и дюрацией облигаций (рисунок 6).

На рисунке 6 видно, что наблюдается положительная взаимосвязь между доходностью и дюрацией облигаций. Две точки, о которых речь шла выше, также отдалены от общей массы точек в исследуемой совокупности. В таблице 3 представлены два варианта расчетов для каждого из рассмотренных случаев (рисунок 5 и 6) с «выбросами» и без.

Таблица 3. Уравнения парной регрессии и величины достоверности аппроксимации – R^2 для облигаций из индекса RUMBITR

Взаимосвязь между доходностью и ценой облигаций		Взаимосвязь между доходностью и дюрацией облигаций	
с «выбросами»	без «выбросов»	с «выбросами»	без «выбросов»
$y = 125,01 - 3,158x,$ $R^2 = 0,1286$	$y = 101,7 + 0,6514x,$ $R^2 = 0,0095$	$y = -1731,3 + 598,2x,$ $R^2 = 0,3891$	$y = -3617,1 + 921,34x,$ $R^2 = 0,4864$
Статистически значима по t -критерию Стьюдента	Статистически не значима по t -критерию Стьюдента	Статистически значима по t -критерию Стьюдента	Статистически значима по t -критерию Стьюдента

Источник: расчеты автора

Как видно из таблицы 3, после исключения «выбросов» парная модель регрессии, выявляющая взаимосвязь между доходностью и ценой облигаций, потеряла свою статистическую значимость и изменила направление связи между переменными, поэтому выводы делать по ней не имеет смысла. Во втором случае, когда исследовалась взаимосвязь между доходностью и дюрацией облигаций, прогностические характеристики модели улучшились (в частности доля объясненной вариации повысилась с 38,91% до 48,64%).

Таким образом, мы выявили два разнонаправленных фактора, которые оказывают влияние на доходность анализируемых облигаций. Как же они будут вместе влиять на доходность? Это поможет выяснить разработка и оценка значимости множественной факторной модели методом корреляционно-регрессионного анализа. Построенная двухфакторная модель регрессии выглядит следующим образом:

$$Y = 9,94 - 0,051X_1 + 0,00071X_2 \quad (1)$$

где

Y – доходность, в процентах;

X_1 – цена, в процентах от номинала;

X_2 – дюрация, в днях до погашения.

Множественная модель регрессии (1) лучше объясняет изменение доходности облигаций по сравнению с парными моделями регрессии, пред-

ставленными в таблице 3. Величина достоверности аппроксимации (коэффициент детерминации $R^2 = 0,76$) говорит о доле объясненной вариации в 76% двумя, включенными в модель, факторами. Это больше, чем R^2 в любой из четырех представленных выше моделей. Коэффициент множественной корреляции равен 0,59, что говорит о заметной тесноте связи между анализируемыми факторными и результирующей переменными. Модель статистически значима по F -критерию Фишера, а коэффициенты регрессии – по t -критерию Стьюдента. При нулевых значениях факторов X_1 и X_2 средняя доходность анализируемых облигаций составила бы 9,94%. Фактор X_1 – цена, имеет отрицательное влияние на доходность – при увеличении цены на 1% происходит снижение доходности в среднем на 0,051%; фактор X_2 – дюрация, действует положительно на доходность – при уменьшении срока до погашения облигации на 1 день, доходность уменьшается в среднем на 0,00071%.

Выявление факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность региональных облигаций

Представленная модель множественной регрессии (1) может быть более полезной в прогностических целях, чем любая из парных моделей регрессии. Вместе с тем, следует понимать, что она не учитывает ряд других движущих сил (факторов), влияющих на доходность и риск инвестирования,

а значит – инвестиционную привлекательность рассматриваемых ценных бумаг.

К таким факторам в частности можно отнести ожидаемую инфляцию, обусловленную уровнем цен, объемом денежной массы, скоростью обращения денег и объемом реального выпуска в экономике [2, с. 1190], а также требования биржи при формировании базы расчета индексов:

1. Эмитент облигаций исполнил в полном объеме обязательства по выплате купонного дохода, выкупу по оферте, погашению всех выпусков облигаций, допущенных к торгам на Бирже.

2. Объем по номинальной стоимости выпуска облигаций составляет не менее 1 млрд руб.

3. Количество торговых дней за 3 месяца, предшествующие 1 февраля, 1 мая, 1 августа и 1 ноября, в течение которых заключались сделки в ходе основной торговой сессии составляет не менее 10 дней.

4. Продолжительность одновременного наличия заявок на покупку и на продажу (двусторонних котировок) по выпуску облигаций составляет не менее 10% от общего времени проведения торгов.

5. В базы расчета могут быть включены только облигации, по которым на дату пересмотра базы расчета определены ставки всех купонных платежей, предусмотренных эмиссионными документами на срок до погашения или до ближайшего досрочного погашения, в случае если досрочное погашение предусмотрено эмиссионными документами.

6. При формировании баз расчета осуществляется сегментация муниципальных облигаций, соответствующих требованиям по дюрациям и уровню рейтинга долгосрочной кредитоспособности, присвоенному эмитенту международными рейтинговыми агентствами «Standard&Poor's» и/или «Fitch Ratings» и/или «Moody's Investors Service».

7. При сегментации муниципальных облигаций по уровню кредитного рейтинга учитывается максимальный кредитный рейтинг из присвоенных эмитенту рейтинговыми агентствами по шкале ответственности кредитных рейтингов.

8. В базу расчета композитного индекса облигаций Московской Биржи включаются все облигации, включенные в базы расчета индексов государственных, корпоративных и муниципальных облигаций.

В более ранних исследованиях [6–8] было показано, какую важную роль для региона выполняют подобные ценные бумаги. В частности, было отмечено, что в системе управления государственным долгом Оренбургской области усилилась роль об-

лигационных займов как альтернативного источника покрытия дефицита бюджета. В сравнении с бюджетными кредитами облигационные займы имеют ряд преимуществ, в частности возможность улучшить инвестиционную привлекательность эмитента с помощью кредитного рейтинга региона, подтвержденного ведущими рейтинговыми агентствами. Так, рейтинговое агентство Fitch Ratings 12 июня 2020 г. подтвердило рейтинги Оренбургской области на уровне «BB+», прогноз «Стабильный». Подтверждение рейтингов отражает ожидания агентства, что устойчивость региона к экономическим шокам, вызванным пандемией коронавируса, будет подкрепляться достаточно сильной устойчивостью к долговой нагрузке⁹.

Заключение

В целом корпоративные и региональные облигации в силу меньшей по сравнению с ОФЗ ликвидностью и ограниченного присутствия иностранных инвесторов более устойчивы к коррекционным настроениям. Поэтому корпоративные заемщики увеличивают активность на первичном рынке. Этим же путем, вероятно, последуют региональные правительства. Потери бюджетов краев, областей, республик и муниципалитетов возрастут в условиях продолжающейся пандемии и смягчения ЦБ РФ денежно-кредитной политики, многие бюджеты из профицитных вновь станут дефицитными, а финансовые власти (правительства) регионов и муниципалитетов вынуждены будут прибегнуть к новым займам, но уже по более низким ставкам размещать новые выпуски региональных (муниципальных) облигаций.

Дополнительным стимулом к покупке субфедеральных облигаций физическими лицами может стать существенная экономия на налогах в рамках открытия и активного использования индивидуального инвестиционного счета (ИИС): во-первых, купонный доход по таким облигациям освобожден от уплаты НДФЛ, во-вторых, в рамках ИИС первого типа инвестор может получить дополнительную доходность в виде возврата НДФЛ, ранее перечисленного в бюджет.

Таким образом, потенциальная доходность такой инвестиции может существенно превысить доходность по банковскому депозиту, а надежность инвестирования в подобные инструменты проверена временем и не многим уступает классическим ОФЗ. Региональные облигации Оренбургской области, в частности выпуск № 35003, обладают высокой инвестиционной привлекательностью, так как,

⁹ Fitch Ratings подтвердило рейтинги Оренбургской области на уровне «BB+», прогноз «Стабильный» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fitchratings.com/research/ru/international-public-finance/fitch-affirms-orenburg-region-at-bb-outlook-stable-16-06-2020> (дата обращения 07.07.2020 г.).

с одной стороны, являются консервативным (обладающим незначительным риском) инструментом, с другой стороны, гарантированно приносят двухзначную годовую доходность с условием инвестирования на ИИС.

Литература

1. Бланк И. А. Основы инвестиционного менеджмента. – Т. 2. – К.: Эльга-Н, Ника-Центр, 2001. – 512 с.
2. Дамодаран А. Инвестиционная оценка. Инструменты и техника оценки любых активов. / Пер с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 1342 с.
3. Егорцева Ю. Ю., Артемьева С. С. Государственный долг Республики Мордовия: к постановке проблемы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия. – 2017. – № 1 (41). – С. 104–111.
4. Кандеев Д. К., Шикула Е. Е., Палий О. В. Эмиссия облигаций как источник финансирования дефицита регионального бюджета (на примере Саратовской области) // Актуальные проблемы современного менеджмента: сб. науч. тр. межвузов. науч.-практ. конф. (Саратов, 24–25 ноября, 2015 г.). – Саратов: Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина. – 2015. – С. 114–118.
5. Крепоносова Е. С., Артемов Р. В. Современное состояние рынка субфедеральных облигаций // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества: сб. докл. по итогам III Межд. науч.-практ. интернет-конф. (Тула, 31 мая, 2016 г.). – Тула: АНО ВО Институт законоведения и управления ВПА. – 2016. – С. 62–67.
6. Левин В. С. Субфедеральные займы Оренбургской области в системе экономической безопасности региона // Управление экономической безопасностью: мат. Всерос. науч.-практ. конф.; под общ. ред. Г. М. Залозной, Т. Н. Лариной. – Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет. – 2018. – С. 97–102.
7. Левин В. С., Колодяжная А. Ю. Государственные облигации Российской Федерации как источник покрытия дефицита бюджета: история и современность // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 3 (53) – С. 260–263.
8. Левин В. С., Полькин Е. Н. Облигационные займы Оренбургской области в системе управления государственным долгом региона // Финансы. – 2018. – № 9. – С. 21–28.
9. Методика расчета индексов облигаций. Утверждена Правлением ПАО Московская Биржа 26 октября 2018 года, Протокол № 61. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fs.moex.com/files/1572/29505> (дата обращения 07.07. 2020 г.).
10. Райкова Н. А. Определение объемов и эффективности региональных заимствований при помощи экономико-математических моделей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2019. – № 11. – С. 77–81.
11. Райкова Н. А. Региональные заимствования и их влияние на экономику региона // Уч. зап. Межд. банк. института. – СПб.: АНО ВО «Межд. банковский институт имени Анатолия Собчака». – 2020. – С. 56–70.
12. Фасиков Ю. Ф. Потенциал региональных облигаций для развития региона на примере ХМАО-Югры // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 8 (102). – С. 5.
13. Ханк Д. Э., Уичерн Д. У., Райтс А. Дж. Бизнес-прогнозирование, 7-е издание.: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. – 656 с.
14. Энциклопедия финансового риск-менеджмента / Под ред. А. А. Лобанова и А. В. Чугунова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 878 с.
15. Egorseva Y. Y. On the debt burden of the regional economy / International conference of business, economics, management, information technology: materials of the I international research and practice conference. Scientific public organization «Professional science». Miami. November 30, 2016. P. 74–87.

References

1. Blank, I. A. (2001) *Osnovy investitsionnogo menedzhmenta* [Fundamentals of investment management]. Vol.2. K. : Elga-N, Nika-Center, 512 p.
2. Damodaran, A. (2004) *Investitsionnaya otsenka. Instrumenty i tekhnika otsenki lyubykh aktivov* [Investment appraisal. Tools and techniques for evaluating any asset]. Transl. from English. Moscow: Alpina Business Books, 1342 p.
3. Egorseva, Yu. Yu., Artemyeva, S. S. (2017) [State debt of the Republic of Mordovia: to the problem statement]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respublika Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. Vol. 1 (41), pp. 104–111. (In Russ.).

4. Kandeev, D. K., Shikula, E. E., Paliy, O. V. (2018) [Bond issue as a source of financing the regional budget deficit (on the example of the Saratov region)]. *Aktual'nyye problemy sovremennogo menedzhmenta: sb. nauch. tr. mezhvuzov. nauch.-prakt. konf. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P. A. Stolypina* [Actual problems of modern management: collection of articles. scientific. tr. interuniversity. scientific-practical conf. Saratov: Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin]. pp. 114–118. (In Russ.).
5. Kreponosova, E. S., Artemov, R. V. (2016) [The current state of the market for subfederal bonds]. *Aktual'nyye voprosy ekonomiki i upravleniya na sovremennom etape razvitiya obshchestva: sb. dokl. po itogam III Mezhd. nauch.-prakt. internet-konf. Tula: ANO VO Institut zakonovedeniya i upravleniya VPA* [Actual problems of economics and management at the present stage of society development: collection of articles report following the results of the III Int. scientific-practical internet conf. Tula: ANO VO Institute of Law and Management VPA]. pp. 62–67. (In Russ.).
6. Levin, V. S. (2018) [Subfederal loans of the Orenburg region in the system of economic security of the region]. *Upravleniye ekonomicheskoy bezopasnost'yu: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf.; pod obshch. red. G. M. Zaloznoy, T. N. Larinoy. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet* [Management of economic security: mat. Vseros. scientific-practical conf.; under total. ed. G. M. Zaloznoy, T. N. Larina. Orenburg: Orenburg State Agrarian University]. pp. 97–102. (In Russ.).
7. Levin, V. S., Kolodyazhnaya, A. Yu. (2015) [Government bonds of the Russian Federation as a source of covering the budget deficit: history and modernity]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [News of the Orenburg State Agrarian University]. Vol. 3 (53), pp. 260–263. (In Russ.).
8. Levin, V. S., Polkin, E. N. (2018) [Bond loans of the Orenburg region in the system of state debt management in the region]. *Financy* [Finance]. Vol. 9, pp. 21–28. (In Russ.).
9. Methodology for calculating bond indices. Approved by the Management Board of PJSC Moscow Exchange on October 26, 2018, Minutes No. 61. [Electronic resource]. Available at: <https://fs.moex.com/files/1572/29505> (accessed: 07.07.2020). (In Russ.).
10. Raikova, N. A. (2019) [Determination of the volume and efficiency of regional borrowings using economic and mathematical models]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law]. Vol. 11, pp. 77–81. (In Russ.).
11. Raikova, N. A. (2020) *Regional'nyye zaimstvovaniya i ikh vliyaniye na ekonomiku regiona* [Regional borrowings and their impact on the region's economy]. Academic eastern Int. bank. institute. SPb. : "Int. Banking Institute named after Anatoly Sobchak", pp. 56–70. (In Russ.).
12. Fasikov, Yu. F. (2017) [Potential of regional bonds for the development of the region on the example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management of economic systems: electronic scientific journal]. Vol. 8 (102), pp. 5.
13. Hunk, D. E., Wychern, D. W., Wrights, A. J. (2003) *Biznes-prognozirovaniye* [Business Forecasting]. 7th edition: trans. from English. Moscow: Publishing house "Williams", 656 p.
14. Encyclopedia of Financial Risk Management (2005) Ed. A. A. Lobanov and A. V. Chugunov. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Alpina Business Books, 878 p.
15. Egortseva, Y. Y. (2016) On the debt burden of the regional economy. *International conference of business, economics, management, information technology: materials of the International research and practice conference. Scientific public organization "Professional science"*. Miami. November 30, pp. 74–87. (In Engl.).

Информация об авторе:

Владимир Сергеевич Левин, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: vslevin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 13.07.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vladimir Sergeevich Levin, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: vslevin@mail.ru

The paper was submitted: 13.07.2020.
Accepted for publication: 23.11.2020.
The author has read and approved the final manuscript.

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДКИ В УПРАВЛЕНИИ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРЕРАБОТКИ ШЕРСТИ

И. Е. Мизиковский¹, Д. В. Лиджи-Горяев²

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹e-mail: core090913@gmail.com

²e-mail: denis847y@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что в России существует проблема неразвитости системы закупок шерсти и продуктов ее переработки по всем звеньям цепочки добавленной ценности. Целью исследования является разработка концепции создания специализированной электронной торговой площадки, позволяющей на принципах аукционной торговли, исключая излишние посреднические звенья, организовывать межотраслевое взаимодействие в сфере переработки шерсти. В работе предложено создание профильной электронной торговой площадки (биржи), специализирующейся на купле-продаже шерсти и продуктов ее переработки по аналогии с ведущими мировыми (австралийскими, новозеландскими и китайскими – страны, являющиеся мировыми лидерами по производству и переработке шерсти) шерстяными биржами. Отличия авторских рекомендаций от известных и апробированных в мировой практике состоят в том, что ключевым участником биржи выступает государственный национальный орган сертификации шерсти, который создает главное условие биржевых торгов – качественную классификацию и партионную стандартизацию шерсти. Электронная биржа, включающая торговую, расчетную (гарантийную) и платежную системы, должна представлять собой официальную торговую площадку, лицензированную государством как профессиональный институт финансового рынка; ее основная задача – содействие проведению рыночных сделок между покупателями и продавцами шерсти путем преодоления информационной асимметрии для сторон сделок. Отличием предлагаемой концепции является то, что в биржевой торговле шерстью применяются цифровые технологии и инструменты: QR-кодирование партий шерсти, использование смарт-контрактов, распределенных реестров (блокчейн). Новизна исследования заключается в том, что впервые для российского рынка предложена концепция организации электронной биржевой торговли шерстью с использованием инновационных цифровых технологий и инструментов (QR-кодирование, смарт-контракты, блокчейн), где, наряду с покупателями – переработчиками шерсти и продавцами – производителями шерсти, присутствует обязательный участник – государственный национальный орган сертификации, который организует процесс сертификации биржевых партий шерсти. В практической плоскости авторские предложения позволяют: упорядочить внутренний рынок шерсти; организовать сертифицированную торговлю шерстью как в соответствии с лучшими мировыми практиками, так и в соответствии с современными трендами цифровых технологий; цифровизировать взаимоотношения продавцов и покупателей на рынке шерсти, исключив посреднические звенья.

Ключевые слова: устойчивое развитие, переработка шерсти, легкая промышленность, инновации, электронная торговля, закупки, цифровая экономика.

Для цитирования: Мизиковский И. Е., Лиджи-Горяев Д. В. Концепция электронной торговой площадки в управлении устойчивым развитием предприятий переработки шерсти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 61–68. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-61.

THE CONCEPT OF AN ELECTRONIC TRADING PLATFORM FOR MANAGING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF WOOL PROCESSING

I. E. Mizikovsky¹, D. V. Lidzhi-Goryaev²

National research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹e-mail: core090913@gmail.com

²e-mail: denis847y@gmail.com

Abstract. The relevance of the research is that in Russia there is a problem of underdevelopment of the system of purchasing wool and its processed products at all levels of the value chain. The purpose of the research is

to develop a concept for creating a specialized electronic trading platform that allows organizing inter-industry interaction in the field of wool processing based on the principles of auction trade, excluding unnecessary intermediary links. The paper proposes the creation of a specialized electronic trading platform (exchange), specializing in the purchase and sale of wool and its products by analogy with the world's leading (Australian, New Zealand and Chinese-countries that are world leaders in the production and processing of wool) wool exchanges. The differences between the author's recommendations and those that are known and tested in the world practice are that the key participant of the exchange is the state national wool certification body, which creates the main condition for exchange trading – high-quality classification and batch standardization of wool. An electronic exchange that includes trading, settlement (guarantee) and payment systems must be an official trading platform licensed by the state as a professional Institute of the financial market; its main task is to facilitate market transactions between buyers and sellers of wool by overcoming information asymmetry for the parties to transactions. The difference between the proposed concept is that digital technologies and tools are used in exchange trading of wool: QR-coding of wool batches, the use of smart contracts, distributed registries (blockchain). The novelty of the research lies in the fact that for the first time in the Russian market, the concept of organizing electronic exchange trade in wool using innovative digital technologies and tools (QR-coding, smart contracts, blockchain), where, along with buyers-processors of wool and sellers – producers of wool, there is a mandatory participant – the state national certification body, which organizes the certification process of exchange batches of wool. In practical terms, the author's proposals allow us to: streamline the domestic wool market; organize certified wool trade both in accordance with the best world practices and in accordance with modern trends in digital technologies; digitalize the relationship between sellers and buyers in the wool market, eliminating intermediary links.

Key words: sustainable development, wool processing, light industry, innovation, e-commerce, procurement, digital economy.

Cite as: Mizikovskiy, I. E., Lidzhi-Goryaev, D. V. (2020) [The concept of an electronic trading platform for managing the sustainable development of wool processing]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 61–68. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-61.

Введение

Текущий экономический кризис в очередной раз обострил проблемы производственных секторов и импортозамещения в тех сферах, где есть для этого нереализованный потенциал и необходимые ресурсы. К такой сфере относятся предприятия по производству (сельское хозяйство) и глубокой переработки (легкая промышленность) шерсти. Указанные предприятия должны образовывать межотраслевые цепочки создания добавленной ценности. Однако сельскохозяйственные товаропроизводители ограничены в возможностях выгодно продавать шерсть, шкуры и прочую побочную продукцию животноводства, что сдерживает их рост как по количественным показателям настрига шерсти, так и ее качественным показателям. Переработчики шерсти всех переделов не только не имеют достаточной сырьевой базы для масштабного развития производств, но и системы сертификации шерсти по российским и международным стандартам, торговых площадок и логистических артерий для организованного функционирования рынка. Следствием накопленных проблем в производстве и переработке шерсти в нашей стране является неразвитость системы закупок шерсти и продуктов ее переработки по всем звеньям цепочки добавленной ценности, что не только препятствует устойчивому развитию рассматриваемой сферы, но и создает ситуацию регрессии в шерстеперерабатывающих отраслях.

Данные обстоятельства обуславливают актуальность проводимого исследования.

Целью исследования является разработка одного из направлений решения указанных проблем – концепции создания специализированной электронной торговой площадки, позволяющей на принципах аукционной торговли, исключая излишние посреднические звенья, организовывать межотраслевое взаимодействие в сфере переработки шерсти.

Общим вопросам управления и предпринимательской деятельности посвящены труды О. Е. Акимовой, С. К. Волкова [1], Л. В. Поповой, Д. А. Коробейникова, О. М. Коробейниковой, Д. Н. Телитченко [6], D. D. Burkaltseva, S. Y. Tsohla, L. V. Borovskaia, A. P. Bondar [11] и др. Экономические проблемы производства и переработки шерсти исследовались в работах отраслевых российских и зарубежных ученых: И. Н. Белик [3], Р. Е. Русановского, Е. В. Русановского [8], Н. К. Тимошенко, Н. Т. Разгонова, И. А. Баженовой, И. Г. Елизаровой, Л. И. Третьяковой [9], M. Ashraf, S. A. Ahanger, A. Hamadani [10], Ph. Slavin [16], W. Tourangeau, K. Sherren [17] и др.

Тем не менее вопросы использования инновационных цифровых технологий для устойчивого развития сферы переработки шерсти учеными не исследовались, возможности организованной биржевой торговли на практике в полной мере не задействуются, что также определяет значимость исследования.

Постановка проблемы и зарубежный опыт организованной торговли шерстью

В настоящее время в России не существует системы единой государственной стандартизации и сертификации шерсти, отсутствуют национальные аукционные площадки купли-продажи сырья и специализированные электронные торговые площадки. Так, на Санкт-Петербургской товарно-сырьевой бирже открыта секция «Сельскохозяйственная продукция и биоресурсы», однако торги шерстью на ней не проводятся. Другой крупный организатор биржевых торгов – АО «Национальная товарная биржа» (группа «Московская биржа») (<https://pamex.org>) осуществляет биржевые торги лишь отдельными видами сельскохозяйственной продукции – зерном и сахаром.

Сфера закупок шерсти в практической плоскости ограничивается отдельными возможностями интернет-сайтов, которые выступают как посредники-интеграторы объявлений продавцов и покупателей. Мониторинг русскоязычного сегмента интернета показал наибольшую активность таких сайтов, как: «Российский Агропромышленный сервер АгроСервер» (<https://agrosver.ru/spros/sherst/>); «Торговая система АГРОПУ.ком» (<https://agropu.com/spros/sherst/>); «AGROS.trade» – сайт бесплатных объявлений сельскохозяйственного рынка; «Доска агро объявлений для фермеров России «Agro-Russia» (<http://agro-russia.com>) и др. Однако такая форма организации связей заинтересованных сторон не способствует развитию инновационного конкурентного рынка с современными формами взаимодействия участников [4, с. 79] и тем более не соответствует международному уровню.

Мировой опыт показывает, что сырьевые закупки целесообразнее всего осуществлять в аукционной форме. Австралия, которая является крупнейшим производителем шерсти и, соответственно, лидирующим экспортером (по оценкам В. Я. Архипова, Австралия аккумулирует около 30% от производства шерсти в мире [2, с. 4–5]) и рассматривает овцеводство как наиболее выгодную отрасль сельского хозяйства за счет выращивания овец мериносовых пород, дающих качественное мясо и ценный мех.

Условия аукционной торговли и цены на мировом рынке шерсти определяются ключевыми игроками – биржами. Наиболее авторитетной и крупной площадкой является Австралийская биржа шерсти (Australian Wool Exchange Limited – AWEX Ltd.), которая обеспечивает биржевую торговлю на австралийском рынке; большое значение для рынка также имеют результаты биржевых торгов в новозеландских городах Крайстчерч, Нейпир и Окленд. Биржевые торги в странах развитого производства шерсти прошли путь от форм традиционных аукционных площадок до форм электронных бирж, использующих современные дистанционные он-

лайн-технологии. Например, для выхода фермеров-овцеводов на австралийский рынок продаж шерсти разработано пользовательское онлайн-приложение WoolClip, которое позволяет создавать спецификации шерсти и национальные австралийские декларации (сертификаты качества) о шерсти в офф-лайн режиме и затем загружать товарное предложение в биржевую базу для торгов.

Важной проблемой, решаемой в ходе аукционных торгов, выступает установление справедливой рыночной цены, дифференцированной по категориям шерстяного сырья. Рыночные цены определяются в расчете на килограмм мытой шерсти, но торговля обычно осуществляется немытым сырьем. На аукционных торгах цены определяются для шерсти по двум укрупненным категориям – в зависимости от тонины и длины волоса. В зависимости от тонины шерсть подразделяют на несколько классов с диаметром поперечного сечения шерстного волокна от 16,5 до 32 мкм и с шагом 0,5–1 мкм [9, с. 30]. Лучшие партии шерсти со сверхмалой тониной (менее 16 мкм) продаются в Австралии на специальных разовых аукционах «Золотая кипа» («gold bale auctions»), ее покупают известные дизайнерские компании для производства элитной продукции [12]. В зависимости от длины волокон также выделяются подгруппы шерсти с ценовым разбегом в 10–20%. Укороченная шерсть стоит дешевле сырья с волокнами стандартной длины [17, с. 23].

Ценовая дифференциация шерсти позволяет формировать регулярные (ежедневные, еженедельные и ежемесячные) биржевые индикаторы. Так, на австралийской бирже шерсти определяется биржевой индекс AWEX-EMI (AWEX Wool Market Indicator), который представляет собой агрегированные средние цены на шерсть по всем классам и различной длины шерсти и считается ключевым индикатором состояния мирового рынка тонкой и полутонкой шерсти.

В современных российских условиях ключевой проблемой организации торгов в любом виде (электронных, либо традиционных) является отсутствие системных стандартизации и сертификации шерсти, позволяющих однозначно и единообразно сертифицировать качественные параметры партии. Это является главным препятствием рыночной формализации отношений продавцов и покупателей [6, с. 8]. Вместе с тем в Российской Федерации как преемнице Советского Союза сохранился профильный Всероссийский научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства (ВНИИОК) – филиал «Северо-Кавказского федерального научного аграрного центра» [9, с. 28], орган по сертификации и испытательная лаборатория которого аккредитованы в национальной системе аккредитации (в соответствии с ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации»).

Концепция организации биржевой торговли шерстью

По нашему мнению, важнейшим условием устойчивого развития сферы переработки шерсти является создание системы организованных торгов, аккумулирующей сортовые торговые партии шерстяного сырья. Для эффективной организации и планирования закупочной деятельности в сфере переработки шерсти в России необходимо создание профильной электронной торговой площадки

(биржи), специализирующейся на купле-продаже шерсти и продуктов ее переработки по аналогии с ведущими мировыми (австралийскими, новозеландскими и китайскими – это страны, являющиеся мировыми лидерами по производству и переработке шерсти [7, с. 31–32]) шерстяными биржами.

Мы предлагаем *концепцию организации биржевой торговли шерстью* в условиях Российской Федерации (рисунок 1).

Рисунок 1. Предлагаемая концепция организации биржевой торговли шерстью на российском рынке

Ключевым условием функционирования предлагаемой схемы является наличие признаваемого всеми участниками рынка *национального сертификационного органа*. Предлагается в роли органа закрепить ВНИИОК – филиал «Северо-Кавказского ФНАЦ», который в настоящее время и выполняет функции по добровольной сертификации шерсти. По нашему мнению, на начальной стадии формирования биржевой площадки это должен быть государственный орган; в перспективе, с развитием цивилизованного рынка – это может быть орган профессионального саморегулирования.

В обоих случаях на сертификационный орган возлагаются обязанности организации национальной системы сертификации шерсти с учетом международных стандартов качества. Конкретно организация заключается в создании сети стригальных пунктов, на которых профессиональные стригали первично разделяют шерсть разного качества на группы, формируют однородные кипы, затем аккредитованные профессиональные классировщики шерсти определяют ее качественные сертификационные характеристики и маркируют. Маркировка является официальной, признаваемой всеми участниками рынка, процедурой подтверждения качества партии шерсти. Идентифицируемая и верифицируемая согласно маркировке шерсть может выступать объектом торгов на бирже, поскольку ее характеристики однозначно по-

нимаются всеми участниками рынка.

Электронная биржа должна представлять собой официальную торговую площадку, лицензированную государством как профессиональный институт финансового рынка, что обеспечит требуемый уровень доверия к ней. Основной задачей биржи является содействие проведению рыночных сделок между покупателями и продавцами шерсти путем преодоления информационной асимметрии для сторон сделок [14]. В правилах работы электронной биржи, наряду с универсальными техническими положениями, предлагаем предусмотреть следующие нормы:

- идентификация участников рынка (необходимо для повышения надежности контрагентских договоренностей);
- верификация стандартизированных партий шерсти (необходимо для достоверной идентификации и подтверждения качественных характеристик шерсти при формировании цены);
- ведение электронных журналов сделок (необходимо для гарантирования легитимизации инструментов и условий сделок, учета и контроля операций);
- ведение реестров очередей заявок (необходимо для внутригодичного упорядочения потокового спроса на шерсть и сезонного предложения шерсти, а также подтверждения объемов спроса и предложения шерсти);

– ведение биржевой секторальной статистики об объемах спроса и предложения, о средневзвешенных ценах рынка (необходимо для публичного информирования заинтересованных пользователей о состоянии рынка, аналитической обработки информации с выявлением динамики и трендов объемов спроса и предложения, формирования цен по категориям шерсти, прогнозирования и планирования указанных показателей и проч.).

Торговая система как операционное ядро биржи представляет собой совокупность технологических сервисов и мощностей обработки, передачи и хранения информации о сделках, совершенных на торговой площадке с использованием *инструментов*:

– кассовых сделок (срочных контрактов с датой исполнения 2 дня);

– срочных сделок (срочных контрактов с датой исполнения более 2 дней).

Расчетная (гарантийная) система представляет собой орган биржи (клиринговую организацию, банковскую организацию или аналогичную финансовую структуру), задачей которого является резервирование внесенных покупателем средств на счете «эскроу» для окончательной оплаты выставленного счета против поставки партии шерсти.

Платежная система как финансовый оператор электронных биржевых торгов шерстью обеспечивает выполнение платежных (денежных) обязательств в рамках договора купли-продажи, а также взимание с участников биржевого сбора в пользу торговой системы.

Цифровая направленность современной экономики диктует требования применения технологических инноваций всеми институтами рынка, что априори должно обеспечивать конкурентные преимущества цифровых экосистем и их субъектов перед традиционными [13]. Учитывая данное обстоятельство, в концепции торговой площадки предлагается применение цифровых технологий и инструментов: QR-кодирования партий шерсти, использование смарт-контрактов, распределенных реестров.

QR-кодирование как инновационный инструмент (способ) электронных биржевых торгов предлагаем использовать в сертификации биржевых партий шерсти и оптимизации ее логистики. В динамически генерируемые QR-коды можно зашифровывать информацию о производителе шерсти, ее происхождении, классе, тонине, длине, чистоте и прочих качественных показателях, сертифицирующей организации и других параметрах. Закодированная информация путем автоматического считывания с помощью широкого перечня устройств (от частных смартфонов и других пользовательских устройств до профессионального идентификационного оборудования) будет доступна всем участникам торгов; повысится оперативность передачи

и квалификации данных. Технология считывания кодов позволит оперативно вводить информацию как в учетные базы участников торгов, так и передавать ее внешним заинтересованным субъектам (налоговым, таможенным, статистическим и другим государственным органам). Наибольший эффект применение QR-кодирования, по нашему мнению, обеспечит для организации логистических цепочек перемещения партий шерсти.

Кроме того, в QR-код можно зашифровывать платежную информацию по результатам аукционных торгов, что позволит покупателю оперативно и с минимальными рисками компрометации данных и фальсификации партионного качества акцептовать платеж за приобретенную партию. Данная возможность предлагается постольку, поскольку российские и зарубежные платежные системы активно внедряют способ оплаты счетов по QR-кодам, в которых защита ссылка с реквизитами платежа. Благодаря простоте технологии, которая не требует специального оборудования ни на стороне продавца и торговой системы, ни на стороне покупателя, такие платежи становятся альтернативой розничным контактным платежам по картам и бесконтактным платежам. В случае использования технологии QR-кодирования целесообразность привлечения расчетной (гарантийной) системы отпадает, так как информация генерируется и платеж автоматически исполняется платежной системой в момент фактического перемещения объекта купли-продажи от продавца к покупателю.

Предлагаемая модель электронной торговой площадки предполагает возможность применения *смарт-контрактов* (то есть договоров между продавцами и покупателями шерсти об установлении юридических прав и обязанностей, в котором часть или все условия записываются, исполняются и/или обеспечиваются автоматически компьютерным алгоритмом на электронной торговой площадке) как инновационной формы взаимоотношений между покупателями и продавцами шерсти. Смарт-контракты позволят оптимизировать бизнес-процессы за счет сокращения издержек на проведение и контроль операций купли-продажи, сертификации шерсти, увеличить скорость выполнения операций, снизить риски недобросовестных действий сторон (в отношении фальсификации процедур сертифицирования, определения качественных параметров шерсти и проч.), максимально исключить посредников при продажах и т. п. Профильные специалисты считают, что применение смарт-контрактов может найти широкое применение в таких сферах, как интернет-продажи, поставка товаров и сырья, перевозки и логистика, страхование [15, с. 19], то есть являются применимыми для предлагаемой формы биржевой торговли шерстью. Таким образом, смарт-контракты в рассматриваемой сфе-

ре создают более удобную среду для взаимодействия сторон сделок.

Однако пока в России практика применения смарт-контрактов носит экспериментальный и фрагментарный характер, несмотря на введение норм в законодательство (изменения в Гражданский кодекс с 01.10.2019 г.), но при этом имеет широкий потенциал, в том числе и для российского рынка шерсти.

Для полноценного использования смарт-контракта как операционного инструмента на проектируемой электронной бирже шерсти предлагается:

– разработка программного обеспечения отраслевой смарт-контракта (самостоятельная разработка, приобретение технологического стартапа, аутсорсинг разработки и технологического обслуживания);

– популяризация смарт-контрактов на рынке шерсти путем проведения информационных, образовательных и др. мероприятий;

– нормативное и юридическое сопровождение сделок, оформляемых смарт-контрактами.

Смарт-контракты эффективнее всего выстраивать на технологии распределенных реестров (блокчейне). На российском рынке существуют апробированные положительные практики применения блокчейна на платформе российского происхождения Мастерчейн (что нивелирует внешестрановые риски): учет электронных закладных, цифровой аккредитив, цифровая банковская гарантия, прототипы проектов по выпуску облигаций и учету поставок. Наибольшую известность получили разработки финансового характера как имеющие больший потенциал доходности и меньший срок возврата инвестиций [5]. Однако развиваются и нефинансовые практики корпоративного блокчейна в госкорпорациях и субъектах крупного бизнеса. Например, это установление на объектах «Газпром нефть Шельфа» радиочастотных меток (RFID) и датчиков спутникового позиционирования (GPS), которые позволяют не только отслеживать движение, скорость и количественные параметры грузов, но и вести первичный и складской учет грузов, контролируя выполнение параметров договоров сторон. «Газпром нефть» как структура госкорпорации заинтересовано в тиражировании положительного опыта технологии блокчейн иных отраслях сферах.

Для крупных партий шерсти установление подобных датчиков и меток, как мы считаем, может быть применимо для организации контроля за перемещением грузов от поставщиков к покупателям и является подтверждением реальности

совершения торговых операций при заключении смарт-контрактов. Получаемые с устройств данные о бизнес-процессах фиксируются смарт-контрактом и отражаются в блокчейне (в цепочке блоков). Информация о складских и транспортных операциях – формирование товарной партии шерсти, перемещение со склада для погрузки, транспортировка, приемка партии шерсти покупателем – передается датчиками в цепочку блокчейна. Таким образом, в рассматриваемой нами сфере блокчейн способен обеспечить неразрывную связь физической поставки и всех сопровождающих процессов и документооборота покупателей и поставщиков, тем самым позволив всем участникам процесса получить доступ к достоверной информации в зашифрованном виде. Блокчейн мы рекомендуем применять как инновационную технологию управления цепочками поставок на рынке шерсти.

Заключение

Для эффективной организации и планирования закупочной деятельности в сфере переработки шерсти в России предлагается концепция создания профильной электронной торговой площадки (биржи), специализирующейся на купле-продаже шерсти и продуктов ее переработки. Отличия авторских рекомендаций от известных и апробированных в мировой практике состоят в том, что ключевым участником биржи выступает государственный национальный орган сертификации шерсти, который создает главное условие биржевых торгов – качественную классификацию и партионную стандартизацию шерсти.

Приращение научного знания выражается в том, что впервые для российского рынка предложена концепция организации электронной биржевой торговли шерстью с использованием инновационных цифровых технологий и инструментов (QR-кодирование, смарт-контракты, блокчейн), где, наряду с покупателями – переработчиками шерсти и продавцами – производителями шерсти, присутствует обязательный участник – государственный национальный орган сертификации, который организует процесс сертификации биржевых партий шерсти. Авторские предложения позволяют: упорядочить внутренний рынок шерсти; организовать сертифицированную торговлю шерстью как в соответствии с лучшими мировыми практиками, так и в соответствии с современными трендами цифровых технологий; цифровизировать взаимоотношения продавцов и покупателей на рынке шерсти, исключив посреднические звенья.

Литература

1. Акимова О. Е., Волков С. К. Исследование современного состояния инновационного предпринимательства в России // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17. – № 4 (463). – С. 733–748.

2. Архипов В. Я. Внешняя торговля Австралии // *Внешнеэкономический бюллетень*. – 2005. – № 10. – С. 3–16.
3. Белик И. Н. Классификация и стандартизация шерсти по тонине // *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. – 2018. – № 1. – С. 113–118.
4. Буркальцева Д. Д., Ковалёва И. Н. Использование региональных экономических кластеров территориальной социально-экономической системы // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. – 2017. – № 3. – С. 76–85.
5. Мизиковский И. Е., Уляшева Л. Г. Основные подходы к трактовке затратных терминов // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. – 2016. – № 3. – С. 206–212.
6. Попова Л. В., Коробейников Д. А., Коробейникова О. М., Телитченко Д. Н. Организационно-экономический механизм сельского хозяйства в рискованных условиях санкционных ограничений: монография. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. аграрного университета, 2016. – 236 с.
7. Разумеев К. Э. Современное состояние и динамика производства и переработки шерсти в мире // *Овцы, козы, шерстяное дело*. – 2018. – № 4. – С. 30–33.
8. Русановский Р. Е., Русановский Е. В. Институциональные факторы развития рынка шерсти // *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. – 2016. – № 28–1. – С. 14–18.
9. Тимошенко Н. К., Разгонов Н. Т., Баженова И. А., Елизарова И. Г., Третьякова Л. И. О сертификации и качестве шерсти // *Овцы, козы, шерстяное дело*. – 2019. – № 1. – С. 28–31.
10. Ashraf M., Ahanger S. A., Hamedani A. Factors affecting wool characteristics of sheep reared in Kashmir // *Tropical animal health and production*. – 2020. – No 2.
11. Burkaltseva D. D., Tsohla S. Y., Borovskaia L. V., Bondar A. P. Basic forms of institutional changes of economy in Russia // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. – 2016. – № 15. – pp. 11137–11152.
12. Ferrero-Regis T. From Sheep to Chic: Reframing the Australian Wool // *Journal of Australian studies*. – 2020. – No 2.
13. Gawer A., Cusumano M. Industry Platforms and Ecosystem Innovation // *J. Prod. Innov. Management*. – 2014. – № 31 (3). – pp. 417–433.
14. Muegge S. Platforms, Communities and Business Ecosystems: Lessons Learned about Technology Entrepreneurship in an Interconnected World // *Technology Innovation Management Review*. – 2013. – No 3 (2). – pp. 5–15.
15. Popova L. V., Korobeynikov D. A., Korobeynikova O. M., Shaldokhina S. J., Zabaznova D. O. Concessional lending as a perspective tool of development of agribusiness // *European Research Studies Journal*. – 2016. – Vol. 19. – № 2. – pp. 12–20.
16. Slavin Ph. Mites and merchants: the crisis of English wool and textile trade revisited // *Economic history review*. – 2020. – No 3. – pp. 1275–1330.
17. Tourangeau W., Sherren K. Leverage points for sustainable wool production in the Falkland Islands // *Journal of rural studies*. – 2020. – Vol. 74. – pp. 22–33.

References

1. Akimova, O. E., Volkov, S. K. (2019) [Research of the current state of innovative entrepreneurship in Russia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. Vol. 17 No. 4 (463), pp. 733–748. (In Russ.).
2. Arkhipov, V. Ya. (2005) [Australia's foreign trade]. *Vneshneekonomicheskij byulleten'* [Foreign Economic Bulletin]. Vol. 10, pp. 3–16. (In Russ.).
3. Belik, I. N. (2018) [Classification and standardization of wool by tonina]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Izvestiya of Saint Petersburg State Agrarian University]. Vol. 1, pp. 113–118. (In Russ.).
4. Burkaltseva, D. D., Kovaleva, I. N. (2017) [The Use of regional economic clusters of the territorial socio-economic system]. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii* [Scientific Bulletin: Finance, banks, investments]. Vol. 3, pp. 76–85. (In Russ.).
5. Mizikovskij, I. E., Ulyasheva, L. G. (2016) *Osnovnye podhody k traktovke zatratnyh terminov* [Main approaches to the interpretation of cost terms]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and municipal administration. Proceedings of the SKAGS]. Vol. 3, pp. 206–212. (In Russ.).
6. Popova, L. V., Korobeynikov, D. A., Korobeynikova, O. M., Telitchenko, D. N. (2016) *Organizacionno-ekonomicheskij mehanizm sel'skogo hozjajstva v riskovyh usloviyah sankcionnyh ogranichenij: monografija* [Organizational and economic mechanism of agriculture in risky conditions of sanctions restrictions]. Volgograd VSAU. 236 p. (In Russ.).

7. Razumeev, K. Je. (2018) [Current state and dynamics of wool production and processing in the world]. *Ovcy, kozy, sherstjanoe delo* [Sheep, goats, wool business]. Vol. 4, pp. 30–33. (In Russ.).
8. Rusanovsky, R. E., Rusanovsky, E. V. (2016) [Institutional factors of development of the market of wool]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya* [Economy and management in the XXI century: development trends]. Vol. 28–1, pp. 14–18. (In Russ.).
9. Timoshenko, N. K., Razgon, N. T., Bazhenova, I. A., Elizarova, I. G., Tretyakov, L. I. (2019) [About certification and quality of wool]. *Ovcy, kozy, sherstjanoe delo* [Sheep, goats, wool business]. Vol. 1, pp. 28–31 (In Russ.).
10. Ashraf, M., Ahanger, S. A., Hamedani, A. (2020) Factors affecting wool characteristics of sheep reared in Kashmir. *Tropical animal health and production*. Vol. 2 (In Eng.).
11. Burkaltseva, D. D., Tsohla, S. Y., Borovskaia, L. V., Bondar, A. P. (2016) Basic forms of institutional changes of economy in Russia. *International Journal of Applied Business and Economic Research*. Vol. 15, pp. 11137–11152 (In Eng.).
12. Ferrero-Regis, T. (2020) From Sheep to Chic: Reframing the Australian Wool. *Journal of Australian studies*. Vol. 2 (In Eng.).
13. Gawer, A., Cusumano, M. (2014) Industry Platforms and Ecosystem Innovation. *J. Prod. Innov. Management*. Vol. 31 (3), pp. 417–433 (In Eng.).
14. Muegge, S. (2013) Platforms, Communities and Business Ecosystems: Lessons Learned about Technology Entrepreneurship in an Interconnected World. *Technology Innovation Management Review*. Vol. 3 (2), pp. 5–15 (In Eng.).
15. Popova, L. V., Korobeynikov, D. A., Korobeynikova, O. M., Shaldokhina, S. J., Zabaznova, D. O. (2016) Concessional lending as a perspective tool of development of agribusiness. *European Research Studies Journal*. Vol. 19. No. 2, pp. 12–20 (In Eng.).
16. Slavin, Ph. (2020) Mites and merchants: the crisis of English wool and textile trade revisited. *Economic history review*. Vol. 3, pp. 1275–1330 (In Eng.).
17. Tourangeau, W., Sherren, K. (2020) Leverage points for sustainable wool production in the Falkland Islands. *Journal of rural studies*. Vol. 74, pp. 22–33 (In Eng.).

Информация об авторах:

Игорь Ефимович Мизиковский, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и статистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ORCID ID: 0000-0002-5094-5008

e-mail: core090913@gmail.com

Денис Васильевич Лиджи-Горяев, аспирант кафедры бухгалтерского учета и статистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

e-mail: denis847y@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.07.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Igor Efimovich Mizikovsky, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Accounting and Statistics, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5094-5008

e-mail: core090913@gmail.com

Denis Vasil'evich Lidzhi-Goryaev, Postgraduate student, Department of accounting and statistics, National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: denis847y@gmail.com

The paper was submitted: 15.07.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

С. А. Попова¹, Е. Е. Смотровая², Е. А. Колпакова³

Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

¹e-mail: popova_s_a@mail.ru

²e-mail: elena_sm11@mail.ru

³e-mail: katya200611@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что низкое качество и фрагментарность инженерного обустройства сельских поселений негативно влияет на демографию сельских территорий. Целью исследования является разработка комплексной методики для оценки влияния состояния инженерной инфраструктуры сельских поселений на демографию сельских территорий, в качестве интегрального показателя которой предложена плотность сельского населения. В работе изложена методика комплексной оценки сельских территорий по уровню развития инженерной инфраструктуры. Сводный индекс развития инженерной инфраструктуры сельских территорий агрегирует семь частных статистических индикаторов, рассчитанных для каждого региона России за 2018 год и нормированных с применением метода линейного масштабирования. Основным отличием авторской методики от ранее разработанных является совмещение результатов ранжирования регионов России по уровню развития инженерной инфраструктуры сельских территорий с группировкой по плотности сельского населения. Новизна предложенного подхода связана с формированием двухмерной группировки сельских территорий, где плотность населения рассматривается как первичный группировочный признак, а уровень развития инженерной инфраструктуры – как вторичный группировочный признак, что дало возможность оценить корреляцию между уровнем развития социально-инженерной инфраструктуры сельских территорий и их плотностью. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют об умеренной зависимости между плотностью сельского населения и уровнем развития инженерной инфраструктуры сельских территорий. В практической плоскости сформированная типология выступает объективным основанием для выявления и сравнительной оценки точек роста и приоритетов устойчивого пространственного развития сельских территорий на перспективу, что создает предпосылки для унификации государственных подходов к стратегическому планированию и управлению социально-экономическим развитием сельских территорий РФ и регионов. Направления дальнейших исследований связаны с развитием предложенного подхода в части комплексного охвата других составляющих социально-экономического развития сельских территорий (демография, экономика, сельское хозяйство, социальная инфраструктура) для более полной оценки их влияния на плотность сельского населения.

Ключевые слова: устойчивое развитие сельских территорий, инженерная инфраструктура сельских поселений, типология, плотность сельского населения.

Для цитирования: Попова С. А., Смотровая Е. Е., Колпакова Е. А. Типология сельских территорий по уровню развития инженерной инфраструктуры // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 69–78. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-69.

TIPOLOGY OF RURAL TERRITORIES BY LEVEL OF ENGINEERING INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT

S. A. Popova¹, E. E. Smotrova², E. A. Kolpakova³

Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia

¹e-mail: popova_s_a@mail.ru

²e-mail: elena_sm11@mail.ru

³e-mail: katya200611@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is that the poor quality and fragmentary engineering arrangement of rural settlements negatively affects the demographics of rural areas. The aim of the study is to develop a comprehensive methodology for assessing the impact of the state of engineering infrastructure of rural settlements on the demography of rural territories, which is an integral indicator of the proposed rural population density. The

paper proposes a method for a comprehensive assessment of rural areas by the level of development of engineering infrastructure. The composite index of rural engineering infrastructure development aggregates seven private statistical indicators calculated for each region of Russia in 2018 and normalized using the linear scaling method. The main difference between the author's method and the previously conducted research is the combination of the results of ranking Russian regions by the level of development of engineering infrastructure in rural areas with grouping by the density of the rural population. The novelty of the proposed approach is associated with the formation of two-dimensional groupings of rural areas, where population density is regarded as the primary grouping characteristics, and the level of development of engineering infrastructure as a secondary grouping characteristics that gave the possibility to evaluate the correlation between the level of development of social and engineering infrastructure of rural territories and their people. The results of the correlation analysis indicate a moderate relationship between the density of the rural population and the level of development of engineering infrastructure in rural areas. In practical terms, the typology formed serves as an objective basis for identifying and comparing growth points and priorities for sustainable spatial development of rural territories in the future, which creates prerequisites for the unification of state approaches to strategic planning and management of socio-economic development of rural territories of the Russian Federation and regions. The directions of further research are related to the development of the proposed approach in terms of comprehensive coverage of other components of socio-economic development of rural areas (demography, economy, agriculture, social infrastructure) for a more complete assessment of their impact on the rural population density.

Key words: sustainable development of rural territories, engineering infrastructure of rural settlements, typology, rural population density.

Cite as: Popova, S. A., Smotrova, E. E., Kolpakova, E. A. (2020) [Typology of rural territories by level of engineering infrastructure development]. *Интеллект. Инновации. Инвестиции* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 69–78. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-69.

Введение

Россия располагает самой большой площадью земли в мире – более 17 млн км², из которых около 90% занимают сельские территории, включающее в себя земли сельскохозяйственного назначения, сельских населенных пунктов, лесного и водного фонда. Число сельских населенных пунктов в РФ превышает 154 тыс., в которых проживают 37,6 млн человек или четверть населения страны, но при этом 36% поселений либо совсем не имеют жителей, либо их число не превышает 10 человек, усиливается тенденция к обезлюдиванию села. Только за 2000–2018 годы число сельских жителей сократилось на 4,8%, что приводит к снижению социального контроля над территориями, вымыванию из общественного сознания традиционного уклада, характерного для сельского образа жизни, и, в конечном счете, может стать причиной утраты продовольственной и национальной безопасности.

Во многом перечисленные проблемы лежат в плоскости снижения качества жизненного пространства сельских поселений, и в первую очередь связаны с фрагментарностью и недостаточностью социально-инженерной инфраструктуры, определяющей комфортность проживания в конкретном населенном пункте. Следствием деградации жизненного пространства села является усиление демографических проблем, наиболее острой из которых является миграционный отток трудоспособного населения [5]. Данные обстоятельства обуславливают актуальность проводимого исследования, вызванного необходимостью выявления и структурирования региональных проблем социально-инженерно-

го обустройства сельских территорий для оценки их влияния на демографическую ситуацию, в частности на уровень плотности сельского населения.

Целью исследования является составление типологической группировки сельских территорий на основе разработанной методики для комплексной оценки состояния инженерной инфраструктуры сельских поселений и ее влияния на демографию сельских территорий, в качестве интегрального показателя которой предложена плотность сельского населения.

Типология сельских территорий по уровню развития инженерной инфраструктуры

Общим вопросам управления устойчивым развитием сельских территорий посвящены труды Бондаренко Л. В. [1], Огаркова С. А. [3], Поповой Л. В. [5] и других авторов. Вопросы методологии оценки состояния социально-инженерной инфраструктуры сельских территорий исследовались в работах, Полухиной М. Г. [4], Поповой С. А. [6], Энкиной Е. В. [9], Yurkova M. S. [14] и других, разработавших собственные методики, как правило, опирающиеся на схожий методологический и математический инструментарий, позволяющий осуществить сводку частных показателей состояния социально-инженерной инфраструктуры в какие либо интегральные индексы. Но, несмотря на значительное общее число работ, ощущается дефицит исследований, агрегирующих оценку инфраструктурных и демографических проблем сельских территорий в единую типологию, что также определяет значимость исследования.

Методика комплексной оценки сельских территорий по уровню развития инженерной инфраструктуры

С учетом доступности статистических данных и информационной значимости конкретных показателей для расчета сводного индекса развития инженерной инфраструктуры в сельской местности были отобраны семь частных индикаторов:

x^{dS1} – Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя, м²

x^{dS2} – Доля негазифицированных населенных пунктов, %

x^{dS3} – Доля сельских населенных пунктов, не имеющих водопровода, %

x^{S1} – Доля сельских населенных пунктов, не имеющих канализации, %

x^{S2} – Доля жилой площади, оборудованной водопроводом, %

x^{S3} – Доля жилой площади, оборудованной канализацией, %

x^{S4} – Доля жилой площади, оборудованной отоплением, %

Для каждого региона России были проанализированы фактические значения отобранных индикаторов за 2018 год и осуществлено их нормирование с применением метода линейного масштабирования. Агрегация значений семи частных индикаторов в сводный индекс, характеризующий состояние инженерной инфраструктуры в сельской местности в разрезе субъектов РФ выполнена способом усреднения стандартизированных значений исходных индикаторов. Полученные результаты выступают основанием для типологизации сельских территорий страны.

Основным отличием предлагаемой методики от ранее проведенных исследования является наложение группировки регионов по обеспеченности объектами инженерной инфраструктуры в сельской местности на группировку по плотности сельского населения, что позволило:

а) сформировать двухмерную группировку сельских территорий, где плотность населения рассматривается как первичный группировочный признак, уровень развития инженерной инфраструктуры – как вторичный группировочный признак;

б) оценить корреляцию между уровнем развития социально-инженерной инфраструктуры сельских территорий и их населенностью.

Оценка современного состояния инженерной инфраструктуры сельских территорий РФ

Одним из ключевых элементов формирования привлекательности территорий для постоянного проживания является современная развитая инженерная инфраструктура. От качественных и количественных характеристик объектов инженерной инфраструктуры зависит качество жизни сельского

населения, а также возможности для привлечения и закрепления молодых специалистов [8].

Инженерная инфраструктура представляет собой комплекс технологически взаимосвязанных инженерных объектов и сооружений, обеспечивающих оказание услуг в сферах электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения [10]. Ввод новых инженерных сетей повышает уровень обустройства сельских населенных пунктов, создает благоприятные условия для жизни и трудовой деятельности сельского населения, оказывает положительное влияние на технологический процесс производства аграрной продукции и способствует повышению производительности труда. Это позволяет не только создать комфортные условия для проживания сельского населения и функционирования сельскохозяйственных предприятий, но и оказывает существенное влияние на объемы выпуска продукции, экономическую эффективность агропромышленного комплекса. В конечном итоге устойчивое развитие инженерной инфраструктуры в сельской местности является немаловажным фактором обеспечения продовольственной безопасности регионов и государства в целом [5].

Главными задачами развития инженерной инфраструктуры сельских территорий являются стабильное, качественное и безопасное предоставление услуг в сфере водо-, электро-, тепло-, газоснабжения сельскому населению, способствующее созданию комфортных социально-бытовых условий жизни. Значения основных индикаторов, характеризующих инженерное обустройство сельских территорий в разрезе федеральных округов РФ, представлено в таблице 1.

Одним из ключевых показателей в системе оценки жилищной сферы выступает общая площадь жилья, приходящаяся на одного сельского жителя, так как данный показатель служит одним из критериев, определяющих уровень жизни населения.

Количественная оценка площади жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного сельского жителя, выполненная на базе статистических показателей, позволила выявить следующую картину.

В настоящее время, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного россиянина, составляет 25,8 м². При этом средний размер жилищной площади на одного сельского жителя составляет 26,9 м², что несколько выше, чем в городской местности. Однако следует учитывать, что относительно высокие значения данного показателя в сельской местности во многом обусловлены демографическим кризисом в стране, результатом которого стала ежегодная убыль постоянного населения. Также необходимо отметить, что среднее значение показателя далеко от стандарта, установленного в ООН – 30 м² в среднем на человека.

Таблица 1. Основные показатели, характеризующие инженерное обустройство сельских территорий в разрезе федеральных округов РФ, 2018 год

Показатели	РФ	Федеральный округ РФ							
		ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Количество сельских населенных пунктов, ед.	154167	59762	29618	7414	3322	34042	5816	10101	4074
Общая площадь жилых помещений на 1 жителя, м ²	26,9	32,0	34,7	23,1	19,7	29,7	27,7	24,6	23,0
Негазифицированные населенные пункты, ед. – доля, %	91639 59,4	35231 59,0	24332 82,2	2947 39,7	1068 32,1	14048 41,3	2722 46,8	8906 88,2	2385 58,5
Населенные пункты, не имеющие водопроводы (отдельные водопроводные сети), ед. – доля, %	77824 50,5	31995 53,5	20477 69,1	2362 31,9	452 13,6	14479 42,5	2154 37,0	4077 40,4	1828 44,9
Населенные пункты, не имеющие канализацию (отдельные канализационные сети), ед. – доля, %	117737 76,4	45069 75,4	22425 75,7	6196 83,6	1714 51,6	28253 83,0	3270 56,2	8784 87,0	2026 49,7
Доля общей площади, оборудованной водопроводом, %	60,6	60,5	45,4	69,9	69,1	67,4	53,8	54,3	30,6
Доля общей площади, оборудованной канализацией, %	49,5	52,2	39,1	59,3	55,6	53,9	44,3	36,1	28,5
Доля общей площади, оборудованной отоплением, %	69,1	70,3	48,0	72,4	75,3	82,1	56,6	61,4	43,4

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики

В регионах РФ отмечается существенная дифференциация жилищной обеспеченности сельских жителей. Соотношение максимального и минимального значений данного показателя достигает почти 4 раз. Наиболее благополучными в отношении обеспеченности жильем сельских жителей являются следующие регионы РФ: Магаданская область (49,7 м²), Тверская область (44,1 м²), Калужская, Архангельская и Новгородская области (около 41 м²). Текущий уровень обеспеченности жильем сельского населения соответствует стандарту ООН менее чем в половине регионов РФ (рисунок 1).

Нельзя не отметить тот факт, что высокие показатели в большинстве регионов сложились в результате продолжавшегося в течение долгих лет значительного миграционного оттока сельского населения. По причине существенного сокращения численности постоянного сельского населения и вымирания деревень в целом ряде регионов, показатель обеспеченности жильем формально значительно увеличивается, при этом нередко учитывается жилплощадь пустующих сельских домовладений или жилья крайне низкого качества. В целом ряде регионов РФ объем жилой площади не достигает и 20 м² на одного человека, проживающего в сельской местности. Данная ситуация сложилась в Республиках Тыва (12,5 м²), Ингушетии (14,2 м²), Чеченской Республике (16,9 м²), Ямало-Ненецком автономном округе (17,9 м²), Кабардино-Балкар-

ской Республике (18,3 м²), Карачаево-Черкесской Республике (19,4 м²), Республике Крым (19,6 м²).

В разрезе федеральных округов РФ ситуация выглядит следующим образом. Относительно развитыми по обеспеченности сельского населения жильем являются Северо-Западный (34,7 м²) и Центральный федеральные округа (32,0 м²). Наихудшая ситуация сложилась в Северо-Кавказском округе, где средняя обеспеченность жильем составила 19,7 м².

Наряду с обеспеченностью жильем, значительное влияние на уровень жизни сельского населения и демографическую ситуацию оказывает благоустройство жилищного фонда, воздействуя на уровень рождаемости и миграционную мобильность жителей. В настоящее время существенную роль в создании комфортных условий для жизни играет обеспеченность населения газом, питьевой водой, отоплением и водоотведением [14].

Несмотря на то, что в последние годы отмечаются значительные сдвиги в деле газификации, в ряде регионов РФ все еще остаются актуальными проблемы, требующие незамедлительного решения [2]. До настоящего времени имеют место существенные диспропорции между обеспеченностью газом городских и сельских потребителей. Несмотря на то, что в целом по стране сельские темпы газификации почти в два раза превышают городские, в некоторых субъектах РФ уровень газификации сельских территорий остается критически низким.

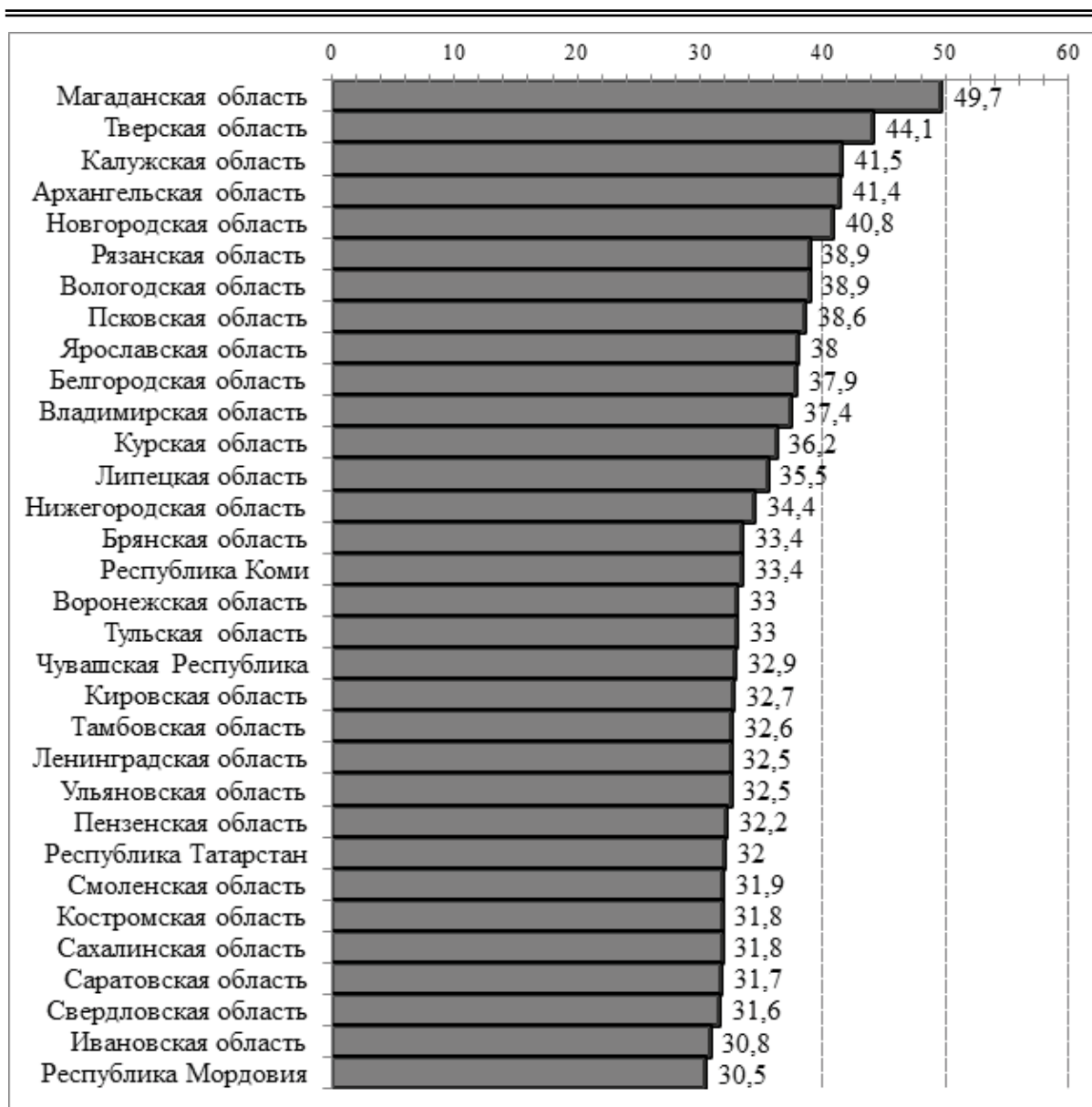

Рисунок 1. Регионы, лидирующие по обеспеченности сельского населения жильем в РФ (приходится более 30 м² на 1 жителя)

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики

В настоящее время в России остаются негазифицированными почти 60% сельских населенных пунктов от их общего числа. При этом отмечается крайне неравномерная газифицированность территорий. Некоторым регионам удалось добиться почти полной газификации сельских населенных пунктов. К таким регионам относятся республики Ингушетия и Кабардино-Балкария, а также регионы Дальнего Востока: Забайкальский и Камчатский края, Магаданская и Сахалинская области. При этом, отдельные субъекты федерации, еще только начинают заниматься газификацией, к ним относятся республики Алтай, Хакасия, Красноярский край, Ярославская, Вологодская, Новгородская, Псковская области, Ненецкий автономный округ, Респу-

блика Тыва, Алтайский край. В индивидуальных домовладениях газ часто используется в качестве источника отопления, так как является более доступным по сравнению с электроэнергией. В связи с этим, уровень газификации сельских населенных пунктов остается недостаточным для обеспечения комфортного проживания.

Немаловажным фактором, обуславливающим перспективность той или иной сельской территории, является уровень обеспеченности таким жизненно необходимым благом, как центральный водопровод. Современное состояние системы водоснабжения оценивалось на основе данных об источниках воды, используемой сельскими жителями для личного потребления. Сельские поселения,

которые используют местные источники воды из открытых водоемов и привозную воду находятся в худшем положении, чем те, которые располагают водопроводами.

Большинство субъектов РФ характеризуются низким уровнем развития центрального водоснабжения. В настоящее время только половина населенных пунктов, расположенных в сельской местности, имеют отдельную водопроводную сеть. В 43 субъектах РФ центральным водопроводом охвачены менее 60% населенных пунктов. При этом в Ярославской, Архангельской, Вологодской областях, Ненецком автономном округе, республике Саха (Якутия) уровень оснащённости населенных пунктов водопроводом составляет менее 20%. Наилучшего уровня водоснабжения в сельской местности удалось добиться регионам Северного Кавказа.

По уровню развития водоотведения (канализационных сетей) в сельской местности лидируют Московская, Калининградская, Тюменская области и Республика Ингушетия. В 22 регионах канализация отсутствует в 90% и более населенных пунктов. Водоотведение в сельских домах чаще представлено выгребными ямами. Это оказывает крайне негативное влияние для окружающей среды, санитарной и экологической обстановки в стране, а также негативно влияет на качество жизни населения, проживающего в сельской местности.

Средняя обеспеченность сельского жилищного фонда отоплением в современной России составляет 69,1%. Согласно официальным статистическим данным, величина этого показателя колеблется в пределах от 11,7% в Забайкальском крае до 99,3% в Белгородской области.

Фактические значения каждого из перечисленных индикаторов развития инженерной инфраструктуры были переведены в соответствующий индекс.

Стандартизация разнородных статистических показателей – стимулов (S) и показателей – дестимулов (dS) выполнялась с помощью метода линейного масштабирования, предполагающего анализ максимальных и минимальных значений региональных показателей [15]. Для перевода показателя – стимула S в индекс была использована следующая методика:

$$x^s = \frac{S - S_{min}}{S_{max} - S_{min}}$$

где

s – фактическое значение показателя – стимула, s_{min} и s_{max} являются минимальным и максимальным значениями показателя – стимула из совокупности исследуемых субъектов.

Для перевода показателя – дестимула dS в индекс была использована следующая методика:

$$x^{ds} = 1 - \left(\frac{dS - dS_{min}}{dS_{max} - dS_{min}} \right)$$

где

dS – фактическое значение показателя – дестимула, dS_{min} и dS_{max} являются минимальным и максимальным значениями показателя – дестимула из совокупности исследуемых субъектов.

В результате расчета и стандартизации показателей, характеризующих в региональном разрезе инженерное обустройство сельских территорий, на основе усреднения полученных значений были сформированы интегральные индексы, дающие обобщенную оценку состояния инженерной инфраструктуры сельских территорий по каждому субъекту РФ.

Группировка сельских территорий по уровню развития инженерной инфраструктуры и плотности населения

Наложение результатов интегральной оценки развития инженерной инфраструктуры на группировку регионов по плотности сельского населения позволяет выделить 16 типологических групп (фактически получено 14) сельских территорий (таблица 2).

На основании сформированной группировки проведен корреляционный анализ для оценки влияния уровня развития инженерной инфраструктуры на плотность сельского населения. Согласно шкале Чэддока множественный коэффициент корреляции, равный 0,397, свидетельствует об умеренной зависимости между плотностью сельского населения и современным состоянием инженерной инфраструктуры сельских территорий. Очевидно, что в действительности связь указанных параметров более тесная, а некая размытость корреляционного поля (таблица 3) обусловлена наличием выбросов, связанных срезкой дифференциацией регионов по плотности сельского населения (от 0,01 чел./км² Магаданской области до 91,87 чел./км² в Республике Ингушетия).

Наиболее развитую инженерную инфраструктуру сельских поселений имеют регионы Северного Кавказа, европейского юга страны и столичной агломерации для которых характерна наиболее высокая плотность сельского населения. Худшие оценки состояния инженерной инфраструктуры сельских поселений типичны для регионов европейского севера, Сибири и дальнего востока с низкой и крайне низкой плотностью населения.

Исходя из вышеизложенного, предложенная типологизация выступает этапом более широкой методики, предполагающей ранжирование регионов на основании комплексной оценки уровня социально-экономического развития сельских территорий с учетом плотности сельского насе-

ния. Исследуются три группы индикаторов, отражающие состояние демографии, экономики и социально-инженерной инфраструктуры сельских территорий. Такой подход позволяет сформировать формальный инструментарий для выявления и сравнительной оценки точек роста и приоритетов

устойчивого пространственного развития сельских территорий на перспективу, что выступает основой унификации государственных подходов к стратегическому планированию и управлению социально-экономическим развитием сельских территорий РФ и регионов.

Таблица 2. Группировка регионов РФ по уровню развития инженерной инфраструктуры сельских территорий и плотности сельского населения

Плотность сельского населения	Интегральный индекс развития инженерной инфраструктуры ($I_{ин}$)			
	свыше 0,600	0,451–0,600	0,301–0,450	0,300 и менее
высокая более 30,1 чел./км ²	Московская обл. Р. Ингушетия Кабардино–Балкарская Р. Р. Северная Осетия–Алания	Р. Адыгея Р. Крым Краснодарский кр. Чеченская Р.	Р. Дагестан	
средняя 10,1–30,0 чел./км ²	Белгородская обл. Липецкая обл. Тамбовская обл. Тульская обл. Калининградская обл. Ставропольский кр. Р. Татарстан Самарская обл.	Брянская обл. Воронежская обл. Курская обл. Орловская обл. Ростовская обл. Карачаево-Черкесская Р. Р. Башкортостан Р. Мордовия Удмуртская Р. Чувашская Р.	Владимирская обл. Р. Марий Эл	
Низкая 3,1–10,0 чел./км ²	Астраханская обл. Оренбургская обл. Свердловская обл.	Рязанская обл. Ленинградская обл. Волгоградская обл. Нижегородская обл. Пензенская обл. Саратовская обл. Ульяновская обл. Тюменская обл. Челябинская обл. Алтайский кр. Новосибирская обл.	Ивановская обл. Калужская обл. Костромская обл. Смоленская обл. Ярославская обл. Псковская обл. Пермский кр. Кемеровская обл. Омская обл. Приморский кр.	Тверская обл. Новгородская обл. Курганская обл.
крайне низкая 0,01–3,0 км/км ²	Мурманская обл. Камчатский кр. Магаданская обл. Сахалинская обл. Чукотский АО	Ханты-Мансийский АО Ямало-Ненецкий АО Забайкальский кр.	Р. Карелия Р. Коми Р. Калмыкия Кировская обл. Томская обл. Хабаровский кр.	Архангельская обл. Вологодская обл. Р. Алтай Красноярский кр. Р. Бурятия Амурская обл. Еврейская авт. обл. Ненецкий АО Р. Тыва Р. Хакасия Иркутская обл. Р. Саха (Якутия)

Источник: собственная разработка авторов

Заключение

Для оценки приоритетов пространственного развития сельских территорий с учетом их дифференциации по уровню социально-экономического развития предложена методика типологизации регионов по уровню инженерного обустройства сельского пространства. Данная методика выступает этапом комплексной оценки социально-экономиче-

ского развития сельских территорий, включающей наряду с инженерным обустройством исследование демографии, экономики, сельского хозяйства и социальной инфраструктуры, что обеспечивает возможность изучения сельских территорий, как целостного жизненного пространства с особым (сельским) укладом жизни, а не просто места размещения производительных сил аграрного производства.

Отличия авторских рекомендаций от известных и апробированных в мировой и российской практике состоит в том, что разработанная методика обеспечивает многомерность группировки, где плотность населения рассматривается как результативный признак, а состояние инженерной инфраструктуры (наряду с другими составляющими социально-экономической ситуации) как факторные признаки.

Сформулированный подход позволяет оценить корреляцию между уровнем социально-экономического развития территорий и их привлекательностью для проживания, находящей интегральное отражение в показателе плотности сельского населения, что позволяет его экстраполировать на оценку других составляющих устойчивого развития сельских территорий

Литература

1. Бондаренко Л. В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. – 2016. – С. 76–82.
2. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал новой экономической ассоциации. – 2018. – № 4 (40). – С. 84–108.
3. Огарков С. А., Огарков А. П. Главные звенья антикризисного развития аграрной сферы села // Аграрная наука. – 2017. – № 2. – С. 2–4.
4. Полухина М. Г. Инженерная инфраструктура как элемент развития сельских территорий // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. – 2018. – № 1. – С. 33–47.
5. Попова Л. В., Коробейников Д. А., Коробейникова О. М., Телитченко Д. Н. Государственное регулирование в организационно-экономическом механизме сельского хозяйства // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. – 2016. – № 4. – С. 292–299.
6. Попова С. А., Рудкова Т. А., Колпакова Е. А. Решение жилищной проблемы сельских жителей волгоградской области на основе реализации мер государственной поддержки // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 7. – С. 208–211.
7. Сёмин А. Н., Милоенко Е. В. Качество жизни населения и социально - инженерная инфраструктура в сельских территориях Тюменской области // Агропродовольственная политика России. – 2015. – № 5. – С. 35–38.
8. Фролова Е. В. Социальная инфраструктура современных российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 51–58.
9. Энкина Е. В. Состояние и перспективы развития инженерной инфраструктуры сельских территорий России // Вестник Московского государственного агроинженерного университета имени В. П. Горячкина. – 2017. – № 4. – С. 61–65.
10. Яковлев И. В., Яковлева О. А. Факторный анализ и кластеризация данных состояния инженерной инфраструктуры сельских территорий субъектов Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. – 2019. – № 4. – С. 86–90.
11. Burkaltseva D. D., Tsohla S. Y., Borovskaia L. V., Bondar A. P. Basic forms of institutional changes of economy in Russia // International Journal of Applied Business and Economic Research. – 2016. – № 15. – pp. 11137–11152.
12. Popova L. V., Korobeynikov D. A., Korobeynikova O. M., Shaldokhina S. J., Zabaznova D. O. Concessional lending as a perspective tool of development of agribusiness // European Research Studies Journal. – 2016. – Vol. 19. – № 2. – pp. 12–20.
13. Tikhii V. I., Afanasieva E. E., Koreva O. V. Evaluation of the development of rural areas of the region and their classification by the level of sustainability for the purposes of regional policy // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2020. – № 172. – pp. 629–642.
14. Yurkova M. S., Firsov A. I., Trofimova V. I., Ermakova G. A. Modern Methods of ensuring sustainable development of rural territories at the regional level // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. – Vol. 459. – № 6. – 062015.
15. Zou, H., Luan, F., Xi, H., Yang, B. Comprehensive Management for Better Rural Infrastructure and Service Delivery: Lessons from the Implementation of China's Six Point Rural Action Plan in Guizhou Province // Advances in 21st Century Human Settlements. – 2020. – pp. 279–300.

References

1. Bondarenko L. V. (2016) [Development of rural territories of Russia: estimates, opinions, expectations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological studies]. Vol. 3, pp. 76. (In Russ.).
2. Zemtsov, S. P., Smelov, Y. A. (2018) [Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human

Capital and Regional Policies]. *Zhurnal novaya ekonomicheskaya assotsiatsiya-journal of the new economic association* [Journal of a new economic association]. Vol. 4, pp. 84–108. (In Eng.).

3. Ogarkov, S. A., Ogarkov, A. P. (2017) [Main links of anti-crisis development of the agricultural sphere of the village]. *Agrarnaya nauka* [Agrarian science]. Vol. 2, pp. 2–4. (In Russ.).

4. Polukhina, M. G. (2018) [Engineering infrastructure as an element of rural development]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow city pedagogical University. Series: Economics]. Vol. 1, pp. 33–47. (In Russ.).

5. Popova, L. V., Korobejnikov, D. A., Korobejnikova, O. M., Telitchenko, D. N. (2016) [State regulation in the organizational and economic mechanism of agriculture]. *Izvestiya Nizhnevolzhskogo agrouniversitet-sky kompleksa: Nauka i vysshee professional'noe obrazovanie* [News of the nizhnevolzhsky agrouniversity-sky complex: Science and higher professional education]. Vol. 4, pp. 292–299. (In Russ.).

6. Popova, S. A., Rudkova, T. A., Kolpakova, E. A. (2015) [Solving the housing problem of rural residents of the Volgograd region based on the implementation of state support measures]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. Vol. 7, pp. 208–211. (In Russ.).

7. Syomin, A. N., Miloenko, E. V. (2015) [Quality of life of the population and socio-engineering infrastructure in rural areas of the Tyumen region]. *Agroproduktivnaya politika Rossii* [Agro-Food policy of Russia]. Vol. 5, pp. 35–38. (In Russ.).

8. Frolova, E. V. (2014) [Social infrastructure of modern Russian municipalities: the state and resources of modernization]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. Vol. 12, pp. 51–58. (In Russ.).

9. Enkina, E. V. (2017) [State and prospects of development of engineering infrastructure of rural territories of Russia]. *Vestnik FGOU VPO «Moskovskij gosudarstvennyj agroinzhenernyj universitet imeni V. P. Goryachkina»*. [Bulletin of Moscow state Agroengineering University named after V. P. Goryachkin]. Vol. 4, pp. 61–65. (In Russ.).

10. Yakovlev, I. V., Yakovleva, O. A. (2019) [Factor analysis and clustering of data on the state of engineering infrastructure in rural territories of the Russian Federation]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya* [Bulletin of the Academy of law and management]. Vol. 4, pp. 86–90. (In Russ.).

8. Burkaltseva, D. D., Tsohla, S. Y., Borovskaia, L. V., Bondar, A. P. (2016) Basic forms of institutional changes of economy in Russia. *International Journal of Applied Business and Economic Research*. Vol. 15, pp. 11137–11152 (In Eng.).

11. Popova, L. V., Korobejnikov, D. A., Korobejnikova, O. M., Shaldokhina, S. J., Zabaznova, D. O. (2016) Concessional lending as a perspective tool of development of agribusiness. *European Research Studies Journal*. Vol. 19. No. 2, pp. 12–20 (In Eng.).

12. Tikhii, V. I., Afanasieva, E. E., Koreva, O. V. (2020) Evaluation of the development of rural areas of the region and their classification by the level of sustainability for the purposes of regional policy. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 172, pp. 629–642. (In Eng.).

13. Yurkova, M. S., Firsov, A. I., Trofimova, V. I., Ermakova, G. A. (2020) Modern Methods of Ensuring Sustainable Development of Rural Territories at the Regional Level. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 459. № 6. 062015 (In Eng.).

15. Zou, H., Luan, F., Xi, H., Yang, B. (2020) Comprehensive Management for Better Rural Infrastructure and Service Delivery: Lessons from the Implementation of China's Six Point Rural Action Plan in Guizhou Province. *Advances in 21st Century Human Settlements*, pp. 279–300. (In Eng.).

Информация об авторах:

Светлана Александровна Попова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1278-0898

e-mail: popova_s_a@mail.ru

Елена Егоровна Смотровая, кандидат экономических наук, доцент, доцент бухгалтерского учета и аудита, Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1622-9769

e-mail: elena_sm11@mail.ru

Екатерина Александровна Колпакова, старший преподаватель кафедры экономической безопасности, Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

ORCID ID: 0000-0001-7141-8832

e-mail: katya200611@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 13.08.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Svetlana Alexandrovna Popova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of economic security, Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1278-0898

e-mail: popova_s_a@mail.ru

Elena Egorovna Smotrova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of accounting and audit, Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1622-9769, **Researcher ID:** AAW-2155-2020

e-mail: elena_sm11@mail.ru

Ekaterina Alexandrovna Kolpakova, Senior Lecturer, Department of economic security, Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7141-8832

e-mail: katya200611@mail.ru

The paper was submitted: 13.08.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 141

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-79

АПОФАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ В ДИАЛОГАХ НИКОЛАЯ БАХТИНА

И. А. Аполлонов¹ И. А. Чистилина²

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

¹e-mail: oblige@yandex.ru

²e-mail: irina_chistilina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются диалогические основания личностной самоидентификации человека в пространстве культуры на примере диалогов Н. М. Бахтина.

Актуальность работы связана с возросшим значением опыта живого диалога, который в современной информационной реальности с одной стороны предстает как возможность для невиданного самовыражения и пространства для общения и обмена смыслами, с другой, как реальная опасность утонуть в кафонии разноголосицы и потери себя.

Цель работы – посредством герменевтического прочтения трудов Н. М. Бахтина, показать, что посредством диалога формируется личностная идентичность человека, путем бытийного вопрошания: «Кто я?».

Авторы используют герменевтический подход к прочтению философских трудов Н. М. Бахтина, а также компаративистский анализ его идей и идей ведущих философов современности. При этом не только анализируется сходство идей Н. М. Бахтина с главными философами постмодернизма, но и обосновывается значимость его произведений в проблематике современной философской мысли.

Авторы приходят к выводу, что диалоги Николая Михайловича Бахтина являются замечательным примером опыта диалога, который обретает экзистенциальное измерение, обращенное к самой сути человеческого существования. Николай Бахтин предстает как мыслитель, стремящийся к живому опыту философии, пытающийся найти путь к подлинному человеку, собирающему и оформляющему себя в простое и цельное единство в пространстве подлинной культуры иерархически упорядоченного космоса. Благодаря этому напряжение диалога удерживает живое звучание слова, готового обернуться делом, и не даёт голосам собеседников выпасть в монологическую однобокость, вырождается в искусственные схемы, разождествляющие и порабошающие личностную целостность человека.

Ключевые слова: личностная идентичность, культура, диалог, ценность, смысл, майевтика, деконструкция, апофатический холизм, Н. М. Бахтин.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-413-230020 р_а «Глобальная, национальная и региональная идентичность молодежи Кубани в контексте представлений о будущем».

Для цитирования: Аполлонов И. А., Чистилина И. А. Апофатическая целостность человека и культуры в диалогах Николая Бахтина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 79–86. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-79.

АПОФАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ В ДИАЛОГАХ НИКОЛАЯ БАХТИНА

I. A. Apollonov¹, I. A. Chistilina²

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

¹e-mail: oblige@yandex.ru

²e-mail: irina_chistilina@mail.ru

Abstract. The article discusses the dialogical foundations of a person's personal self-identity in the space of culture on the example of N. M. Bakhtin.

The relevance of the work is associated with the increased relevance of the experience of live dialogue, which in modern information reality, on the one hand, appears as an opportunity for unprecedented self-expression and a space for communication and exchange of meanings, on the other hand, as a real danger of drowning in the cacaphony of discord and loss of oneself.

The purpose of the work is through a hermeneutic reading of the works of N.M. Bakhtin, to show that through dialogue a person's personal identity is formed, through existential questioning: «Who am I?».

The authors use a hermeneutic approach to reading the philosophical works of N. M. Bakhtin, as well as a comparative analysis of his ideas and those of the leading philosophers of our time. However, the authors of the article not only analyze the similarity of N.M. Bakhtin with the main philosophies of postmodernism, but also insist on the pragmatic value of his works in themselves.

The authors come to the conclusion that the dialogues of Nikolai Mikhailovich Bakhtin are a wonderful example of the experience of dialogue, which takes on an existential dimension, addressing the very essence of human existence. Nikolai Bakhtin appears as a thinker striving for a living experience of philosophy, trying to find a way to a genuine person who collects and shapes himself into a simple and integral unity in the space of the true culture of a hierarchically ordered cosmos. Thanks to this, the tension of the dialogue keeps the vivid sounding of the word, ready to turn into a deed, and does not allow the voices of the interlocutors to fall into monologue one-sidedness, degenerate into artificial schemes that disidentify and enslave a person's personal integrity.

Key words: *personal identity, culture, dialogue, value, meaning, maieutics, deconstruction, apophatic holism, N. M. Bakhtin.*

Acknowledgments. *The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project 19-413-230020 r_a «Global, national and regional identity of the youth of the Kuban in the context of ideas about the future».*

Cite as: Apollonov, I. A., Chistilina, I. A. (2020) [Apophatic integrity of man and culture in the dialogues of Nikolai Bakhtin]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 79–86. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-79.

Введение

Человек в своём существомном родовом предикате *sapiens* – существо диалогичное, ведь мышление – это беззвучная беседа души с собой [11]. В таком диалоге формируется «Я» человека, как субъектное ядро его сознания, вопрошающее и ищущее ответы. При этом, мысль, обращённая к внешнему миру, имеет и внутреннюю направленность, пробуждающую субъекта мышления, проясняет собственное «Я» человека. Как верно заметил Р. Декарт, «Я» человека примешивается к каждому движению душевной жизни, как нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами [7, с. 24]. Поэтому осмысленность собственного «Я» человека имманентно присутствует в любой его деятельности и, шире, субъектной активности, которая имплицитно содержит внутренний диалог, направленный на самопонимание собственной субъектности. Причём подобное «Я» представляет собой не только и не столько субъект познания, но и экзистенциальную реальность, имманентно связанную с фундаментом существования человека, его субъектной позиции.

И именно эта реальность мыслящего «Я» человека в контексте диалога актуализируется, сгущается, являет себя в качестве субъекта осмысливающей деятельности. Поэтому разворачивающееся в диалоге напряжённое понимание чего-либо возможно лишь в усилии самопонимания [15, с. 284]. И, поэтому, в контексте диалога совершается «второе

рождение» человека, формируется его личностная идентичность, как ответ на бытийное вопрошание: «Кто я?», поскольку смысловая позиция в диалоге выявляет, проясняет и доопределяет такую «кто-ность».

Однако мыслительный диалог души с собой не сводится лишь к столкновению различных субъективных интенций в голове отдельного человека. Ведь всякий диалог возможен лишь в смысловом пространстве языка, который является не только выражением мысли, но, прежде всего, её орудием. А Людвиг Витгенштейн убедительно показывает, что невозможно существование индивидуального языка, ведь любой придуманный кем-либо знак, каким бы тайным и сокровенным смыслом он не был бы наделён, уже в силу своей знаковости обладает значением и для другого человека, и для вообще любого сознания [6]. Поэтому мышление нельзя свести к индивидуальным мнениям, оно по своей природе intersубъективно и стремится к общезначимости смысла. Соответственно, диалог, разворачивающийся даже в голове отдельного человека, предполагает пространство культуры, которое в данном контексте представляет собой семиосферу, содержащую в себе основания смыслов, значений и значимостей, определяющих содержание субъектной позиции человека.

В пространстве такой семиосферы субъектный вектор диалога, обращён к осмыслению культурных паттернов, фундирующих содержательную часть автопредикатов личностной идентичности, (Я есть

P1, P2, ... Pn), отвечающих на указанное выше бытийное вопрошание. Тем самым, экзистенциальное измерение диалога завязывает сокровенные глубины личностного «Я» человека, его самобытную индивидуальность на внеиндивидуальное содержание культурных паттернов. И такое сопряжение порождает целый ряд экзистенциальных противоречий, в контексте которых ставится под вопрос подлинность человеческого существования. Проявление подобных противоречий, связанных с диалогическими основаниями самоидентификации человека, его личностной свободы и творческой самореализации в пространстве культуры является целью данной статьи.

Актуальность живого опыта диалога возрастает в контексте информационной революции, предоставившей человеку невиданные ранее возможности для самовыражения и общения, в контексте которого им обретаются различные идентификационные позиции. Ведь глобализация это не только объективно происходящие в мире процессы интеграции, но и изменение самой ткани культуры и человека как культурного существа. Человек, казалось бы, обретает всё большую свободу быть собой, поскольку глобализация стирает довлеющие над ним культурные различия [2, с. 28]. Однако оборотной стороной такого стирания культурных границ становится перерождение ценностных оснований самой культуры. Происходит размывание базовых сакральных идеалов, определяющих аксиологическое ядро культуры. Их влияние на носителей социокультурной общности уменьшается [5, с. 75]. Поэтому в лавинообразном расширении возможностей коммуникации, складывается ситуация, когда с каждым годом становится все проще и проще «голосить» на весь мир, выражая себя, но не слыша Другого. Тем самым вместо симфонии диалога получается какофония смысловой несоизмеримости, которая не только разобщает людей, но и расщепляет самоидентификацию личностного «Я» человека. В этой какофонии предметная наполненность слова испаряется, и оно стирается до пустого означающего, превращается в симулякр, который порождает миры иллюзорной гиперреальности, где в равнозначности различных мнений растворяется подлинная реальность, как человеческой личности, так и культуры, фундирующей эту личность.

Методология: экзистенциальная сторона диалога

В данном контексте опыт диалога обретает экзистенциальное измерение, обращенное к самой сути человеческого существования. В этом измерении различные мнения сталкиваются в напряженном поиске того единства смысла, в котором определяется подлинность бытийных оснований человека, который отсекает правду человеческой жизни от

мнимости его обывательских забот и треволений. Такой смысл не столько логичен, сколько персоналистичен: в нем всегда есть вопрос и предвосхищение ответа, в нем всегда двое (как диалогический минимум) [3, с. 372]. Тем самым, в экзистенциальном диалоге самопонимания рождается субъектность человека, вопросно-ответная напряженность его смысловой позиции. Здесь разворачивается процедура майевтики в её самом строгом смысле: как родовспоможения «второй природы» человека, его личностного «Я».

Замечательным примером такой майевтики являются диалоги Николая Михайловича Бахтина. Показательно, что его младший брат – Михаил Бахтин является классиком герменевтической теории диалога, вскрывшим диалогические основания, как индивидуального сознания, так и культуры в целом [14].

Творчество Николая, напротив, дает практические образцы такого диалогизма. При этом интересующую нас интроспективную направленность диалогов русского мыслителя отмечает его комментатор, Сергей Романович Федякин: «каждое из произведений [Н. М. Бахтина] – это фрагмент длительного спора с самим собой, спора в котором автор стремится продумать до конца каждое своё мнение» [4, с. 237]. Здесь важно отметить не только персоналистичность экзистенциальной напряженности такой интроспекции, но и её культуротворческий ракурс: ведь каждый участник таких диалогов: поэт, филолог, философ, легионер - представляет собой не только ипостась личности Н. Бахтина, но и голос соответствующей области культуры, который автор направляет на деятельностное постижение основ человеческого бытия. Так, в антиномичном напряжении смысловых позиций «Разговора о переводах» отражаются не только сомнения самого Николая Бахтина, но и тысячелетняя борьба различных подходов к переводу поэзии [8, с. 49]. Тем самым, экзистенциальное звучание диалога завязывает смысл на бытие, уникальное на Абсолютное.

Раздел 1. Диалогизм Н. Бахтина и постмодерн: общее и различное

Произведения Николая Бахтина – диалоги не только по форме, но и по сути. Диалог здесь не просто риторический прием, при котором автор вводит различных персонажей лишь для того, чтобы оттенить свой голос, сделать его более сильным, а собственные положения – максимально убедительными. В произведениях Н. М. Бахтина личностный голос автора полнокровно звучит в каждом из участников спора. Он не предлагает читателю какой-либо одной правильной позиции, но заставляет напряженно вдумываться в каждую из них. В этом диалогическом напряжении личностных ипостасей автора особняком стоит лишь образ дамы, «прият-

ной во всех отношениях». Ей порой принадлежат резюмирующие реплики, «отсекающие» устремленность других участников диалога в «заумные» дали, за пределы предметного пространства диалога. Тем самым, Дама, хотя и крайне редко вступает в разговор, тем не менее, его удерживает смысловое пространство, поскольку её заинтересованное незнание является центром приложения интеллектуальных усилий «активных» участников диалога.

Содержание диалогов Николая Бахтина, исследующего человека в жерновах антиномии культуры, вызывает особый интерес именно сейчас, в контексте современных философских проблем. Можно сказать, что Николай Бахтин во многом опередил своё время, и сумел увидеть ростки тех тенденций европейской культуры, которые реализовались на рубеже тысячелетий. В настроениях декаданса и ницшеанского нигилизма начала 20 века он разглядел характерологические черты грядущего постмодернизма. Актуальность творчества Н. М. Бахтина, предвосхищение им злободневных идей современной философии отмечает Г. Л. Тульчинский. Главным образом им подчеркивается сомнение философа-легионера в рациональности как таковой. Григорий Львович отмечает, что именно Николай Бахтин первым четко и ясно заявил о необходимости замены логоцентризма «телоцентризмом», предвосхитив, тем самым, провозглашаемую в постмодернизме смену системообразующего центра современной культуры как перехода от Слова к Телу, от интеллектуальности и духовности к телесности, от вербальности к зрительному образу, от рациональности к «новой архаике», когда в центре ментальности и дискурса оказывается тело, плоть [12, с. 324].

В русло постмодернизма можно отнести и огромный массив контркультурных аргументов Н. М. Бахтина. Такие аргументы созвучны, а порой и дословно совпадают с пафосом деконструкции, призванной освободить человека от репрессивной власти культурных ценностей, вокруг которых создаются поработавшие его «социальные машины», «фабрики унификации». В качестве предельного символа таких фабрик рациональной тождественности постмодернисты рассматривают концлагерь: «Освенцим утвердил философу чистой тождественности, которая есть смерть» [1, с. 324]. С ним дословно соглашается Ж. Лиотар: «словом, которое выражает конец идеала разума, является слово «Освенцим» [цит. по: 10, с. 324]. Поэтому постмодернисты рассматривают себя в качестве идейных наследников антифашистского сопротивления. В частности, М. Фуко рассматривает в качестве стратегического противника постмодернизма фашизм, «который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, – фашизм, который заставляет нас любить власть, же-

вать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» [13, с. 9].

Однако за полвека до теоретиков деконструкции и шизоанализа Н. М. Бахтин вскрывает суть подобной власти культурных паттернов в описании демонологии современности: «мы вскормили нашей кровью, нашей волей, нашей мыслью целый сонм демонов... Они стерегут каждый наш шаг, подсказывают нам каждое движение». Среди них Бахтин различает демонов внешнего принуждения: Валюту, «о воле которого по числам и выкладкам гадают современные авгуры»; мелкие бесы цен. Но есть и демоны-соблазнительники, которые овладевают человеком изнутри, проникают в его внутренний состав, и он добровольно, благоговейно и до конца принимает их власть: не только повинуются, но и благодворит. Это демоны истин и идей, многочисленны демоны норм, ценностей, верований, логические демоны. Причем оба вида демонов связаны неразрывно: «Внешне принудительные элементы культуры – прямой вывод из того в ней, что для нас внутренне обязательно» [4, с. 73–81]. Как видим, совпадение положений здесь почти дословное, за вычетом того, что сам фашизм для Николая Бахтина был демоном недавно родившимся и пока ничтожным.

Однако на основании такого сходства Н. М. Бахтина не стоит записывать в предвестники постмодернизма. И он интересен вовсе не тем, что высказал схожие с этим направлением идеи, но на несколько десятилетий раньше. Такой подход способен сделать из его взглядов лишь музейно-архивный инвентарь философии 20 века, прагматическая ценность которых ничтожна (как, скажем, чертежи Э. Циолковского для современного инженера-ракетостроителя). Более того, выявление таких параллелей с помощью вырванных из целостного произведения цитат не учитывает главное в работах Николая Бахтина – живого диалога, в котором сталкиваются противоречивые положения во всей их полноте, то есть в заострении лежащей в их основе противоречивости. И при таком подходе видно, что Н. М. Бахтин не только показал основания идей постмодернизма (критика логоцентризма, как «техники умаления бытия до смысла»; деконструкция «демонологии» нормативно-ценностных структур культуры; приоритет телоцентрических практик, как «конкретного, эротического узрения сущего через живое и жадное осязание жизни» [4]), но также вскрыл односторонность и ущербность этих идей, которые не освобождают человека, но ведут его к новому, ещё более страшному рабству.

В этом смысле диалогичность идей Н. М. Бахтина, пытающегося вскрыть смысловые основания антиномичных позиций, ухватить их целостность, противоречит монологической идеологии постмодерна. Ведь в ней, при декларативном утвержде-

нии приоритета разнообразия по сути однозначно утверждается приоритет телоцентризма над логоцентризмом различия над тождеством, множества над единством, бесструктурности ризомы над иерархичностью дерева, видимости симулякра над сущностью понятия, «машины желаний» над «социальной машиной» и, тем самым, расподобляющей самотождественность человека, превращая его в многоликого дивада-Протея [16].

Напротив, легионер-философ всеми силами старается утвердить человека как субъект действия (умерщвлённый М. Фуко) как живое тождество внутреннего и внешнего, которое противостоит «мелькающей мути» призрачного многообразия образов внутреннего мира [4, с. 101].

Раздел 2. Диалог как подлинность основ человеческого бытия

А ведь именно эту «мелькающую мусть» средства информационной революции, в частности, многочисленные социальные сети, вывернут наизнанку, выплеснут вовне, сделают интерактивным и неопределенно множественным личностным «Я» человека. Тем самым создается иллюзорная гиперреальность мира постмодерна, которая поглощает саму действительность, тогда как именно действительность в её подлинности отстаивает легионер-философ.

Николай Бахтин – это мыслитель, стремящийся к живому опыту философии, он пытается найти путь к подлинному человеку, собирающему и оформляющему себя в простое и цельное единство в пространстве подлинной культуры иерархически упорядоченного космоса [4, с. 109]. И предвосхищающая принципы деконструкции критика антигуманных сторон культуры, рассмотрение её антиномической противоречивости представляет собой необходимый поворот на этом пути.

Диалоги Николая Бахтина, поэтому, продолжают традицию майевтики Сократа, которая разрушает повседневную самоочевидность смысложизненных ценностей человека не ради отрицания этих ценностей как таковых, а в напряженном поиске скрытых за такой очевидностью подлинных онтологических оснований «второй природы», в лоне которой человек рождает новую осмысленную целостность, обретая, тем самым, собственную цельность, подлинную самотождественность своего «Я». Показательно, что, несмотря на идущее от Ницше общее негативное отношение к содержательной стороне философии Сократа, Н. М. Бахтин ценит сократовское самопознание, видя в нём живой личный акт, одержимое идеей целостное действие. Идеологи постмодернизма, напротив, деконструкцию рассматривают не как шаг на пути к новой структуре, а в качестве самодостаточной процедуры, разрушающей любые структуры личностной самотождественности, структурность и иерархический порядок

как таковые. В контексте подобной деконструкции вопрос о фиктивности личности и её подлинности в самом широком смысле снимается [9, с. 146]. Но именно эту подлинность и пытается обнаружить Н. М. Бахтин.

Диалогическая острота проблемы подлинности основ человеческого бытия, поиска строгой и завершённой целостности его жизни неразрывно связывается русским мыслителем с рассмотрением человека как существа, наделенного сознанием. Именно сознание выталкивает человека из естественной цельности природной жизни, где все внутреннее без задержки осуществляется вовне. С сознанием человека связывается его свобода выбора, которая открывает возможность разлада в человеке, разрыва между самосознанием и самоосуществлением. Именно поэтому своё собственное единство, которое дано всему сущему самим фактом его бытия, – человек должен силой завоёвывать и волею осуществлять [4, с. 78].

С проблемой внутреннего разлада человека и попыткой утвердить свою целостность в акте решительного действия, утверждающего живое тождество внешнего и внутреннего, неразрывно связана проблема культуры, которую Н. М. Бахтин рассматривает как орудие и средство такого строительства и самоутверждения. Однако это орудие самоутверждения, с помощью которого человек строит «высокий дом форм и символов» чтобы укрыться в нём от хаоса природной жизни, порождает новых демонов, превращающих крепость духа в духовную темницу. Николай Бахтин показывает всю полноту трагизма этой антиномии, которую можно преодолеть только вместе с бытием человека [4, с. 72–73].

Отточенные формулы имманентной двойственности личности и трагической антиномичности культуры выведены в эссе «Разложение личности и внутренняя жизнь» и «Антиномия культуры» – последних философских работах Н. М. Бахтина, в которых он подводит итог «парижского» периода своего творчества. Однако проблемы, которые заключены в них, пронизывают все работы этого периода. И именно в диалогах заостренность данной проблематики открывает читателю практически зримое присутствие той апофатической полноты смысла, которая объемлет антиномичность положений участников диалога.

К примеру, жажда живой полноты жизни, жадного, осязающего постижения реальности в конкретном опыте мира естественным образом требует отказаться от силы абстрактного разума, сводящего различия к тождеству и множественность к единству; умоляющего бытие до смысла, подменяющего мир, «где всё неповторимо, где всякая вещь властно утверждает свою качественную единственность» призрачным двойником: «Абсолютной реальностью», мёртвой, но рациональ-

но неоспоримой абстракцией. Однако, парадоксальным образом, подобная «ампутация» разума, «гордого, непримиримого в своем мужественном требовании последней ясности и последней строгости» тоже уменьшает полноту человеческой личности, растворяет её в алогичной череде ощущений и эмоций. И именно в этом парадоксе открывается апофатическая истина личностной цельности как «пламенного узла противоборствующих, жадно себя утверждающих и вовеки непримиримых энергий» [4, с. 113–118]. Но важно отметить, что культура здесь неотделима от человека, имманентна его надприродной сути со всеми присущими ей антиномиями и противоречиями.

Проблема обретения полноты и цельности человеческой жизни перед лицом Логоса культуры – доминирующая тема работ Н. М. Бахтина. Но наиболее остро и напряженно она звучит в диалоге «Об оптимизме» [4, с. 101–111]. Такое напряжение подчеркивает сам антураж диалога: аскетичный походный быт и боевые стычки Иностранного Легиона. Здесь подчёркивается экзистенциальная противоположность кабинетной учёности. И напряженные мысли в таких условиях испытывают на прочность истины академической науки. Участники диалога условно обозначены «А» и «В» – русские интеллектуалы, заброшенные на край света, которые семь лет провели без книг, и имеют осязательную возможность быть истребленными в любой момент. Их разум очищен от всего суетного и наносного, и они готовы философствовать конкретно, решительно и по существу. За этими участниками угадывается сам Николай Бахтин во всей полноте своего блестящего образования и напряженного драматизма жизненного опыта. Поэтому выведенные автором собеседники вполне согласны друг с другом и относительно любви к трудному и весёлому ремеслу войны, и по поводу твёрдого признания иерархически-упорядоченного космоса культуры.

Коренное несогласие, образующее нерв диалога, связано со смыслом и оправданием, как стихии «весёлого соперничества дней» и «всегдашней готовности ко всему», так и тех ценностей, и идеалов, которые образуют стержень космоса культуры. Бахтин-«В» ищет предельный исчерпывающий смысл, оправдывающий жизнь, делающий её цельной и полнокровной, тогда как Бахтин-«А» принимает непосредственную данность жизни без каких-либо условий, но вместе со всей тяжестью личной ответственности за это избрание.

Автору удаётся показать, с одной стороны, несовместимость этих разногласий, но, с другой стороны, безжизненную однобокость следствий таких позиций. Позиция «В» чревата подменой жизни во всех её конкретных проявлениях абстрактным смыслом, который в ней и через неё осуществляется. А это, в свою очередь, ведет к кощунственной

метафизической сделке, расценивающей мир по какой-то номинальной стоимости; духовной нечистоплотности, перекладывающей личную ответственность за свой выбор на высшие идеалы; наглой уверенности в успехе своего жизненного предприятия. Однако и позиция «А», отрицающего абсолютность смысла и стремящегося к конкретному эротическому узрению сущего в его божественной единственности, оборачивается аксиологическим релятивизмом и моральной индифферентностью – состоянием докультурного дикаря, чуждого какой-либо осмысленности.

Впрочем, участники диалога не соглашаются с подобными крайностями. «В» отказывается противопоставлять смысл и бытие, утверждая «радостное и конкретное постижение бытия как блага и смысла». Для «А» ощущение неподвластности сущего никакому смыслу ведет не к капризному своеволию, раскрепощающему деструктивные хаотические силы, но к гордому и мужественному утверждению человеческих ценностей во всей их конкретности. Однако такие уточнения не уменьшают изначального противоречия смысловых позиций, но лишь заостряют его: абсолютные ценности превращаются в страшные вампирические силы, подминающую себя существо и порождающие дегуманизированную культуру, поработавшую человека в самой сердцевине его самосознания. А условность и относительность утверждаемых человеком ценностей вне горизонта Абсолюта, способного оправдать их, теряют всякий смысл и превращаются в фиктивные псевдоценности. И в результате основание выбора позиции осмысления бытия выходит за пределы смысла как такового, к божественной полноте и самоочевидности простого «я есмь», факту бытийного присутствия человека – альфе и омеге становления культуры.

Заключение

Представленный в произведениях Н. М. Бахтина опыт живого диалога вскрывает экзистенциальную сторону Логоса культуры. Подобный Логос разворачивается в антиномическом противостоянии культуротворческого становления, средоточие которого составляет непредумышленная свобода человеческого духа в его броске к высшим идеалам, с одной стороны, и, с другой стороны, объективной данности устоявшихся форм культуры, в которых эти идеалы воплощены. В пространстве этой антиномии онтологическая простота моего присутствия в мире разворачивается в проблему напряженного пути к строгой и завершённой целостности личностной самоидентичности, к высшим ценностям и идеалам человеческого бытия. Но именно этот путь в своей предельной конкретности и рождается в таком диалоге, сплетается силовыми нитями напряжения непримиримой антиномии. Этот

путь сопрягает противоречия диалогических позиций, не умаляя ни одну из них. Напряжение диалога удерживает живое звучание слова, готового обернуться делом, и не даёт голосам собеседников выпасть в монологическую однобокость, вырождаясь в искусственные схемы, растождествляющие и порабощающие личностную целостность человека. Майевтика такого диалога позволяет родить-

ся апофатической целостности человека, который непосредственно и решительно признаёт ценности культуры, утверждает в них себя, избегая при этом, как крайностей докультурного хаоса своих страстей и желаний, так и объективного, то есть извне данного, внесубъективного нагромождения абсолютизированных культурных форм.

Литература

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
2. Аполлонов И. А., Чистилина И. А. Проблема межкультурного диалога в рамках либеральной и коммунитаристской традиций // Культурная жизнь Юга России. – 2018. – № 1(68). – С. 27–29.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Бахтин Н. М. Философия как живой опыт. Избранные статьи. Составление, послесловие, комментарии С. Федякина. – М.: Лабиринт, 2008. – 240 с.
5. Беляев И. А. Десакрализация базовых идеалов культуры информационного общества // Философия и культура информационного общества: тезисы докл. Междун. конф. (Санкт-Петербург, 16-17 ноября, 2018 г.). – СПб., 2018. – С. 74–76.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
7. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом. – СПб.: Абрис – книга, 1995. – 192 с.
8. Кочетков А. Н. «Короткое дыхание» Николая Бахтина: «Разговор о переводах» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2019. – № 46. – С. 42–50.
9. Манакова И. Ю. О фиктивности, подлинности и симуляции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 144 – 151.
10. Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Субъект, познание, деятельность. – М., 2002. – С. 296–327.
11. Платон. Сократ. Собр. соч. в 4-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
12. Тульчинский Г. Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. – 2000. – № 7. – С. 62–90.
13. Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 9.
14. Чистилина И. А. Герменевтическая концепция М. М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 22 с.
15. Gutschmandt H. Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – Т. 33., вып. 3. – 2017. – С. 282–288.
16. Petkov V. A., Gubanova M. A., Romas T. A. The phenomenon of identity in the context of Russian spiritual culture // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 5. – С. 30-35.

References

1. Adorno, T. V. (2003) *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow: Scientific world, 374 p.
2. Apollonov, I. A., Chistilina, I. A. (2018) [*The problem of intercultural dialogue within the framework of the liberal and communitarian traditions*]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. Vol. 1(68), pp. 27–29. (In Russ.).
3. Bahtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva*. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art, 445 p.
4. Bahtin, N. M. (2008) *Filosofiya kak zhivoj opyt*. [Philosophy as a living experience]. Moscow: Labirint., 240 p.
5. Belyaev, I. A. (2018) [Desacralization of the basic ideals of the information society culture]. *Sbornik tezisev VI Mnzhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva»* [Philosophy and culture of the information society: thesis. report International conf.]. SPb., pp. 74–76. (In Russ.).
6. Vitgenshtejn, L. (1994) *Filosofskie raboty*. [Philosophical works]. Chapter 1. Moscow: Gnozis, 612 p.
7. Dekart, R. (1995) *Razmyshleniya o pervoj filosofii, v koih dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdru chelovecheskoj dushoj i telom*. [Reflections on the first philosophy, in which the existence of God and the difference between the human soul and the body are proved]. SPb.: Abris – book, – 192 s. (In Russ., transl. from Latin).

8. Kochetkov, A. N. (2019) [“Short Breath” by Nikolai Bakhtin: “A Conversation about Translations”]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University. ON. Dobrolyubova]. Vol. 46, pp. 42–50. (In Russ.).
9. Manakova, I. YU. (2012) [About fiction, authenticity and simulation]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of VSU. Series: Philosophy]. Vol. 2., pp. 144–151. (In Russ.).
10. Ogurcov, A. P. (2002) [Postmodern image of a person and pedagogy]. *Sub’ekt, poznanie, deyatel’nost’* [Subject, cognition, activity]. Moscow, pp. 296–327. (In Russ.).
11. Platoб (1993) *Sofist* [Sophist]. Vol. 2. Moscow: Thought.
12. Tul’chinskij, G. L. (2000) [Nikolay and Mikhail Bakhtin: consonances and counterpoints]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. Vol. 7, pp. 62–90, pp. 70–71. (In Russ.).
13. Foucault, M. (2007) *Predislovie k amerikanskomu izdaniyu «Anti-Edipa»* [Preface to the American edition of Anti-Oedipus]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 672, pp. 9. (In Russ.).
14. Chistilina, I. A. (2006) *Germenevticheskaya koncepciya M. M. Bahtina: ot idei dialoga k probleme ponimaniya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk* [The hermeneutical concept of M. M. Bakhtina: from the idea of dialogue to the problem of understanding. Abstract of dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences]. Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. Krasnodar. (In Russ.).
15. Gutschmandt, H. (2017) Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. Vol. 33. Issue 3, pp. 282–288. (In Engl.).
16. Petkov, V. A., Gubanova, M. A., Romas T. A. (2015) The phenomenon of identity in the context of Russian spiritual culture. *Society: philosophy, history, culture*. Vol. 5., pp. 30-35. (In Engl.).

Информация об авторах:

Иван Александрович Аполлонов, доктор философских наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
e-mail: obligo@yandex.ru

Ирина Александровна Чистилина, кандидат философских наук, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
e-mail: irina_chistilina@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 09.11.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ivan Alexandrovich Apollonov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
e-mail: obligo@yandex.ru

Irina Aleksandrovna Chistilina, PhD in Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
e-mail: irina_chistilina@mail.ru

The paper was submitted: 09.11.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript

ИНТЕГРАЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О. В. Арсенина

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
e-mail: arseninao@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме интеграции христианских практик социального служения в пространство межконфессионального диалога. Феномен «социальное служение» рассматривается как разработанная предметность бытия, «межконфессиональный диалог» как предметность становления, доступная для рефлексивного проникновения диалога. Конструктивное включение межконфессионального диалога в проблемы практик социального служения может стать источником новых идей и философской рефлексии.*

***Актуальность** заключается в созидательном поиске и обосновании адекватных способов включения в межконфессиональный диалог актуальных вопросов христианских практик служения: генерирования и продвижения новых форм оказания помощи, обмена опытом, коммуникации и т. д. Цель заключается в исследовании потенций межконфессионального диалога в вопросах оптимизации христианских практик служения. Задача автора показать, что данный опыт, ориентированный на формирование общих ценностно-смысловых оснований, коммуникативных процессов, выходит за рамки понимания феномена социального служения только как инструмента религиозного опыта. Обоснована возможность включения вопросов христианских практик служения в конструктивный межконфессиональный диалог. С этой целью исследуются научные представления об эффективных способах и приемах межконфессионального диалога, отмечены его социально значимые перспективы.*

Выявлено, что препятствием к осуществлению межконфессионального диалога по вопросам христианских практик служения могут являться ортодоксальные конфессиональные установки, например, акцент на исключительности своей веры, ее превосходстве над иными религиозными убеждениями. Поэтому не состоявшимся межконфессиональный диалог может считаться только в случае перевода его вектора в дискурс догматики.

Поставленная цель решалась с привлечением методов философской рефлексии (для обоснования смысловой нагрузки христианских источников и межконфессионального диалога). Использовался системный подход (в определении основных направлений, динамичности и внутреннего ресурса развития).

Научная новизна заключается в обосновании потенций межконфессионального диалога в сфере социального служения.

Отмечено, что социальное служение может являться «полем сотрудничества». Сформулированы теоретические и практические выводы очевидной перспективы развития межконфессионального диалога.

Практическая значимость состоит в указании возможных путей консолидации конфессий, разработке совместных проектов, способствующих укреплению религиозной толерантности в обществе. Результаты исследования могут быть полезными для федеральных и муниципальных органов власти, религиозных объединений в деле выстраивания конструктивных государственно-церковных и межконфессиональных отношений. Кроме того, они могут быть востребованы исследователями, специализирующимися в области религиоведения, социологии, теологии, коммуникаций.

***Ключевые слова:** социальное служение, христианские конфессии, межконфессиональный диалог, вероучительная практика, ортодоксальные конфессиональные установки, дискурс, интеграция.*

***Для цитирования:** Арсенина О. В. Интеграция христианских практик социального служения в пространстве межконфессионального диалога: возможности и перспективы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 87–94. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-87.*

INTEGRATION OF CHRISTIAN PRACTICES OF SOCIAL SERVICE IN THE SPACE OF INTERFAITH DIALOGUE: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

O. V. Arsenina

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia
e-mail: arseninao@mail.ru

Abstract. *The article considers the possibility of integrating the practices of social charitable service of Christian confessions into the inter-confessional dialogue. The phenomenon of «social service» is considered as a developed objectivity of Being, «interfaith dialogue» as an objectivity of becoming available for reflexive penetration of the Dialogue.*

Constructive inclusion of interfaith dialogue in the problems of social service can become a source of new ideas and philosophical reflection.

The relevance *of this problem lies in the creative search and justification of adequate ways to include in the discourse of interfaith dialogue topical issues of social service practices of Christian denominations: generating and promoting new forms of assistance, sharing experience, communication, etc.*

The purpose of the article is to study the potentials of interfaith dialogue in the optimization of social service practices. The author's task is to show that the experience of serving Christian confessions, focused on the formation of common value-semantic bases, and its communicative processes, goes beyond the understanding of the phenomenon of «social service», only as a tool of religious experience.

The article presents a discursive analysis of the possibility of including interfaith dialogue in the issues of social practices of charitable service.

The practical significance lies in the application of the research results to the activities of Church institutions, the development of specialized methods for building an interfaith dialogue on the practices of charitable service of Christian denominations. The results of the study may be of interest for practical application.

A discursive analysis of the possibility of including inter-confessional dialogue in the social practices of charitable service is presented.

The scientific ideas on effective methods and techniques of inter-confessional dialogue are studied, and its socially significant futures are presented.

It is shown that among the obstacles to achieving inter-confessional dialogue on issues of social service of Christian confessions may be orthodox confessional paradigm and worldview, for example, endeavor the desire of its participants for a monopoly on truth, as well as the conviction of the exclusivity of their faith and its superiority over others.

Therefore, inter-confessional dialogue can only be considered unfulfilled if it carries into the discourse of dogmatics.

This goal was solved using methods of philosophical reflection, dialectical and discursive analysis, phenomenological and systematic approaches. The scientific novelty lies in the proposed concept of development of inter-confessional dialogue in improving the social service of religious organizations, through the development of interaction. It is noted that social service can be a «field of cooperation» of communities of different confessions. Theoretical and practical conclusions of the obvious prospects for the development of interfaith dialogue are formulated. The article can be useful for training specialists of higher Education institutions studying in the Humanities.

Key words: *social service, Christian confessions, interfaith dialogue, doctrinal practice, Orthodox confessional attitudes, discursive analysis.*

Cite as: Arsenina, O. V. (2020) [Integration of Christian practices of social service in the space of interfaith dialogue: opportunities and prospects]. *Интеллект. Инновации. Инвестиции* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 87–94. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-87.

Введение

Шагнув в третье тысячелетие от Рождества Христова, российское общество сталкивается с комплексом нерешенных социальных проблем настолько серьезных, что справиться с ними силами только государственных структур достаточно сложно. Конфессиональные сообщества, имеющие свой собственный потенциал в практике социального служения призваны оптимизировать свои усилия в направлении «врачевания социальных язв» [10].

Являясь «отражением поведенческих стереотипов церковного социума, социальное служение проводится, не только проповедуя теологические принципы той или иной конфессии, но совершает благие дела, удачно вписываясь в парадигму социальной политики РФ. При этом оно взаимодейст-

вует с государственными структурами, НКО, и отдельными людьми независимо от их причастности к конфессиям» [13].

Социальное служение формирует базовое мировоззрение, оказывает влияние на институциональные изменения, снижает потребности различных групп населения в социальной поддержке. Несмотря на огромный потенциал, наработанный годами опыт, возможности социального служения полностью не исчерпаны. Источником новых идей в совершенствовании благотворительных практик может явиться зарождающееся в начале XXI века межконфессиональное взаимодействие, его консолидирующий и социокультурный потенциал, способствующий гармонизации социальных отношений социума.

В этой связи консолидация христианских конфессий в вопросе практик социального служения, создание эффективной модели, основанной на заботе о ближнем, является актуальной проблемой церквей, будущее которых, видится в «поиске новых стратегий в осуществлении межконфессионального диалога приходом, в том числе по вопросам практики социального служения» [2].

В этой связи актуальность интеграции христианских практик социального служения в межконфессиональный диалог представляется очевидной, поскольку включение вопросов оптимизации, генерирования и продвижения новых форм и методов, обмена опытом, коммуникации и т.д. открывают возможности для эффективного сотрудничества в вопросах социального служения.

Более того, церковная благотворительная практика представляет консолидирующий социокультурный потенциал, способствующий гармонизации социальных отношений, формированию мировоззрения, ценностных ориентиров в социокультурном пространстве, смягчению социальной напряженности. Отсутствие четкой концепции сотрудничества между институтами социального служения религиозных организаций обосновывает необходимость дальнейшего анализа и изучения обозначенной проблемы.

Методология и степень разработанности исследования

В обоснования смысловой нагрузки феномена социального служения, библейских текстов, святоотеческих трудов, исследования потенциалов межконфессионального диалога, в работе был использован метод философской рефлексии. В определении основных направлений, динамичности и внутреннего ресурса объектов и предмета исследования был использован системный подход.

Осмысление феномена социального служения, который является неотъемлемой частью христианского социального учения, потребовало обращения к библейским текстам.

В православной традиции служение подразумевает следование второй части двудесяти заповедей о любви к Богу и ближнему, которая теологически обоснована: «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф. 22:38–40). В Новом Завете олицетворяется жизнь и деятельность Иисуса Христа, в нем говорится: «Спаситель не для того пришел, чтобы ему служили, но, чтобы самому послужить и отдать душу Свою для искупления многих». (Мк. 10:45).

В библейских текстах также были сформулированы призывы к состраданию: «Лучше давать, чем брать» [Деян. 20, 35]; «Блажен думающий о нищих и убогих, в день скорби избавит его Господь» [Пс.

40,2.], «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут». [Мф. 5, 7]».

Таким образом, можно утверждать, что новозаветные тексты, декалог, постулаты и догматы христианского вероучения определили вектор социального служения, заложив в сознании человека необходимость обретения святости и исполнения христианского долга, они явились некоторым «целеполаганием» для основ христианского социального служения: руководством и предписанием негласного закона в отношении оказания помощи христианам, осознанием личностью ценностей, обретением святости и исполнением христианского долга. Анализ первоисточников [3] позволил соотносить данные тексты с основными смыслами социального служения.

Большим подспорьем в осмыслении феномена социального служения являются тексты святоотеческих трудов, к примеру, работы Иоанна Златоуста [9], оказавшие «влияние на становление сознания в вопросах призрения, помощи и поддержки мирян. Следует отметить, что в светской религиозно-просветительской литературе социальное служение рассматривается с двух позиций: (первая – материальные дела, заключающиеся в оказании конкретной помощи, вторая – духовное исцеление грешника). В образовательном контексте социальное служение рассматривается сегодня как «культурно-просветительская деятельность» [8, с. 342].

В исследовании специфики социального служения христианских конфессий интерес представляла работа А. Еремина [7], в которой автор анализирует опыт социального служения в разных конфессиях.

В современных зарубежных публикациях ученых и практиков отмечается многообразие подходов и моделей христианской diakонии, выделяется три уровня социального служения: «макродименциональное», «микродименциональное», терапевтическое и профилактическое человеколюбие [17]. Среди задач, стоящих перед христианской diakонией, зарубежные авторы отмечают предвидение мира, свободного от бед, торжество любви и справедливости, отмечается готовность «решительно участвовать в воплощении этого предвидения» [16].

Следует отметить, что чаще всего результаты исследований практик социального служения публикуются в сборниках материалов всероссийских и региональных конференций, богословских чтений, монографиях и диссертационных исследованиях. Фундаментальных трудов, освящающих проблему межконфессионального взаимодействия вопросов, касающихся практик социального служения, практически не встречается, что, собственно, обосновывает актуальность данной проблемы.

Теоретическое обоснование межконфессионального диалога было разработано П. Абеяром,

который первым применил диалектику как метод приобретения истины через спор в области церковной догматики, утверждая при этом принцип толерантности [1].

С большим скепсисом относительно возможности конструктивного межконфессионального диалога высказывается У. Макбрайд, который считает, что религия является «тупиковым и неустрашимым препятствием»¹ на пути к межкультурному диалогу.

Удачной, на наш взгляд, считается идея Медведко С. В., который предлагает диалог выстаивать в плоскости «культуры общения». Такой перевод, по его мнению, является необходимым условием для конструктивного межконфессионального диалога². Внимание заслуживает мнение Л. С. Перепелкина³ о проговаривании взаимных обид участников межконфессионального диалога.

Список работ, посвященных исследованию возможности межконфессионального сотрудничества в сфере социального служения, ограничен, по-видимому, в связи с отсутствием четкой концепции сотрудничества между институтами социального служения религиозных организаций.

Таким образом, анализ теологических и философских обоснований христианской традиции социального служения, позволил сделать ряд выводов. В современном контексте понятие «социальное служение» чаще всего употребляется для описания религиозных практик, выражающихся в церковной благотворительности. Опираясь на комплекс определяющих терминов и характеристик, дополняющих друг друга по значению, раскрывая функциональное и нравственное значение, «социальное служение» в совокупности обладает характеристиками, которые образуют установку человека, осуществляющего свое предназначение в жертвенном служении на благо общества.

Социальное служение представляет регламентированный институт объяснения богословских установок в форме социальной деятельности. Сама концепция социального служения основывается, в первую очередь, на религиозно-философской идее своей традиции, и только потом создает платформу для выстраивания межконфессионального диалога.

Межконфессиональный диалог в аспекте благотворительного служения конфессий: дискуссии о возможности концептуализации

Христианское социальное служение, сформированное на собственных доктринах (православных, католических, протестантских), имеет смысл, который сводится к созданию собственного ответа на социально-значимые вопросы современного общества. Воплощая в жизнь социальные доктрины, конфессии пытаются продемонстрировать практики социальной помощи, духовной поддержки людям, предпринимая попытки продемонстрировать индивидуальность взглядов, сформированных богословием, обозначить собственную роль в делах благотворительного служения, вместе с этим преодолеть нежелательный плюрализм мнений.

Анализ основ социального служения христианских конфессий, позволил нам выявить некоторые различия. Например, в толковании значения социального служения с точки зрения перспектив личного спасения, и как следствие – способа его осуществления. В социальном служении православия акцент направлен на оказание помощи бедным и немощным, в католическом приоритетной является помощь для тела (накормить, одеть и т. д.), католики отрицают «нищелюбие», акцент делается на молодежь. Для протестантской модели социального служения характерной особенностью является служение реабилитационно-независимым людям (молодежь и их родственники), желание быть бедным и больным протестанты считают греховным.

Существующие различия в подходах к практике социального служения христианских конфессий в отношении оказания помощи, вместе с тем схожи в фундаментальных морально-этических принципах и нормах. Единство наблюдается в глобальных подходах к проблемам социального и межнационального примирения, оздоровления духовно-нравственной атмосферы в обществе, укрепление семьи, милосердия.

Сложившаяся в настоящее время ситуация в сфере благотворительного служения христианства, на наш взгляд, требует существенно расширить взгляды ее представителей на совместную социальную практику с целью ее более активной и эффективной интеграции в социум. При этом акцент не стоит

¹ Религии как «...возможные тупики – окончательные и неустрашимые препятствия, которые останутся даже после того, как будут убраны все прочие препятствия на пути к межкультурному диалогу». См.; Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 83.

² «Перевод межконфессионального диалога в плоскость культуры позволяет снять элементы острых догматических противоречий, религиозной исключительности и содействовать обмену культурными ценностями, взаимопонимания между различными религиозными общностями». См.: Медведко, С. В. Межконфессиональные отношения как диалог культур: дис. канд. филос. наук: 09.00.06. – М., 1997. – 134 с.

³ «Тем самым субъекты противостояния переходят на новый этап взаимоотношений границы становятся проницаемыми для взаимобмена». См.: Перепелкин, Л. С. Межэтнические конфликты: причины возникновения и механизмы предупреждения. / Л. С. Перепелкин // Конфликт-диалог – сотрудничество. Бюллетень № 1 (сентябрь–ноябрь) Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. – М., 1999–115 с.

делать на экуменическом богослужении – чтении молитв и проведении объединенных служб, вопрос должен касаться лишь общих благотворительных действий, улучшающих качество жизни граждан.

Существующие предрассудки, касающиеся в частности, различных религиозных традиций конфессий, заставляют многих священнослужителей и их адептов считать, что в рамках социального служения задачу активизации взаимодействия в сфере социального служения решить вряд ли возможно, но это, скорее всего, касается только совместных молитв, а не практического взаимодействия. Попробуем разрешить этот вопрос на философском уровне.

Обращаясь к теории Лумана, «Рефлексия над единством различия...» (в нашем случае, различий в вероучениях католиков, протестантов, православных) «...не должна сводить на нет выгоды от этого различия» привлекать Другого, уметь использовать опыт «в форме отбора отборов» [12]. Применительно к нашей проблеме, мы будем иметь ввиду разработки практики (формы и методы), применяемые в социальной практике православия, католицизма, протестантизма.

Наработанная собственная практика и традиция каждой конфессии, может служить поводом к обмену опытом в делах социального богослужения. В этом случае априори предполагается возможность и целесообразность конструктивного межконфессионального диалога. Нарботки практик каритативной деятельности, успешно осуществляемые католиками, технологии протестантов, применяемые в социальном служении с наркозависимыми или бомжами, проповеди духовного исцеления православия и т. д., объединены общей целью – оказание помощи гражданам, которые самостоятельно не могут справиться со своими социальными проблемами, в этой связи способны к взаимообогащению, эффективности. Это ли не повод?

К сожалению, существующая современная общественная дифференциация в нашем случае конфессия сильно затрудняет прояснение темы рациональности в обмене опыта социального служения. Вновь прибегая к теории Лумана, необходимо «с точностью формулировать проблему» [12], (в нашем случае проблемы мирян), и «обеспечивать больше прозрачности» [12] (в нашем контексте принятия опыта Другого с целью решений социальных проблем).

Поскольку различные проблемы и процессы, происходящие в социальном служении конфессий, не всегда могут быть взаимно адекватно поняты, консенсус может быть реализован посредством перевода межконфессионального диалога в плоскость

культуры общения и взаимоуважения, способной смягчить элементы догматических противоречий, споров, взаимных обид, которые являются препятствием для межконфессионального взаимодействия.

Диалог чаще всего предполагает отношения, которые заведомо ставят целью своего общения конечные результаты (в нашем случае улучшение социального самочувствия граждан). Вместе с этим, следует принимать во внимание тот факт, что «Диалог – это не всегда согласие, но всегда поиск согласия, толерантности, фундаментального изменения отношения к Другому» [6, с. 5].

В межконфессиональном диалоге исключается «победа и самоутверждение той или иной стороны его участников» [14], благие дела априори не могут являться препятствием, должны рассматриваться как общая цель. Важной компонентой и необходимым условием конструктивного межконфессионального диалога должна являться взаимная открытость по отношению друг к другу, а «взаимообогащение как самоцель» [14] (в нашем случае обмен опытом в оказании помощи). Это совсем не означает, что диалог должен вестись с целью слияния, потери идентичности, так как различные религиозные традиции, не лучше и не хуже одна другой, четко очерчивают свои конфессиональные границы.

Именно «эксклюзивизм»,⁴ сопряженный с ортодоксально конфессиональными установками и мировосприятием является препятствием для конструктивного диалога, поэтому следует учитывать, что он может естественным образом ограничивать и мешать межконфессиональному сближению.

В этой связи консенсуальный подход (теологический) является одним из ключевых при выстраивании межконфессионального диалога в вопросах социальных практик. Способами достижения консенсуса (согласия) на «теологическом» уровне может являться модель диалога, основанного на этике, заложенной в христианских первоисточниках, «секулярного диалога», с целью решения социальных проблем страждущих.

Если рассматривать роль общих христианских ценностей как способ достижения межконфессионального диалога, то можно отметить, что они являются общими у всех конфессий: любовь к ближнему, почитание родителей и т. д. Вместе с тем, как показывает история, они не являются единственным условием для конструктивного диалога. Поэтому духовные ценности надо рассматривать лишь как способы, позволяющие разрешить разногласия между духовными традициями.

Более плодотворным можно рассматривать диалог, предполагающий поиск «общего знаменате-

⁴ В религиозоведении эксклюзивизм – это наличие единственной истины и единственного пути ее познания, а термин «инклюдизм», означает наличие одной духовной традиции, обладающей полнотой истины, а все остальные лишь некоторыми ее частями. См.: Завершинский Г., священник. Богословие диалога: Встреча религий // Церковь и время. – 2005. – № 3. – с. 126.

ля» в решении общечеловеческих задач, который, собственно, определит продуктивность диалога. Диалог, который во главу угла ставит общие цели, обеспечивает гармонический характер отношений, поиск возможности совместных усилий в решении поставленных целей. При этом всем участникам диалога необходимо отбросить все несопадающие вероучительные позиции, тем самым устранив один из основных разделяющих факторов, который отбрасывается и уходит за рамки обсуждения. Конечно, рассчитывать на существенное сближение участников диалога не приходится, но принять важное решение и способ его осуществления для благих дел возможно.

Для консенсуса в диалоге необходимым компонентом является религиозная толерантность и общая мотивация. По мнению С. М. Джакупова «совместная деятельность становится возможной при наличии общей цели и общего мотива, при условии принятия, то есть включения в свою мотивационно-смысловую сферу друг друга» [4, с. 126].

Также в качестве гаранта состоявшегося межконфессионального диалога может выступать когерентность, предполагающая согласование поведения всех участников диалога относительно основных обсуждаемых целей.

Важнейшим основанием к конструктивному диалогу является координация смыслов, лежащих в фундаменте коммуникативных процессов социального служения, с целью достижения общего понимания ситуации и перспектив, направленных «на поддержание идей культурного плюрализма и демократических ценностей, на сохранение национально-культурных различий» в контексте социального служения [11, с. 26].

Отметим, что во избежание конфликтных ситуаций, формы и методы практики социального служения могут носить только рекомендательный характер. Поэтому требуется признание эффективности деятельности каждой конфессии. Осознание общности интересов раскрывает перспективы формирования глобального общего дела, связанного с конечной целью, которую ставят все конфессии в социальном служении – улучшение социального самочувствия,

поэтому такие вопросы способны конструктивно решаться в межконфессиональном диалоге.

Перспективы межконфессионального диалога (вместо выводов)

Исследование показало, что возможности межконфессионального диалога по вопросам христианских практик социального служения являются источником новых идей в вопросах улучшения социального самочувствия граждан, а его актуализация представляется весьма конструктивной для улучшения социального климата. Межконфессиональное сотрудничество открывает возможности и перспективы для выработки новых форм активной практики церковного благотворительного социального служения.

Как показало наше исследование, интеграция христианских практик социального служения (благотворительного) в межконфессиональный диалог необходима, возможна и перспективна. Доказательством служат все чаще проводимые в последнее время межконфессиональные конференции, работа ассоциаций, круглых столов. Подтверждением является состоявшийся 27 января 2020 года круглый стол на тему «Социальное служение религиозных общин – межконфессиональный обмен опытом», [15] где приняли участие представители католических протестантских и православных общин, обсуждали перспективы совместных практик и обмен опытом в делах социального служения христианских конфессий.

На наш взгляд перспективы социального служения далеко не исчерпаны, имеют огромный потенциал для оздоровления социума и требуют дальнейшего совершенствования. Относительно межконфессионального взаимодействия в благотворительной практике однозначно можно согласиться с мнением С. Джамоли и С. Айниддина, которые считают, что «Не состоявшимся межконфессиональный диалог может считаться только в случае перевода его вектора в дискурс догматики. В этом случае, полемика о преимуществах или, тем более, недостатках какого-то религиозного учения будет означать конец диалога» [5].

Литература

1. Абельяр Петр. Теологические трактаты. – М., 2010. – 284 с.
2. Бабосов Е. М., Кирвель Ч. С., Романов О. А. Современный социум: характер и направленность развития. – Минск: «Четыре четверти», 2013. – 728 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Синод. изд. М.: 2000 // Мк. 14:24. Мф. 26:28. Лк. 22:20.
4. Джакупов С. М. Развитие смысловой теории мышления в концепции совместно-диалогической познавательной деятельности. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2008. – № 2. – С. 180-188.
5. Джамоли С., Айниддин С. Особенности межконфессионального отношения (диалога) // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хурсава Серия гуманитарных и экономических наук. Издательство Вестник Бохтарский государственный университет имени Носира Хурсава (Бохтар). – 2016. – № 1–1–(35). – С. 52–58.

6. Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования // Сб. научно-аналитических обзоров / Отв. ред. Безменова Н.А. – М.: ИНИОН. – 1991. – 160 с.
7. Еремин А. В. Формирование социальной концепции Русской православной церкви в контексте государственно-церковных отношений: 1988–2000 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2004. – 24 с.
8. Зубанова С. Г. Некоторые терминологические и концептуальные трудности в теории социального служения // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: СПбГИПСР. – 2018. – С. 236–239.
9. Иоанн Златоуст, святитель. Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга II. – СПб: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903. – 779 с.
10. Кирилл (Гундяев). Патриарх Московский и Всея Руси Актуальные вопросы церковной жизни // Журнал Московской Патриархии. – 2017. – № 2. – С. 28–37.
11. Кротков Е. А. Дискурс философии // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 195–206.
12. Луман Н. Социальные системы: очерки общей теории: пер. с нем. И. Д. Газиева. – СПб., 2007. – 642 с.
13. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. (дата обращения 22.06.2020).
14. Бушев А. Б., Казак М. Ю., Карпов А. Е. и др. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород», 2016. – 244 с.
15. Социальное служение религиозных общин – межконфессиональный обмен опытом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения 09.05.2020).
16. An Orthodox Approach to Diakonia, from the Consultation on Church and Service, Orthodox Academy of Crete, November 20–25, 1978. Publication of the World Council of Churches, 1980, p. 12.
17. Papaderos A. Zur diakonischen Theorie und Praxis der Orthodoxen Kirche. // Diakonie an der Schwelle zum neuen Jahrtausend: ökumenische Beiträge zur weltweiten und interdisziplinären Verständigung / hrsg. von Th. Strohm. Heidelberg: 2000. S. 32–51.

References

1. Abelard, P. (2010) *Teologicheskiye traktaty* [Theological treatises]. Moscow, 284 p.
2. Babosov, E. M. Kirvel, C. S., Romanov, O. A. (2013) *Sovremennyy sotsium: kharakter i napravlennost' razvitiya* [Modern society: the nature and direction of development]. Minsk: «Four quarters», 728 p.
3. Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testament. Synod. prod. Moscow: 2000. Mk. 14:24. Mt. 26:28. Lk. 22:20.
4. Jakupov, S. M. (2008) [Development of sense theory of thinking in the concept of mutually -dialogue cognitive activity]. Vestnik Mosk. Univ. Seriya. 14. Psihologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology]. Vol. 2, pp. 180-188. (In Russ.).
5. Jamoli, S., Ainiddin, S. (2016) [Features of interfaith relations (dialogue)]. *Vestnik Bokhtarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Nosira Khusrsava Seriya gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk* [Bulletin of the Bokhtar State University of Nosir Khusrav Series of humanitarian and economic Sciences]. Publisher Bulletin of the Bokhtar State University of Nosir Khusrav (Bokhtar). Vol. 1–1–(35), pp. 52–58. (In Russ.).
6. *Dialog: Teoreticheskiye problemy i metody issledovaniya* [Dialogue: Theoretical problems and methods of research // Sat. Scientific analyses]. Chief. Ed. Besmenova, N. A. Moscow : INION, 160 p.
7. Eremin, A. V. (2004) *Formirovaniye sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy: 1988–2000 gg* [Formation of the social concept of the Russian Orthodox Church in the context of state-church relations: 1988–2000]. Yaroslav: Yaroslav. State. Ped. Univ named after K. D. Ushinsky (In Russ.).
8. Zubanov, S. G. (2018) [Some terminological and conceptual difficulties in the theory of social service]. *Psikhologo-sotsial'naya rabota v sovremennom obshchestve: problemy i resheniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Psycho-social work in modern society: problems and solutions. Materials of the international scientific and practical conference]. SPb.: SPbGIPSR, pp. 236–239. (In Engl.).
9. Zlatous,† John Saint Ioan (1903) *Tolkovaniye na Yevangeliye ot Matfeya* [Saint 's book “Interpretation on the Gospel of Matthew]. In two books. Book II. SPb: Ed. St. Petersburg Theological Academy, 779 p.
10. Kirill (Gundyaev). (2017) [Patriarch of Moscow and All Russia. Major aspects of Church life]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate]. Vol. 2, pp. 28–37. (In Engl.).
11. Krotkov, E. A. (2015) [Discourse of Philosophy]. *Voprosi filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 4, pp. 195–206. (In Russ.).
12. Luman, N. (2007) *Sotsial'nyye sistemy: ocherki obshchey teorii* [Social Systems: Essays of the Common Theory]. SPb., 642 p.

13. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.mospat.org.ru>. (accessed: 22.06.2020). (In Russ.).

14. *Sovremennyy diskurs-analiz: povestka dnya, problematika, perspektivy: kollektivnaya monografiya* [Modern discourse-analysis: agenda, issues, prospects: collective monograph] (2016) ed. E. A. Kozhemyakina, A. V. Polonskiy. Belhorod: ID «Belgorod», 244 p.

15. *Sotsial'noye sluzheniye religioznykh obshchin – mezhknyagofessional'nyy obmen opytom* [A round table dedicated to the inter-confessional exchange of experience in the field of social service]. Moscow, February 10, 2020. Available at: <https://www2.pravoslavie.ru/127886.html>. (accessed: 09. 05. 2020). (In Russ.).

16. An Orthodox Approach to Diakonia, from the Consultation on Church and Service, Orthodox Academy of Crete, November 20–25, 1978. *Publication of the World Council of Churches*, 1980, p. 12. (In Engl.).

17. Papaderos, A. (2000) Zur diakonischen Theorie und Praxis der Orthodoxen Kirche. Diakonie an der Schwelle zum neuen Jahrtausend: ökumenische Beiträge zur weltweiten und interdisziplinären Verständigung. hrsg. von Th. Strohm. Heidelberg, ss. 32–51. (In Germ.).

Информация об авторе:

Ольга Владимировна Арсенина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия
e-mail: arseninao@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 24.07.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information on the author:

Olga Vladimirovna Arsenina, PhD in Philosophy, associate professor of Philosophy and Religious Sciences, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs, Vladimir, Russia
e-mail: arseninao@mail.ru

The paper was submitted: 24.07.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Д. С. Артамонов¹, С. М. Фролова²

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

¹e-mail: artamonovds@mail.ru

²e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают риски в пространстве жизненного мира в аспекте цифровизации, под которой понимают социализацию цифровых технологий и построение на их основе систем социальных отношений связей. Жизненный мир человека цифрового общества отличается дискретностью, стремительностью изменений и повышенной рискогенностью. Субъективное восприятие действительности в пространстве жизненного мира индивида в условиях цифровой среды повышает риски возникновения и осуществления коммуникационных стратегий поведения, негативно влияющих на взаимоотношения человека с окружающим миром. Нахождение человека в пространстве цифровой среды не только делает его уязвимым для рисков, но и препятствует распознаванию рискогенных ситуаций, а также приводит к неприятию рисков и нежеланию с ними сталкиваться. Цифровое пространство воспринимается как благоприятная среда, где можно «спрятаться» от рисков повседневности. Степень доверия к цифровому миру у человека намного выше доверия к пространству материальных объектов, представляющих в сознании индивида определенную опасность. Цифровая среда, таким образом, по мнению индивида, представляется бесконфликтным, защищающим человека от угроз и вызовов, пространством, в которое он может быть помещен посредством новейших технологий. Риски цифровизации в пространстве жизненного мира современного человека обусловлены аксиологическими изменениями. В цифровом пространстве сам риск становится ценностью. Пространство жизненного мира конструируется современным человеком в цифровой среде и приобретает виртуальный характер. Виртуализация бытия человека способствует формированию чувства доверия к миру, а мотивом жизнедеятельности становится постоянное улучшение своего положения, которое возможно через принятие риска и ответственности за свои поступки. Риск воспринимается индивидом как возможность свободы выбора решений, свободы поиска выходов из построенных ситуаций. В виртуальном пространстве риски не рассматриваются человеком как опасные, они составляют необходимое условие существования цифровой среды. Цифровой жизненный мир представляется индивидом как менее рискогенный, что способствует все более глубокому погружению в него и порождает риск виртуализации бытия.

Ключевые слова: социальная философия, социальная феноменология, риск, цифровизация, цифровое общество, жизненный мир.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире».

Для цитирования: Артамонов Д. С., Фролова С. М. Риски цифровизации в пространстве жизненного мира // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 95–100. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-95.

RISKS OF DIGITALIZATION IN THE SPACE OF THE LIFE WORLD

D. S. Artamonov¹, S. M. Frolova²

Saratov State University, Saratov, Russia

¹e-mail: artamonovds@mail.ru

²e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Abstract. In the article, the authors consider the risks in the space of the life world in the aspect of digitalization. By digitalization, they understand the socialization of digital technologies and the construction of systems of social relations based on them. Discreteness, rapid changes and increased risk-taking distinguish the human life world of digital society. Subjective perception of reality in the space of an individual's life world in a digital environment increases the risks of the emergence and implementation of communication strategies of behavior that negatively affect the relationship of a person with the surrounding world. The presence of a person in the digital environment not only makes him vulnerable to risks, but also prevents the recognition of risk situations, as well as leads to

rejection and ignoring of risks. The individual perceives the digital space as a favorable environment. The degree of trust in the digital world for a person is much higher than the trust in the space of material objects that represent a certain danger in the individual's mind. The individual represents the digital environment as a conflict-free space that protects a person from threats and challenges. Axiological changes in modern society have caused the emergence of risks of digitalization in the space of the life world. In the digital space, an individual sees risk as a value. The space of the life world in the digital environment becomes virtual. Virtualization of human existence contributes to the formation of a sense of trust in the world, it makes the constant improvement of their situation the motive of their life, which is possible through the acceptance of risk and responsibility for their actions. An individual perceives risk as an opportunity for freedom of choice of solutions, freedom to find ways out of constructed situations. A person in virtual space does not consider risks as dangerous, since they are a necessary condition for the existence of a digital environment. The individual presents the digital life world as less risky, which contributes to an ever deeper immersion in it and generates the risk of virtualization of being.

Key words: social philosophy, social phenomenology, risk, digitalization, digital society, life world.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00265 «The social construction of historical memory in the digital world».

Cite as: Artamonov, D. S., Frolova, S. M. (2020) [Risks of digitalization in the space of the life world]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 95–100. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-95.

Введение

Современная социальность немислима без цифровых технологий. Пронизывая социальные действия, связывая индивидов на расстоянии, облегчая взаимодействие с государством, создавая новые формы политики, цифровые технологии становятся ключом к пониманию повседневности. Личность, погруженная в цифровые интеракции, использует их для самосозидания и саморазрушения. Цифровизация представляет собой социализацию цифровых технологий, трансформацию их в технологии социальные, обслуживающие построение социальными субъектами собственных систем социальных отношений и связей. Специфика данных процессов может быть раскрыта с помощью социально-феноменологического подхода, центральное место в котором принадлежит категории жизненного мира.

Как отмечает С. В. Тихонова, «обращение к социально-феноменологической традиции позволяет прояснить мифологические основания в становлении субъективного и объективного, приводящей к становлению интерсубъективного мира социальной реальности, понимаемой как общество, как часть человеческого мира, как созданное людьми, ими населенное и в свою очередь создающее людей в непрестанном историческом процессе» [12, с. 47]. Жизненный мир можно охарактеризовать как изначально данный мир повседневности, который отображается в мыслях и действиях индивида и переживается им в качестве реальности. Э. Гуссерль описывает жизненный мир как действительно наглядный, действительно испытываемый и доступный опыту мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь, остается, как он есть, в его собственной сущностной структуре [2, с. 54]. Согласно В. Г. Косыхину, понятие «жизненного мира» закономерно появляется «только в позднейшей версии феноменологии, до которой существовали различные версии философии жизни, но, ни в одной из

них жизненный мир не стал опорным понятием» [4, с. 84]. С развитием понимающей социологии данная теоретическая конструкция оказывается весьма востребованной. Жизненный мир в интерпретации А. Шюца – это, прежде всего, интерсубъективный мир, существовавший еще до рождения индивида, и воспринимаемый им как структурированное начало. Все объяснения жизненного мира основаны на комплексе собственных и переданных родителями или учителями переживаний [15]. Так, понятый жизненный мир открывает широкие перспективы для исследования укорененности личности в социальном пространстве через структуры повседневности.

Специфика социально-феноменологического подхода описывалась Д. С. Райдугиным и К.В. Жигаевой, по мнению которых «принципиальный аспект описания объектов социальной реальности в феноменологическом ключе заключается в использовании термина конституирование, совмещающего объективную данность и субъективную рефлексивность» [8, с. 17]. Исследование жизненного мира позволяет совмещать «наложение» субъективных смыслов и объективных практики в процессе синтеза, осуществляем индивидуальным сознанием.

По мнению Р. М. Руповой, социальная феноменология, исследуя смысловое строение социального мира (человеческие смыслы бытия), поставила в фокус научного рассмотрения человека и тем самым внесла существенную лепту в формирование фундаментальной научной базы для решения предельно остро поставленной в наши дни антропологической проблематики. Важнейшей задачей феноменологического анализа социальной реальности является формулировка всеобщих правил, приписывания значений, позволяющих создать понятный и предсказуемый жизненный мир [10, с. 157].

К этим правилам относятся нормы отношения к риску. Риск как социальный конструкт социально-феноменологического плана рассматривался

А. В. Молчановым [6]. В данном методологическом ключе риск трактуется «как реакция субъекта на кризис и конструирование индивидуальной повседневной реальности, связанная с функционированием зоны неопределенности между различными системами социального знания. Риск как стратегия обживания неопределенности имеет принципиальное значение для выявления трансформаций жизненного мира, связанным с технологическим прогрессом» [5, с. 30–33]. Целью данной статьи является исследование рисков, возникающих в процессе цифровизации жизненного мира современного человека. В процессе исследования авторы опирались на парадигму научной рациональности, используя общенаучные формально-логические подходы. Основным частно-научным методом был метод социальной феноменологии, в том числе, в версии социального конструктивизма.

Аксиологический аспект жизненного мира общества риска

Веками складывавшийся жизненный мир индивида претерпел серьезные изменения при научно-техническом прогрессе. Особенностью отмеченной динамики была ее скорость, стремительность, индивиду нужно было принять все изменения, внесенные в его хрупкую жизненную организацию. Отметим, что внедрение технологий в условиях технологической конвергенции становится перманентным процессом, сопровождающим современного человека с раннего детства. Если в эпоху Модерна освоение технологий разграничивало поколения, и опыт социализации связывался с конкретным технологическим «пакетом» (например, появление городского трамвая, кинематографа и телефонной связи), то после постмодерна любые технологии осваиваются как временные, данные ненадолго, до ожидаемого технологического прорыва следующего года. Жизненное пространство интериоризирует риск забвения актуальных технологий, маскируя его ожиданием прогресса [3, с. 8].

Аксиологическая составляющая – важнейший аспект жизненного мира, но в рискованном обществе – риск выступает как неотъемлемый атрибут и воспринимается индивидом как неизбежный, привычный и потому не замечаемый компонент жизненного мира. Это обуславливает следующий аспект – безопасность, обретающий статус важнейшего ценностного элемента субъективного существования. Как отмечает в своем исследовании Т. А. Рассадина «в процессе адаптации к условиям общества риска происходит разноректорная трансформация ценностей человека» [9, с. 92]. Рисковая среда продуцирует постоянные изменения, которые приводят к непредвиденным последствиям, формирующим новые субъективно значимые смыслы. На их основе строится самоидентификация индиви-

дов, менталитет, поведение, т. е. новый социальный порядок, в котором сами изменения, непредсказуемость, скрытость становятся формой социальной устойчивости. Стремление индивидов к получению вновь создаваемых аксиологических приоритетов с одновременным обретением или сохранением традиционных ценностей свидетельствует об особой рискованной ситуации, усиливающей личную ответственность за безопасность, принятие решений и последствие совершенных поступков, что предполагает определенную свободу действий и расширение диапазона выбора действий. Несомненно, все это обуславливает особое восприятие темпоральной стороны жизненного мира.

Во временном аспекте жизненный мир проецирует будущее, поскольку в обществе риска события настоящего должны быть подвергнуты скрупулезному анализу чтобы избежать, либо свести риск к минимальному его проявлению. Жизненный мир обуславливает реальное существование индивида на определенном этапе его бытия, определяя возможность будущего через неотъемлемость настоящего.

В пространственном аспекте глобализационные процессы приводят к тому, что жизненный мир расширяет свои границы, но в тоже время возникает зажатость и неуютность жизненного пространства индивида, которая порождает социальную отчужденность [13, с. 25]. Надо отметить, что речь идет не только о физическом пространственном критерии, наделённого измеримостью, но и имманентном, находящегося в прямой зависимости от социального измерения и технологических достижений науки и средств массовой коммуникации. Современный человек, получивший свободу передвижений как в физическом, так и виртуальном пространствах, одновременно, инкорпорировался в глобализационную «вездесущность», возникшую с появлением доступа к бесконечному информационному пространству. Эта доступность, в свою очередь, провоцирует риски утраты прежней идентичности, ценностей, приобретенных в традиционном и индустриальном обществах [7, с. 378–379].

Стремление к рискам (об этом писал Ж. Бодрийяр) обусловлено самой безопасностью, поскольку общество риска обуславливает неприятие условий безопасности (например, обязательное правило пристегиваться ремнем безопасности в машине), это уводит человека от признания возможного присутствия риска, и может восприниматься как некоторое ограничение свободы. Отсюда, дуальность ситуации: с одной стороны – осознание необходимости обеспечения безопасного существования, с другой – сохранение права на риск.

При анализе ценностного аспекта жизненного мира сложно обойти вниманием такой аспект как внутренняя напряженность жизненного мира, кото-

рую создает большое количество информации. Мозг Homo sapiens не адаптирован к осмыслению огромного количества информации, которая обрушивается на человека ежедневно. Невозможность переработки, систематизации и анализа информации усиливает моральный дискомфорт и провоцирует создание благоприятной среды для рискованной ситуации.

Риск виртуализации жизненного мира

Современный обыватель, перенасыщенный информацией, часто неправильно её усваивает, продуцируя тем самым новые риски. Человек видит для себя риски даже в тех ситуациях, где их либо нет, либо сведены к минимуму. Например, сейчас распространено психическое расстройство ОКР (обсессивно-компульсивное расстройство), невроз навязчивых состояний, проявляющийся в многократном повторении защитных действий с целью минимизации и предотвращения потенциальной опасности. Зачастую больные ОКР подвержены страху загрязнения или заражения. Они боятся напрямую контактировать с привычными предметами обихода, поскольку на них находится большое количество микробов. По статистике, этому расстройству подвержены люди с высоким уровнем интеллекта. Количество больных ОКР возросло в XXI в. вместе с появлением доступа к информации. Таким образом, риск проникает в жизненный мир человека и завладевает им, затем провоцируя развитие психического заболевания. Это является негативным проявлением риска. Высоки риски массовых психических расстройств, вызванные распространением травмирующей информации среди подростков [14, с. 162]. Здесь появляется риск возможности утраты психического равновесия.

Массовое распространение компьютерных игр, пропагандирующих скрытое насилие и фильмы, построенные на однотипных сюжетах, в которых герой, совершая невероятные поступки (например, прыгает с крыши, моста) всегда остается живым – способствуют формированию особого жизненного мира, в котором насилие не вызывает бурной отрицательной реакции, демонстрация вседозволенности воспринимается как нечто привычное, а жизнь не ассоциируется с предельностью. У индивидов, больных ОКР, объединяются реальный и виртуальный жизненные миры, при этом реальный мир как правило отступает на второй план, уступая место виртуальному. Здесь, опять же, можно привести пример из психологии, у человека, страдающего диссоциативным расстройством идентичности – расщепление единой личности индивида на две и более идентичности – личности по очереди захватывают контроль над пациентом, «выходя из тени». Подобным образом у некоторых современных индивидов, лично глубоко инкорпорированных в виртуальную среду, существуют две или

более самоидентичности, только одна из которых пребывает в реальном жизненном мире, а остальные в виртуальном [11, с. 116–118]. В этом процессе настоящая или реальная личность может быть затолкнута виртуальной идентичностью.

Доверие и мотив в пространстве жизненного мира общества риска

Рискованность цифровизированного жизненного мира не является характеристикой исключительно отчуждения. Как полагают исследователи, одной из фундаментальных категорий жизненного мира является доверие, под которым следует понимать доверие к явлениям окружающей действительности и доверие между индивидами. Доверие предполагает «рискованный аванс», т.е. отказ от взаимного внешнего контроля индивидов и защиты от беспринципного оппортунистического поведения в надежде, что никто, несмотря на отсутствие таких защит, не будет этим пользоваться [1, с. 237]. В обществе риска доверие не соответствует указанным критериям. Вера «своим ощущениям» ставится под сомнение и относится уже к рисковому действию. При информационной наполненности бытия возникает вопрос об условиях доверия. Важную роль при доверительных отношениях в обществе риска играет доверительность и надежность. А поскольку доверие связано с ожиданиями определенных действий от кого-либо, то рискующая личность сомневается в возможности доверять не только другим действующим субъектам, но и себе самой. Сплетня, являющаяся символом повседневной деятельности по М. Хайдеггеру, олицетворяет собой доверие к непроверенной информации, к ненадежным источникам информирования. Она является катализатором для рискованных ситуаций.

В основе выбора алгоритма поступков в жизненном мире (как и в мире повседневности), лежит понимание прагматического мотива. Мотивация сохранения жизни была присуща для традиционного общества, для индустриального общества мотивом было улучшение условий бытия посредством технизации, в обществе риска – основной мотив не просто улучшение качества жизни посредством производства материальных благ, но и продуцирование рисков. В условиях общества риска мотивация – в снижении негативных последствий любой деятельности человека.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о трансформационных изменениях, которые приносит с собой ситуация рискованной наполненности бытия в жизненный мир. Изменяются ценностные ориентиры, временная направленность и смещаются границы жизненного пространства. Возникают множественные виртуальные жизненные

миры, которые являются продуктом научно-технического прогресса и нового информационно наполненного мира. Цифровизация жизненного мира индивида порождает риск неприятия рисков, которые в цифровом пространстве не воспринимаются им как опасные. Мотивом ухода личности в пространство цифрового жизненного мира является желание избежать угроз повседневности. Человек доверяет

цифровому виртуальному пространству намного больше, чем обычной рискогенной среде. Он стремится растворить свою идентичность в цифровом мире, что приводит к рискам ее потери, которые индивидом не осознаются. Таким образом, цифровизация жизненного мира приводит к появлению новых рисков, которые непрозрачны для индивида, что само по себе представляет опасность.

Литература

1. Геберт Д., Розенштиль Л. Организационная психология. Человек и организация. – Хабаровск: Изд-во Гуманитарный Центр, 2006. – 624 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. Ерохин В. С. Риск и жизненное пространство личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. – 2011. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 6–9.
4. Косыхин В. Г. Жизненный мир созерцания: постфеноменологическая экспозиция // Вестник Самарской государственной академии. Серия: Философия. Филология. – 2010. – № 1 (17). – С. 83–90.
5. Кузьмин Е. А. Риск и неопределенность в концепции жизненного цикла организации // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 1 (69). – С. 29–46.
6. Молчанов А. В. Социальная феноменология риска: риск как социальный конструкт // Омский научный вестник. – 2007. – № 4 (58). – С. 105–108.
7. Писчиков В. С., Холин М. М. Личностная индивидуальность в современном мире: утрата идентичности // Актуальные проблемы духовности. – 2011. – № 12. – С. 369–383.
8. Райдугин Д. С., Жигаева К. В. Социокультурные аспекты формирования социальной реальности в методологическом поле социальной феноменологии // Человек. Общество. Инклюзия. – 2015. – № 4 (24). – С. 16–20.
9. Рассадина Т. А. Россияне в условиях «общества риска». Эмоциональный и ценностный аспекты // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 84–93.
10. Рупова Р. М. Тема человека в социальной феноменологии Альфреда Шюца // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2008. – № 4 (60). – С. 156–158.
11. Солдатова Е. Л. Погорелова Н. Д. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 5. – С. 105–124.
12. Тихонова С. В. Социально-онтологический статус мифа // Философия и общество. – 2008. – № 3 (51). – С. 44–57.
13. Устьянцев В. Б. Динамика жизненного пространства личности в обществе риска // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 3–4. – С. 24–29.
14. Чубаровский В. В., Лабутьева И. С., Кучма В. Р. Пограничные психические расстройства у обучающихся подростков: распространенность, факторы риска, основы психогигиены // Российский педиатрический журнал. – 2018. – № 21 (3). – С. 161–167.
15. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

References

1. Gebert D., Rozenshtil', L. (2006) *Organizacionnaya psihologiya. Chelovek i organizaciya* [Organizational psychology. Person and organization]. Habarovsk: Humanitarian Center Publ., 624 p. (In Russ.).
2. Gusserl', E. (2004) *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The crisis of European science and transcendental phenomenology: an Introduction to phenomenological philosophy]. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal' Publ. 400 p. (In Russ.).
3. Erohin, V. S. (2011) [Risk and the life space of the individual]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Psihologiya. Filosofiya. Pedagogika*. [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Psychology. Philosophy. Pedagogy]. Vol. 11. No. 3, pp. 6–9. (In Russ.).
4. Kosyhin, V. G. (2010) [The life world of contemplation: postphenomenological exposition]. *Vestnik Samarskoj gosudarstvennoj akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya»* [Bulletin of the Samara state Academy. Series «Philosophy. Philology»]. Vol. 1 (17), pp. 83–90. (In Russ.).
5. Kuz'min, E. A. (2017) [Risk and uncertainty in the organization's lifecycle concept]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural state University of Economics]. Vol. 1 (69), pp. 29–46. (In Russ.).

6. Molchanov, A. V. (2007) [Social phenomenology of risk: risk as a social construct]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk scientific Bulletin]. Vol. 4 (58), pp. 105–108. (In Russ.).
7. Pischikov, V. S., Holin, M. M. (2011) [Personal identity in the modern world: loss of identity]. *Aktual'ni problemi duhovnosti* [Current problems of spirituality]. Vol. 12, pp. 369–383. (In Russ.).
8. Rajdugin, D. S., Znigaeva, K. V. (2015) [Sociocultural aspects of the formation of social reality in the methodological field of social phenomenology]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya* [Man. Society. Inclusion]. Vol. 4 (24), pp. 16–20. (In Russ.).
9. Rassadina, T. A. (2013) [The Russians in the conditions of «risk society». Emotional and value aspects]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. Vol. 11, pp. 84–93. (In Russ.).
10. Rupova, R. M. (2008) [The theme of man in social phenomenology by Alfred Schutz]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian state social University]. Vol. 4 (60), pp. 156–158. (In Russ.).
11. Soldatova, E. L. Pogorelova, N. D. (2018) [The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. Vol. 20. No 5, pp. 105–124. (In Russ.).
12. Tihonova, S. V. (2008) [Socio-ontological status of myth]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. Vol. (51), pp. 44–57. (In Russ.).
13. Ust'yancev, V. B. (2016) [Dynamics of a person's living space in a risk society] *Aspirantskij vestnik Povolzh'ya* [Postgraduate Bulletin of the Volga region]. Vol. 3–4, pp. 24–29. (In Russ.).
14. Chubarovskij, V. V., Labut'eva, I. S., Kuchma, V.R. (2018) [Borderline mental disorders in adolescent students: prevalence, risk factors, basics of mental health]. *Rossijskij pediatricheskij zhurnal* [Russian journal of Pediatrics]. Vol. 21(3), pp. 161–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2018-21-3-161-167>. (In Russ.).
15. Shyuc, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchijnya smyslom* [Favorites: a World that glows with meaning]. Moscow: ROSSPEN Publ. 1056 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Денис Сергеевич Артамонов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8689-1948

e-mail: artamonovds@mail.ru

Светлана Михайловна Фролова, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

ORCID ID: 0000-0002-2586-1291

e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 28.06.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Denis Sergeyevich Artamonov, PhD in History, Associate Professor of the Department of social communications, Saratov State University, Saratov, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8689-1948

e-mail: artamonovds@mail.ru

Svetlana Mikhailovna Frolova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy of culture and cultural studies, Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2586-1291

e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

The paper was submitted: 28.06.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А. В. Банщиков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: alex_banhs00@gmail.com

С. П. Иваненков

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; редакция журнала «Credo new», Санкт-Петербург, Россия
e-mail: credonew@yandex.ru

***Аннотация.** На заре своего становления психология была философской дисциплиной, а перманентный методологический кризис начался совместно с обособлением психологии в самостоятельную науку. Извечными вопросами, определяющими методологический кризис психологии, являются философское фундирование и поиск предмета изучения.*

В настоящей статье идет речь об одной из попыток решения данных проблем на примере истории отечественной психологии. Путь формирования психологии на основе марксистской философии не был прост: он полон дебатов и споров, а самое главное – был не случайным, а обусловленным как социальными процессами, так и внутренней логикой развития науки.

Данный исторический пример иллюстрирует взаимосвязь философии и психологии, ведь изначально необходимо было отстоять материалистический подход к пониманию психического. На данный момент вопрос о философских основаниях психологии игнорируется, однако тогда, на короткий период, кризис был преодолен, а сформированная методология позволяла достигать прогнозируемых результатов. Методологический кризис разгорелся с новой силой вместе с разрушением существующей политической системы, а возникшие плюралистические методологические позиции были, вплоть до сегодняшнего дня, не в состоянии предложить реальный выход, кроме признания множественности психологий. Одной из возможных альтернатив дальнейшего развития психологии является формирование самостоятельной научной дисциплины – философии психологии. Психологии необходима философская концептуализация, взгляд из метапозиции на ее историю и дальнейшее развитие, формирование единой концепции предмета. Данное направление может разрешить изрядно затянувшиеся методологические споры. Мы полагаем, что формирование данного направления требует плотной научной кооперации, которая включала бы в себя работу со специалистами в области философии, психологии и методологии. Формирование единого методологического и коммуникативного пространства на базе философии психологии может помочь при решении практических видов задач, таких как, например, проблема сознания или создание искусственного интеллекта.

***Ключевые слова:** материализм, идеализм, история психологии, марксистская психология, философия психологии, методология, методологический кризис, логика развития науки.*

***Для цитирования:** Банщиков А. В., Иваненков С. П. Философско-методологические основания психологии: проблемы и пути их решения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 101–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-101.*

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

A. V. Banshchikov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: alex_banhs00@gmail.com

S. P. Ivanenkov

Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, editor-in-chief of «Credo new» magazine, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: credonew@yandex.ru

Abstract. At the beginning of its formation psychology used to be a philosophical discipline; permanent methodological crisis started along with psychology standing apart as a separate science. The common questions that defined methodological crisis of psychology are its philosophical foundation and subject of study.

This article contains information about one of the attempts to find a solution to listed problems on materials of the history of Russian psychology. The path of psychology formation on a basis of Marxist philosophy wasn't easy; there were many debates and arguments upon a subject. This way wasn't a coincidence, it was conditioned both social processes and inner logic of this science development.

The chosen historical example shows the connection between philosophy and psychology. This connection back there was reasoned by the fact that at first there was a need to defend the materialistic approach to the understanding of psychological. Currently, the question of the philosophical basis of psychology is being ignored, though in the Soviet era for a short period this crisis was overcome and methodology that was constructed allowed to achieve expected results. The methodological crisis arose again with the political system being demolished. Pluralistic methodological positions that existed afterwards couldn't grant the actual solution, they only acknowledged the existence of a multiplicity of psychologies. One of the alternatives to further development would be the construction of an independent discipline going by the name of a philosophy of psychology. Psychology needs philosophical conceptualization and a view from the meta on its history and future evolution. This discipline can stop arguments that went on for years. We though suppose that the construction of this discipline needs full scientific cooperation including support from those who work in the field of psychology, philosophy and methodology. Constructing unified methodological and communicative space on a basis of the philosophy of psychology can help with solutions to practical tasks such as the question of consciousness or the development of artificial intelligence.

Key words: materialism, idealism, history of psychology, Marxist psychology, philosophy of psychology, methodology, methodological crisis, the logic of science development.

Cite as: Banshchikov, A. V., Ivanenkov, S. P. (2020) [Philosophical and methodological foundations of psychology: problems and ways of solving them]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 101–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-101.

Введение

Методологический кризис психологии провозгласили еще «отцы основатели» едва ли не с момента обособления психологии от философии. Обособление психологии в самостоятельную науку принято связывать с созданием лаборатории экспериментальной психологии В. Вундтом в 1879 году в университете г. Лейпцига. Первое время в мировом научном дискурсе непосредственно «научая психология» ассоциировалась именно с вундтовской школой, не без помощи коллег и многочисленных учеников самого Вундта. Статус «научной» психология получила благодаря соединению двух наук: психологии и физиологии. Несмотря на то, что подобное решение было инновационным для психологии, ведь до этого момента психологию преподавали исключительно на кафедрах философии, вскоре дали о себе знать проблемы, вызванные попыткой создания «объективной» психологии.

Вундт, в 1913 году, когда уже суверенность психологии была признана, писал о важности философии для психологической науки: «...психология относится к философским дисциплинам, и <...> таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому

это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» [4, с. 73]. Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку, но предостерегает от забвения философских оснований, опасаясь вырождения психологии в «ремесленничество».

В. Джеймс, наблюдая кризисное состояние молодой науки, писал: «Можно сказать, что настоящее время психология находится приблизительно в том фазисе развития, в каком были физика и учение о законах движения до Галилея или химия и мысль о постоянстве масс при превращениях веществ до Лавуазье. Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверняка, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем» [6, с. 316].

Действительно, психологии явственно необходимо свой гений, который смог бы обобщить и концептуализировать существующую психологию или эвристическим рывком вывести её на новый уровень. Однако далее именитый классик поясняет, какого толка должен быть этот гений: «Такой гений по необходимости будет “метафизиком”» [6, с. 316]. Следует ретроспективно обратить внимание на то, что психология уже прошла метафизический этап. Обращение к истории психологии неслучайно, ибо именно исторический анализ позволяет вскрыть логику развития науки и спрогнозировать ее дальнейшее развитие. Особый интерес представляет собой

история российской психологии, т. к. именно в ней взаимодействие различных философских школ и их связь с развитием психологической мысли прослеживается особенно явно.

Целью настоящей статьи является изучение процесса становления психологии во взаимосвязи с философскими концепциями, что позволит предложить возможные пути решения ее современных методологических проблем. Для достижения поставленной цели были использованы методы: сравнительного анализа, анализа документов, конкретный исторический подход, исторический и логический методы, системный метод.

Философский период психологии в революционной России

На этапе своего становления, когда российская психология еще не обособилась от философии и была тесно связана с теологией, ведущей философской мыслью в академической среде являлся идеализм. К философам-психологам этого исторического периода, имеющего место с конца XIX до начала XX века, относятся Л. М. Лопатин, А. И. Введенский, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин и др., придерживавшиеся различных школ философского идеализма. Философская психология была практически полностью оторвана от реальной практической деятельности, основной задачей являлось «устранение законов абстрагированного от всего материального “душевного мира”» [11, с. 75]. Примечательно, что несмотря на академическую монополию идеализма, чувствуя не только методологический тупик философской психологии, но и нарастающие социально-политические противоречия, развивается материалистическое направление. Одним из ключевых деятелей в процессе становления психологической науки, который предлагал развивать ее с позиции материализма, был И. М. Сеченов. Несмотря на то, что реальный исторический вклад Сеченова в развитие психологической мысли был не меньше, чем вклад других классиков – Вундта и Ф. Brentano, – имя Сеченова долгое время ассоциировалось исключительно с физиологией, но никак не с психологией. Из-за монополии идеализма в академической науке Сеченов при помощи административного ресурса был лишен возможности развивать свою психологическую школу, в связи с чем, несмотря на свои передовые воззрения, уступил первенство в оформлении психологии в самостоятельную науку Вундту. Между тем, в царской России, невзирая на недоброжелательное отношение со стороны министерства народного просвещения и университетского начальства, в 1886 г. создается вторая по времени возникновения в Европе экспериментально-психологическая лаборатория под руководством В. М. Бехтерева [1], а позже, в 1908 г., на основе пожертвований был

основан Психоневрологический институт [16]. Бехтерев отмечал влияние Сеченова на формирование своих взглядов. Уже в первом выпуске «Объективной психологии» Бехтерев ссылается на Сеченова как на создателя рефлекторной теории.

Примерами идеалистической направленности психологии являются попытки критически осмыслить материалистический подход и, с позиции идеализма, ниспровергнуть его. Труды служителей православной церкви представляли собой раздел метафизической психологии. Они распространяли свои теоретические изыскания, критикуя свои материалистических подход, в различных клерикальных журналах, в особенности в журнале «Вера и разум» (основан в 1884 г., закрыт в 1917 г., с 2000 г. издание вновь возобновлено). Очень показательна проповедь епископа Анастасия на открытии в 1914 г. Психологического института им. Л. Г. Щукиной: «Стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода в частности. Точному определению и измерению может поддаваться лишь, так сказать, внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высшие проявления?.. Кто дерзнет экспериментально исследовать религиозную жизнь духа? Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки» [13]. Приведенные случаи нам демонстрируют, во-первых, онтологическую позицию по отношению к человеческой душе, а именно ее принципиальную непознаваемость. То, что доступно для познания, находится во внешнем предметном мире, и это по методологическому подходу роднит философско-психологов с поведенческими психологами, которые сформируются несколько позже, как попытка создать истинно научную, объективную психологию, иными словами – психологию без психики. Во-вторых, эти случаи показывают осознание того факта, что материализм становится все более актуален, о чем свидетельствует приобретающий популярность экспериментальный метод и попытка епископа предостеречь от его использования.

Однако исторический процесс проповедью не остановить. Судьба психологии решалась в научных дискуссиях, являвшимися катализатором работы мысли. В качестве примера можно привести дискуссию «О свободе воли», состоявшуюся 5 мая 1887 года на заседании Московского психологического общества. Материалистическую позицию со стороны невропатологии и психологии отстаивали С. С. Корсаков и А. А. Токарский, а их оппонентом со стороны идеализма был Н. Я. Грот,

присерживавшийся откровенно теистических и мистических позиций. Он выделял два типа воли: божественную и индивидуальную. Единомышленниками Грота являлись В. С. Соловьев, Л. М. Лопатин и Н. В. Бугаев [16]. Хорошим примером также служит дискуссия в Петроградском философском обществе, состоявшаяся в ноябре 1916 года, предметом которой выступил доклад И. П. Павлова на тему «Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности», где оппонентами Павлова являлись Лосский, Введенский, А. А. Крогиус и другие. По итогам дискуссии, психолог-метафизик Лосский, ознакомившись с опытами по выработке условных рефлексов, признал, что он находится «в состоянии растерянности» [11]. Введенский безуспешно пытался связать рефлекторную теорию с идеалистическим пониманием психического и вывести Павлова на путь кантианства, постулируя принципиальную недоказуемость психических фактов, что якобы следует из павловских экспериментов [11, 16]. Введенский уверял, что «его собственная точка зрения ничем не отличается от того, что говорит Павлов, хотя он, Введенский, утверждает, что чужая душа непознаваема» [16, с. 57]. Однако тезис Введенского о непознаваемости души встретил жесткую критику и был подвергнут критическому анализу со стороны В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского и И. П. Павлова, так как эти ученые являлись воинствующими противниками философского идеализма и субъективной психологии. В. М. Розин, отмечая особый накал страстей, пишет: «В конце 20-х годов в психологии начинаются идеологические дискуссии, ориентированные на осуждение буржуазных школ в психологии как идеалистических, и борьбу как с этими школами, так и с их сторонниками в России» [15, с. 48].

Важно понимать, что активная дискуссия по философским основаниям науки проходила не только в психологии, но и в других дисциплинах. Авторитетный исследователь отечественной психологии, А. В. Петровский, в своих работах демонстрирует прекрасный пример сплочения российских ученых на почве материализма: «В этой связи следует отметить, что не только физиологи Сеченов, Павлов, Н. Е. Введенский, И. Р. Тарханов, но и другие русские естествоиспытатели, казалось бы, далекие от собственно психологической проблематики (К. А. Тимирязев, Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, А. Г. Столетов), своими выступлениями в защиту материалистических основ естествознания и против физического идеализма, витализма и различных, иногда тщательно замаскированных форм теологии, укрепляли естественнонаучный фундамент психологии. Достаточно вспомнить, например, разоблачение спиритизма в исследованиях

Менделеева, борьбу Тимирязева с проникновением метафизики в науку» [11, с. 19]. Недаром в одних из первых трудах по истории российской психологии, признанный классик, Б. Г. Ананьев, так характеризует успехи материалистической психологии в идеологической борьбе: «Самим возникновением и своими национальными особенностями своего развития русская научная психология обязана русскому философскому материализму. Но и успехи научной психологии в свою очередь имели огромное значение для укрепления материалистической теории познания и материалистического понимания человеческого сознания» [1, с. 7].

Подобная активность в отстаивании материалистических основ функционирования науки приводит к некоторым выводам:

1. Ученые были лично заинтересованы в этой работе, ведь подобная полемика и тщательный критический анализ работ оппонентов – задача нетривиальная, требующая интеллектуальных ресурсов и особой мотивации. Неустанная работа именитых ученых по популяризации материализма в научном дискурсе того времени свидетельствует о том, что материализм был не «сверху» спущен в университеты, а выращен «снизу».

2. Существовала определенная социальная задача, которая была принципиально неразрешима с помощью идеалистической психологии, что естественным образом вынуждало «логику науки» двигаться в сторону материализма и экспериментальных методов.

В поддержку последнего тезиса можно дополнительно привести слова отечественного психолога, Л. С. Выготского, чьи методологические изыскания сильнейшим образом повлияли на развитие российской психологии: «Первое требование, которое сама жизнь страны, разрушенной и разоренной войной, поставила перед психологической наукой, было требование перейти к анализу практических прикладных проблем. Сразу после революции в России начинает развиваться новая область психологии — психология труда, психотехника» [5, с. 11]. Петровский, анализируя положение, цели и задачи психологической науки постреволюционного периода, пишет: «Выполняя “социальный заказ” эпохи, советские психологи разрабатывают вопросы, имеющие общественное значение для молодой республики. Социальная значимость разрабатываемых научно-теоретических и научно-практических проблем отныне становится основным нервом всякой научной работы, в том числе работ в области психологии» [11, с. 75].

Таким образом, с идеологической победой материализма в научном дискурсе психологическая наука впервые получает доступ к реальной и широкой практике, что делает ее передовой наукой своего времени.

Эмпирический период психологии: переход к материалистической парадигме

Однако со снятием лидирующей позиции идеалистической и метафизической философской психологии методологический кризис российской психологии разрешен не был. По всей видимости, страшая возможного возрождения реакционной позиции, ряд психологов провозглашают абсолютную независимость от философии вообще. Например, представитель эмпирической психологии, А. П. Нечаев, стремился отмежеваться от «метафизики», под которой он понимал всякое теоретическое осмысление психологических фактов. Свои психологические построения Нечаев строил на «сухом» эмпиризме, отказе выходить за пределы «точных фактов». Схожей позиции придерживался директор Психологического института им. Л. Г. Шукиной, Г. И. Челпанов, считавший, что «чистая» психология, эмпирическая психология, должна быть свободной от всякой философии. Подобные эксцессы лишь давали основания для возможной критики со стороны идеализма. Стремясь доказать ничтожность эмпирической психологии, А. И. Введенский пишет: «Большая публика обыкновенно <...> почтительно хлопает глазами перед всяким, кто продельвает какие-либо психологические эксперименты, особенно же перед теми, кто умеет щелкать психологическими приборами. Поэтому развелось немало людей, которые слывут психологами, ибо только и делают, что возятся с разнообразными экспериментами, между тем как они в самой-то психологии смыслят ровно столько же, как и всякий встречный-поперечный» [2, с. 42]. Высказывания Введенского, несмотря на то, что он вступает идеологическим противником, а может быть как раз таки именно из-за этого, вскрывают «ремесленническую» сущность эмпирической психологии. Действительно, за узкой предметной деятельностью есть вероятность потерять объем психологической науки, стать своего рода ремесленником, но не ученым. К сожалению, данная тенденция является актуальной и поныне.

Резкой и регулярной критики со стороны идеалистической метафизической психологии подвергалась рефлексология – учение знаменитого В. М. Бехтерева. Однако критика с реакционных позиций была малоэффективной, т.к. «объективная психология» явилась по отношению к ней более прогрессивной психологической системой [11]. Несмотря на то, что идея создания «объективной психологии» для того времени являлось инновационной на фоне гегемонии идеализма, нельзя не отметить непоследовательность в методологической концепции Бехтерева [16], призывавшей изучать преимущественно внешние проявления психики, не уделяя внимания внутренней детерминации психических явлений. Здравую и продуктивную кри-

тику рефлексология получила только в конце 20-х и начале 30-х годов, когда с позиции диалектического материализма были подвергнуты критике механицизм в философии и психологии, вскрыта методологическая несостоятельность «поведенчества» как такового, что проявляется, в том числе, и в бехтеревской рефлексологии [11]. Бехтерев, несмотря на успехи в физиологии и огромные заслуги перед отстаиванием материализма, «не мог преодолеть отношения к психологическим процессам как к эпифеноменам актов поведения и, протестуя против психологических понятий, неправомерно игнорировал те реальные психологические явления, которые находили отражение в этих понятиях» [11, с. 51]. Подобный методологический подход к познанию психологических феноменов не позволял вскрыть их сущность, т.к. не признавал наличия самих феноменов.

Таким образом, становление подлинно научной психологии осложнялось необходимостью борьбы на два фронта: против идеализма и вульгарного материализма.

Марксистский период психологии: объединение психологий под знаменем марксизма

Важнейшие методологические вопросы решены не были, в частности, не был адекватно сформулирован предмет психологической науки, из-за чего возникали разнообразные психологические школы. Когда в Психологический институт «пришла из Соединенных Штатов книга, на обложке которой стояло: “Психологии 1925 года”, то множественное число применительно к названию этой дисциплины никого не удивило. Психологий в ту пору стало много, и их число продолжало расти» [17, с. 183]. Каждая самостоятельная психологическая школа стремилась утвердить себя в качестве всеобщей, что свидетельствует о том, «что в деятельности отдельных ученых и научных групп отражается исторически назревшая потребность в общей психологии, в общей науке. Поэтому претензии различных школ на универсализм нельзя объяснить личными ошибками, злой волей, незнанием их создателей» [17, с. 187], того требовали историческая ситуация и логика развития науки. Как справедливо замечает Петровский: «Материализм в психологии остался бы метафизическим, а детерминизм свелся бы к механическому учету влияний наследственности и среды и вульгарно-социологическому анализу, если бы советская психология не обогатила свой методологический фонд, поставив вопрос о роли диалектического метода в психологии» [11, с. 94]. Именно методологическая проблема использования диалектического метода в психологии становится центральной. Успешному разрешению препятствовало то обстоятельство, что «большинство советских психологов тех лет не были образован-

ными марксистами – они одновременно учились азбуке марксизма и пытались приложить ее к психологической науке» [5, с. 12]. Целенаправленное построение психологии на основе марксизма началось с назначения К. Н. Корнилова директором Психологического института им. Л. Г. Шукиной и его выступлением с докладом «Психология и марксизм» на I Всероссийском съезде по психоневрологии, в 1923 году. О том, что марксизм был принят в качестве методологического фундамента психологии органически, а не директивно, свидетельствует резолюция пленума Московского психологического общества от 10 октября 1936 г., в которой говорится «...Необходимо покончить с попытками построения советской психологии путем декларации и ссылки на принципы марксизма-ленинизма. Общество считает необходимым вплотную приступить к реализации принципов марксистско-ленинской теории в психологии путем конкретной разработки актуальных теоретических проблем науки и проведения, выдержанных в духе марксизма-ленинизма конкретных психологических исследований...» [12, с. 294]. Если до этого необходимость марксистской философии лишь декларировалась, то теперь начали предприниматься конкретные шаги по приложению марксизма к психологии. Именно в 30-е годы методологическая проблема о применении диалектического метода была осмыслена и решена общими усилиями психологического и философского сообществ.

Продемонстрированная смена парадигмы, вызванная объективными причинами и общей логикой научного развития, свидетельствует о том, что психология в своем фундаменте неотделима от философии, что прекрасно понимали классики советской психологии: Н. Н. Ланге, Л. С. Выготский, В. Н. Ивановский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и др., выстраивавшие методологию психологии на принципах марксизма. Марксизм в качестве философского основания был выбран не случайно, т. к. материалистический подход позволял уйти от идеалистических построений старой психологии, а диалектический метод предостерегал от «скатывания» в вульгарный материализм. Ананьев дает ёмкую характеристику марксистской философии применительно к психологии: «Учение Маркса создаёт для психологии подлинно научное философское основание и впервые делает возможным становление психологии как системы научных знаний» [1, с. 21]. Выстроив методологию психологии на фундаменте марксизма, отечественная психология обрела единство, и кризис был преодолен. Правда, вопреки надеждам и чаяниям советских психологов, методологический кризис был преодолен лишь на время. Примечательно, что даже те, кто крайне негативно относится к советской науке и советскому пе-

риоду в целом, не отрицают и не могут отрицать достижения отечественных ученых, в том числе и психологов.

Современный период психологии в постсоветской России: возрождение методологического кризиса

В годы перестройки, а затем и в 90-е, было популярно мнение, что методология вообще не нужна, что ее необходимо свести к чисто технической дисциплине, или что методологические проблемы должны решаться ученым в процессе конкретных исследований, т. е. «решать проблемы по мере поступления». И. П. Волков справедливо замечает, что «отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» [3, с. 81]. Однако освободившееся пространство в психологии необходимо было восполнить и с начала нового тысячелетия наблюдается повышение интереса к вопросам методологии психологии: с 2003 года проводятся конференции по методологии, публикуются методологические сборники, публикуются статьи на методологические темы, с 2006 года начинает выходить журнал «Методология и история психологии». Переход высшей школы на новые стандарты способствовал созданию учебников и учебных пособий по методологии психологии разных авторов. В настоящее время единой общепризнанной концепции методологии психологии хотя бы в рамках отдельно взятой страны не существует.

Вновь возникшая методологическая раздробленность способствовала формированию методологического плюрализма, и, повторяя сюжет известной басни И. А. Крылова, «тянула» психологию в разные стороны, мешая тем самым сделать качественный скачок в развитии, однако наша позиция на этот счет не является единственной. И. А. Мироненко считает, что «современный период стал и временем распада прежде единой отечественной школы» [10, с. 203], а динамический плюрализм в диалектическом взаимодействии способствует интеграции российской психологии в контекст мировой психологической науки. Позиции методологического либерализма придерживается В. А. Мазиллов. Констатируя необходимость формирования единой концепции методологии психологии, Мазиллов делает акцент на коммуникативной составляющей, т. е. речь идет об интеграции психологического знания или, следуя метафоре автора, «прокладывание мостов» между разными подходами, школами и парадигмами [7, 9], сохраняя при этом их самобытность. Отмечая плачевное положение дел в рамках научной коммуникации, когда не только разные науки, изучающие один предмет, говорят на разных языках, но и ученые в рамках одной науки не могут найти

точки соприкосновения, В. М. Розин пишет о необходимости создания общего подхода к обсуждению и решению проблем: «подобное положение дел отражает современную постмодернистскую ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо стремления к согласию и порядку – акцентирование различий, разногласия, противоречия, не общезначимость, а условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего, искусства» [14, с. 8].

Актуальность философии и методологии психологии обуславливается проблемами разработки искусственного интеллекта. В то время как научное сообщество, в том числе и психологи, бьется над созданием искусственного интеллекта, закономерно возникает масса вопросов междисциплинарного взаимодействия ученых и наук. Не будем говорить за другие науки, но психология в нынешнем виде оказывается в числе аутсайдеров этого научного синтеза и соответственно вкладает, ибо она, на наш взгляд, до сих пор не разобралась в своих философско-методологических основаниях. Более того, последние 20 лет практически не предпринимает попытки (за исключением редких примеров) рефлексировать и осмысливать свои основания, тем самым развивая теоретическую психологию, сводя все к набору эмпирических методик, коих может быть бесчисленное множество. Полученные данные никем не обобщаются, в лучшем случае лишь классифицируются по различным основаниям. Несмотря на огромное количество психологических школ и подходов, многие из них сугубо эмпирические, а потому носят частный и конкретный характер, что не может привести к успеху в разработке и решении проблемы искусственного интеллекта.

Одной из важнейших проблем организации психологической науки, не позволяющих сделать качественный шаг в развитии, является определение предмета психологии. «Недостаточная разработанность этой проблемы препятствует успешному продвижению в решении целого ряда принципиальных теоретических вопросов психологической науки» [7, с. 202] – справедливо замечает Мазилев, обращая внимание на то, что «многие психологи полагают, что проблема предмета важна лишь в дидактическом аспекте: непосредственно с ней сталкиваются лишь авторы учебников и профессора, читающие курс общей психологии. Причем последующие главы с главой о предмете связаны достаточно слабо: возникает устойчивое впечатление, что речь в конкретных параграфах, посвященных психическим процессам или свойствам, идет не о психике, а чем-то существенно ином» [7, с. 203]. Мироненко на примере практической деятельности научного сообщества демонстрирует, что предмет психологической науки объективно существует,

но пока не может быть адекватно сформулирован: «становление профессии психолога во второй половине XX века как профессиональной деятельности в единой предметной области психологии; работа международных научных и научно-практических союзов и объединений психологов, принадлежащих к разным школам, <...> сфера деятельности которых включает в себя и издание широкого круга научных журналов, и проведение представительных научных форумов; логика развития профессионального психологического образования, где стандарты становятся все более общими в разных университетах и странах. Практика убедительно свидетельствует о наличии единого общего предмета исследования, изучения, регуляции для специалистов-психологов, принадлежащих к самым разным школам и направлениям. Но проблема в том, что не удается найти приемлемое для всех его определение» [10, с. 203–204]. Данный вопрос до сих пор остается нерешенным.

Философия психологии – зона ближайшего развития психологии

На наш взгляд, опыт становления советской психологии убедительно показал, что без четко сформулированного и осознанного философского фундамента говорить о предмете или методах психологии некорректно и неэффективно. Именно философское основание определяет онтологическую позицию ученого относительно того, что и какими методами следует изучать. Как в послереволюционный период психологи пытались обособиться от философии, так постсоветская методология психологии пытается обособиться от философии науки: «в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке» [7, с. 390].

Мы полагаем, что в условиях методологической раздробленности, наиболее перспективной отраслью развития является «философия психологии». Данное положение было сформулировано с опорой на историю науки. Известно, что важнейшими событиями в истории различных наук была их философская концептуализация и последующая публикация («*Philosophia botanica*» К. Линнея, «*Philosophie zoologique*» Ж. Б. Ламарка, «Философии анатомии» Ж. Сент-Илера и др.). В психологии, как известно, ничего подобного пока не происходило. Ближе всего к выполнению данной задачи, на наш взгляд, подошли советские психологи М. Г. Ярошевский и А. В. Петровский. Они и представили «теоретическую психологию» как самостоятельную область психологии, предметом которой является саморефлексия психологической науки. Авторы манифестируют актуальность философского осмысления психологии и выработки единой методологии, при-

знаясь, что потребность в саморефлексии науки возникает в периоды кризиса.

В современном научном пространстве проблемой философии психологии занимается Мазиллов: «Философия психологии вырабатывает понимание предмета, конструирует предметное пространство психологии, обеспечивает единство психологии и интеграцию различных потоков психологического знания» [8, с. 14]. Мазиллов, однако, считает, что философия психологии должна быть сконструирована силами психологического сообщества и должна являться частью методологии психологии, но никак не философии науки: «Если психология хочет найти выход из кризиса, то она должна предпринимать для этого определенные шаги, должна проделать определенную методологическую работу по осмыслению своего предмета. Причем, что особенно важно подчеркнуть, должна выполнить сама, самостоятельно. Никакая философия этой работы не проделает, поскольку не имеет для этого адекватных средств» [9, с. 88]. Мы же полагаем, что философия психологии сможет реализовать заявленные В. А. Мазилловым задачи только с выходом в метапозицию относительно психологической науки, что философский и методологический взгляд со стороны позволит концептуализировать психологическую науку.

Заключение

Как было показано на примере истории отечественной психологии, психологическая наука уже прошла метафизический этап своего развития, когда являлась сугубо философской дисциплиной. Более того, вопреки расхожему мнению, будто формирование марксисткой психологии происходило директивно и сугубо насильственно, анализ исторической и методологической ситуации в психологии тех лет показывает нам принципиально иную картину. Уже находившись на позициях идеализма и метафизики, наблюдая научную стагнацию и кризис, у отечественных психологов был только один выход, куда можно было двигать психологию – в сторону материализма и диалектики. Только марксизм в тот период обладал объяснительным потен-

циалом, включающий в себя метод диалектического материализма. Следовательно, формирование психологии на почве марксизма – закономерный этап в логике развития науки.

Данный исторический пример ярко демонстрирует влияние философского основания на психологическую науку, что, к сожалению, игнорируется многими современными психологами, следующими пути голого эмпиризма.

Опираясь на историю науки и законы ее развития, можно заключить, что без философского фундамента в психологию и без углубленной разработки философских и концептуально методологических оснований психологии, ее плодотворное развитие в системе наук невозможно. В современных условиях необходимо переосмыслить достижения психологии в советский период, углубить диалектическое понимание процессов ее становления и развития. Так же критически переработать достижения эмпирической психологии в странах Запада в последние 20 лет, имевших в качестве основания бихевиоризм, позитивизм, утилитаризм, фрейдизм и т.д. Это позволит обобщить большой массив эмпирических данных и подготовит почву к новому историческому шагу в развитии философии и методологии психологии и психологии как науки. Прделанная работа позволит систематизировать и классифицировать современные направления и парадигмы, имеющие место в психологической науке. Попытка охватить в едином концептуально-смысловом пространстве всю предметную область психологии позволит обнаружить лакуны, которые можно обнаружить только в процессе развития науки. Решение этой проблемы требует, на наш взгляд, научной кооперации и совместных усилий со стороны философов, психологов и методологов. Необходимо создание общего мультинаучного коммуникативного пространства, формирование целевых научных групп для проведения комплексных исследований подобного типа, дабы совместными усилиями создать и развивать основания для фундаментальных исследований, опирающихся уже не только на эмпирические методики, но и на теоретические методы.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1947. – 168 с.
2. Введенский А. И. Психология без всякой метафизики. – Изд. 3-е, вновь испр. и доп. – Петроградъ: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. – VIII, 359 с.
3. Волков И. П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии: сб. ст. (Ярославль, 18–19 апреля, 2003 г.). – С. 80–86.
4. Вундт В. Психология в борьбе за существование // *Reflexio*. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 57–82.
5. Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
6. Джеймс У. Психология / Уильям Джеймс; пер. с англ. И. Лапшина. – М.: Академ. Проект: Гаудеамус, 2011. – 318 с.

7. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: История и современность: монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 419 с.
8. Мазиллов В. А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 50. – С. 8–16.
9. Мазиллов В. А. Стены и мосты: методология психологической науки: монография. – Ижевск: ERGO, 2015. – 196 с.
10. Мироненко И. А. Российская психология в пространстве мировой науки. — СПб.: Нестор-История, 2015. – 304 с.
11. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.
12. Петровский А. В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки. – М.: Просвещение. – 1967. – 367 с.
13. Речи и приветствия на торжественном открытии Психологического института им. Щукиной при императорском Московском университете. – М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1914. – С. 1–2.
14. Розин В. М. Методология, мышление, коммуникация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 3–21.
15. Розин В. М. Психология в фокусе методологии и философии науки. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 432 с.
16. Степанова Е. И. Становление психологической школы Б. Г. Ананьева: Памятные даты и события. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 215 с.
17. Ярошевский М. Г., Выготский Л. С.: В поисках новой психологии / Предисл. Е. Е. Соколовой. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 304 с.

References

1. Ananyev, B. G. (1947) *Ocherki istorii russkoy psikhologii XVIII i XIX vekov* [Essays on the history of Russian psychology of the XVIII and XIX centuries]. An USSR, In-t of Philosophy. Moscow: Gospolitizdat, 168 p.
2. Vvedensky, A. I. (2013) *Psikhologiya bez vsyakoy metafiziki* [Psychology without any metaphysics]. Moscow: Book on Demand, 391 p.
3. Volkov, I. P. (2003) [What methodology is needed by Russian psychology, to whom and why?]. *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminar: Metodologiya psikhologii: sb. st. (Yaroslavl', 18–19 aprelya, 2003 g)* [Proceedings of the Yaroslavl Methodological Seminar: Methodology of Psychology: Sat. Art. (Yaroslavl, April 18–19, 2003)]. pp. 80–86. (In Russ.).
4. Wundt, V. (2017) [Psychology in the struggle for existence]. *Reflexio* [Reflexio]. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. Vol. 10, No. 2, pp. 57–82. (In Russ.).
5. Vygotsky, L. S. (1982) *Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Questions of theory and history of psychology]. Collected works in 6 volumes. Moscow: Pedagogogy. Vol. 1, 488 p.
6. James, W. (2011) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Academ. Project: Gaudeamus, 318 p.
7. Mazilov, V. A. (2017) *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: Istoriya i sovremennost': monografiya* [Methodology of psychological science: History and modernity: monograph]. Yaroslavl: RIO YAGPU, 419 p.
8. Mazilov, V. A. (2013) [Methodology of modern psychology: topical problems]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal* [Siberian psychological journal]. Vol. 50, pp. 8–16. (In Russ.).
9. Mazilov, V. A. (2015) *Steny i mosty: metodologiya psikhologicheskoy nauki: monografiya* [Walls and bridges: methodology of psychological science: monograph]. Izhevsk: ERGO, 196 p.
10. Mironenko, I. A. (2015) *Rossiyskaya psikhologiya v prostranstve mirovoy nauki* [Russian psychology in the space of world science]. SPb.: Nestor-History, 304 p.
11. Petrovsky, A. V. (1984) *Voprosy istorii i teorii psikhologii: Izbrannyye trudy* [Questions of history and theory of psychology: Selected works]. Moscow: Pedagogogy, 272 p.
12. Petrovsky, A. V. (1967) *Istoriya sovetskoy psikhologii. Formirovaniye osnov psikhologicheskoy nauki* [History of Soviet psychology. Formation of the foundations of psychological science]. Moscow: Education, 367 p.
13. Speeches and greetings at the grand opening of the Psychological Institute. Shchukina at the Imperial Moscow University. (1914) Moscow: Published by A. I. Snegirevoy, pp. 1–2.
14. Rozin, V. M. (2013) [Methodology, thinking, communication]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 10, No. 1, pp. 3–21. (In Russ.).
15. Rozin, V. M. (2018) *Psikhologiya v fokuse metodologii i filosofii nauki* [Psychology in the focus of methodology and philosophy of science]. Moscow: LENDAND, 432 p.
16. Stepanova, E. I. (2003) *Stanovleniye psikhologicheskoy shkoly B. G. Anan'yeva: Pamyatnyye daty*

i sobytiya [Formation of the psychological school of B. G. Ananyev: Memorable dates and events]. SPb.: Symposium, 215 p.

17. Yaroshevsky, M. G. (2020) *L. S. Vygotskiy: V poiskakh novoy psikhologii* [L. S. Vygotsky: In search of a new psychology]. Moscow: Book House «LIBROKOM», 304 p.

Информация об авторах:

Александр Витальевич Банщиков, магистрант, направление подготовки 37.04.01 Психология, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3719-9693

e-mail: alex_banhs00@gmail.com

Сергей Петрович Иваненков, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и технологии социальной работы, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; главный редактор журнала «Credo new», Санкт-Петербург, Россия

e-mail: credonew@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 25.05.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander Vitalievich Bانشchikov, postgraduate student, training program 37.04.01 Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3719-9693

e-mail: alex_banhs00@gmail.com

Sergey Petrovich Ivanenkov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work; editor-in-chief of «Credo new» magazine, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: credonew@yandex.ru

The paper was submitted: 25.05.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Е. А. Белов

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия
e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время отсутствует четкое социально-философское толкование неформальной занятости населения. Об этом свидетельствует, как непосредственный анализ литературы по заявленной проблематике, так и низкая исследовательская активность ученых в различных формах организации научной деятельности (конференции, круглые столы, симпозиумы и т. п.). При этом непонимание внутреннего содержания данного явления может привести к серьезным социально-экономическим, политическим, этическим и иным проблемам в обществе.

Цель исследования состоит в выявлении сущности неформальной занятости населения и установлении сопоставимости понятий «труд», «занятость», «работа».

Применяются диалектический и формально-логический методы исследования с частичным использованием метода функционального анализа и метода системного подхода.

В ходе работы автором аргументируются различия социальных феноменов, описываемых такими понятиями, как «занятость», «неформальная занятость», «неформальный и теневой сектор экономики», выявляются причины возникновения и функционирования неформальных трудовых отношений. В целях раскрытия содержательной стороны самого конструкта «неформальная занятость населения» выделяются такие его элементы, как хозяйствующий субъект (организационная единица), субъект деятельности (занятое лицо), деятельность (процесс создания товара или услуги). На основе анализа сущностной характеристики труда, занятости и работы обосновывается необходимость ограничения понятия неформального труда по отношению к неформальной занятости.

В процессе исторического анализа процесса трудовой деятельности делается акцент на переходе от индустриальной к постиндустриальной стадии развития общественных отношений, изменении культуры производства и потребления, разрушении внутреннего содержания социальных организаций. Раскрываются некоторые стереотипы поведения и мышления современных неформально занятых работников.

Утверждается, что современные социально-экономические условия сформировали предпосылки для развития неформальных отношений в сфере труда. Это обуславливает необходимость разработки комплекса мероприятий по предотвращению существенного изменения трудовых норм; выработке механизмов перевода неформальной занятости в занятость, разрешенную законом и недопущения ее перемещения в сферу криминальной активности.

В качестве рекомендации указывается на значимость правильного подхода к проблемам неформальной занятости населения, т. к. искаженная информация приведет к принятию заведомо некорректных решений при реализации государственных программ развития рынка труда и занятости населения, а также иных стратегических программ оптимизации различных сфер жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: труд, занятость, работа, неформальная занятость, теневой сектор, потребность, культура, ценность.

Для цитирования: Белов Е. А. Неформальная занятость населения в социально-философском измерении // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 111–119. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-111.

INFORMAL EMPLOYMENT OF THE POPULATION IN THE SOCIO-PHILOSOPHICAL DIMENSION

E. A. Belov

The Kazan Legal Institute MIA of Russia, Kazan, Russia
e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that there is currently no clear socio-philosophical inter-

pretation of informal employment. This is evidenced by the direct analysis of the literature on the stated problems, as well as the low research activity of scientists in various forms of organizing scientific activities (conferences, round tables, symposiums, etc.). at the same time, a lack of understanding of the internal content of this phenomenon can lead to serious socio-economic, political, ethical and other problems in society.

The purpose of the study is to identify the essence of informal employment and establish the comparability of the concepts of «work», «employment», «work».

Dialectical and formal-logical research methods are used with partial use of the functional analysis method and the system approach method.

In the course of the work, the author argues for differences in social phenomena described by such concepts as «employment», «informal employment», «informal and shadow economy», and identifies the reasons for the emergence and functioning of informal labor relations. In order to reveal the content of the «informal employment of the population» construct itself, such elements as an economic entity (organizational unit), a business entity (employed person), and an activity (the process of creating a product or service) are highlighted. Based on the analysis of the essential characteristics of labor, employment and work, the necessity of limiting the concept of informal labor in relation to informal employment is justified.

In the process of historical analysis of the employment process focuses on the transition from industrial to post-industrial stage of development of social relations, changing the culture of production and consumption, the destruction of domestic social organizations. Some stereotypes of behavior and thinking of modern informally employed workers are revealed.

It is argued that modern socio-economic conditions have formed the prerequisites for the development of informal relations in the field of labor. This makes it necessary to develop a set of measures to prevent significant changes in labor standards; to develop mechanisms for transferring informal employment to employment permitted by law and preventing its transfer to the sphere of criminal activity.

As a recommendation indicates the importance of the correct approach to the problems of informal employment, as distorted information would lead to knowingly making incorrect decisions during the implementation of state programs of development of the labour market and employment and other strategic programs of optimization of various spheres of life of the population.

Key words: labor; employment, work, informal employment, shadow sector; need, culture, value.

Cite as: Belov, E. A. (2020) [Informal employment of the population in the socio-philosophical dimension]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 111–119. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-111.

Введение

Анализ современных общественных отношений в сфере труда показал на окончательное формирование такого явления, как неформальная занятость населения. Численность неформально занятых лиц, уровень их дохода, статуса и т. п. неоднороден в различных социально-экономических пространствах. Если изначально неформальная занятость противопоставлялась официально закреплённым трудовым отношениям, то сейчас она растворилась в процессе труда и занятости. Ситуация с коронавирусом подтверждает данное предположение. Введенные жесткие ограничения на трудовую деятельность должны были не допустить неформально занятых лиц к осуществлению своей деятельности. При условии, что у 70% россиян нет каких-либо сбережений¹, а количество неформально занятых составляет порядка 13 млн человек², это привело бы к гораздо худшим экономическим последствиям, нежели имеющимся.

Неформальность в отношениях между работником и работодателем – это проблема не данных субъектов, а государства и общества. Причем если государство недополучает необходимые для развития средства в виде налогов, то общество деформируется от социально ориентированного в сторону эгоистически безразличного. Неформально занятые и лица (организации) использующие их труд заботятся только о своей выгоде.

Обзор литературы

В целях осмысления степени разработанности проблемы неформальной занятости населения целесообразно выделить ряд направлений:

- анализ функционирования рынка труда (занятость и безработица);
- исследование неформальной занятости населения в качестве социально-экономического феномена;

¹ Опрос: почти 70% россиян не делают сбережений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7038116> (дата обращения: 11.06.2020).

² Исследование: теневой сектор дает работу 13 миллионам россиян. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191210/1562188896.html> (дата обращения: 14.06.2020).

– рассмотрение неформальной занятости с позиций девиации.

Рынок труда, как самостоятельная тема исследования стал изучаться отечественными учеными только в девяностые годы прошлого столетия. Это обусловлено тем, что в советский период рабочая сила не рассматривалась в качестве товара³. Первыми этой проблематикой озадачились экономисты. В числе фундаментальных разработок следует выделить научные труды А. И. Исаксена, Г. Г. Меликьяна, Л. П. Куракова, В. В. Герасименко, А. Ф. Сажина, Е. Е. Смирновой, Н. Л. Казначеевой, С. С. Шаталина, Н. Я. Петракова⁴. Так или иначе, в работах экономического толка рынок труда представляется как сфера экономических отношений, связанных с куплей-продажей рабочей силы, где труд обменивается на заработную плату. При этом экономисты стараются охватить рынок труда целиком, делая акцент на таких дефинициях, как спрос, предложение, стоимость, конкуренция.

Среди ранних социологических работ, посвященных общетеоретическим вопросам рынка труда, обращают на себя внимание исследования А. А. Никифоровой, Р. В. Рывкиной, С. С. Шаталина, Г. С. Вечканова, А. И. Кравченко, Л. В. Суворовой, В. А. Гневашевой, В. Г. Зарубина, С. Я. Веселовского⁵. Что касается современного периода, то в качестве актуальных и достаточно творческих исследований необходимо выделить труды таких авторов, как И. О. Мальцева [13], А. П. Невечеря [15], Д. М. Дохильгова [7], И. Е. Золин [11], Л. В. Зинич, Н. А. Кузнецова [9], Е. А. Скворцов, А. Ю. Бекешева [16]. Обращает на себя внимание то, что социологи при анализе рынка труда преимущественно выявляют и рассматривают отдельно взятые вопросы. Следует отметить, что как в 90-е годы, так и сейчас рынок труда преимущественно изучается экономистами

и социологами. При этом философские, психологические, этические и иные проблемы занятости и безработицы чрезвычайно слабо проработаны.

Занятость населения не может быть рассмотрена вне рынка труда. Причем анализ различных ее форм осуществляется после уяснения механизма функционирования триединой системы работник – работодатель – государство. Феномен неформальной занятости населения принято рассматривать в качестве социально-экономического явления. В числе первых работ в данной области можно выделить исследования Е. С. Кубишина, С. Ю. Барсуковой, О. В. Снявской, В. А. Давыденко, Е. Я. Варшавской, Е. Л. Фесиной⁶. В этих работах определяются масштабы и сфера распространения неформальной занятости, выявляются ключевые проблемы и роль неформальной занятости в функционировании рынка труда.

В последнее десятилетие неформальная занятость населения стала предметом достаточного пристального внимания многих специалистов. Среди наиболее значимых работ следует выделить исследования А. В. Аистова, А. В. Ларина, Л. А. Леоновой [1], В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшниковой [6], Ю. И. Будович [5], Д. Р. Ахмадеева [3], И. Б. Тесленко, И. Ю. Куликовой [17], И. В. Кузнецовой [12]. В большинстве случаев при анализе неформальной занятости населения не делается различий между теневой и неформальной трудовой деятельностью. Это, на наш взгляд, недопустимо в рамках научного познания сложного социального явления. Однако без серьезной проработки данного вопроса нет возможности делать обоснованные выводы и заключения.

Отдельно следует рассмотреть публикации по девиантологическому пониманию неформальной занятости населения. В качестве ранних работ следует выделить исследования Я. И. Гилинско-

³ Кураков Л. П. Российская экономика: состояние и перспективы. – М., 1998. – С. 114–115.

⁴ Исаксен А. И. Введение в экономику рынка. – СПб., 1994. – 229 с.; Меликьян Г. Г. Экономика труда и социально-трудовые отношения. – М., 1996. – 623 с.; Кураков Л. П. Российская экономика: состояние и перспективы. – М., 1998. – 576 с.; Герасименко В. В. Теория переходной экономики. – М., 1997. – 318 с.; Сажин А. Ф., Смирнова Е. Е. Институты рынка. – М., 1998. – 310 с.; Казначеева Н. Л. Занятость в условиях новой хозяйственной системы. – Новосибирск, 1996. – 134 с.; Шаталин С. С., Петраков Н. Я. Рыночная экономика: Выбор пути. – М., 1991. – 200 с.

⁵ Никифорова А. А. Рынок труда: занятость и безработица. – М., 1991. – 184 с.; Рывкина Р. В. Между социализмом и рынком. – М., 1994. – 240 с.; Вечканов Г. С. Миграция и занятость населения в России. – СПб., 1998. – 234 с.; Суворова Л. В. Рынок труда и безработица: региональный аспект. – Н. Новгород, 1998. – 66 с.; Кравченко А. И. Трудовые организации: структура, функции, поведение. – М., 1991. – 238 с.; Гневашева В. А. Молодежный сегмент рынка труда в современной России. Особенности формирования рабочей силы. – М., 2016. – 224 с.; Зарубин В. Г. Гуманитарные технологии и рынок труда. – М.: Академия исследования культуры, 2016. – 230 с.; Веселовский, С. Я. Глобализация как фактор структурных изменений на национальных и региональных рынках труда. – М., 2016. – 146 с.

⁶ Клямкин И. Н., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. – М.: Рос. гос. гуманит. Ун-т, 2000. – 592 с.; Кубишин Е. С. Неформальная занятость населения России // ЭКО, 203. – № 2. – С. 160–176; Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования, 2003. – № 7. – С. 3–24; Снявская О. В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. – М.: Поматур, 2005. – 55 с.; Социология неформальных отношений: экономика, политика, культура / Коллективная монография под редакцией В. А. Давыденко. – Тюмень: Вектор-Бук, 2005. – 239 с.; Варшавская Е. Я. Занятость в неформальном секторе как феномен современного российского рынка труда // Вестник КузГТУ. – 2006. – № 3. – С. 123–128; Фесина Е. Л. Неформальная занятость: состояние, структура, проблемы // Труд и соц. отношения. – 2008. – № 1. – С. 38–45.

го⁷, Е.А. Белова⁸, В. Ю. Лапшина, И. М. Лапшиной⁹. Позднее в качестве девиации данный феномен раскрывается в трудах С. Г. Анисимовой, О. С. Яковлевой, Н. А. Курчатова [2], Д. А. Нарожной [14], С. А. Дружилова [8].

Перечень девиаций в сфере занятости отдельных групп населения чрезвычайно велик. Это незаконный оборот наркотических средств и оружия, мошенничество, контрабанда, легализация денежных средств, полученных преступным путем, незаконное предпринимательство, проституция и т.д. На ранней стадии изучения внутрирыночных преобразований в России были попытки сконструировать такое понятие, как криминальная занятость населения¹⁰. В будущем от этого решили отказаться. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что такие атрибуты криминального мира, как рэкет, шантаж, вымогательство и др. присутствуют во многих сферах социальной реальности. Кроме того, указывается на допустимость ситуации, в которой контингент наемной рабочей силы не посвящается в тайны криминальной экономической деятельности и может не догадываться о том, что обеспечен работой в структурах криминального бизнеса. Обращает на себя внимание то, что ученые стараются не рассматривать крайние формы трудовой девиации и ее последствий для общества. При этом основное внимание уделяется выявлению психологических особенностей личности девианта, его предрасположенности к определенным видам деятельности и т. п.

Анализ изученной литературы по неформальной занятости населения позволяет определить ряд положений:

- в рамках социальной философии проблема неформальной занятости населения фактически не представлена;
- большинство исследователей не различают понятия «труд», «занятость» и «работа»;
- в рамках различных исследований неформальная занятость населения рассматривается в контексте теневой экономики;
- отсутствуют работы, в которых неформальная занятость населения рассматривается в качестве культурной ценности.

Соотношение понятий «труд», «занятость», «работа»

Труд сопровождает человечество на протяжении всего периода его эволюции. При этом существенная характеристика этого понятия, на наш взгляд, наилучшим образом дается в Философском энциклопедическом словаре и формулируется как целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей¹¹. Во-первых, труд предусматривает создание предметов, т.е. основное внимание уделяется производительной составляющей труда. Это подразумевает создание конечного, осязаемого продукта деятельности. Следует учитывать, что для индустриальных обществ такой подход не в полной мере отображает природу данного явления. Если применять классификацию секторов экономики, предложенную Э. Гидденсом¹², и выделить первичный, вторичный и третичный секторы, то в последнем, связанном со сферой услуг, труд не предусматривает создание конечного продукта. Такие виды деятельности, как воспитательная, образовательная, управленческая и т.п., не претендуют на получение осязаемого результата в отчетный период времени. Однако есть возможность дать им оценку посредством косвенных критериев. Например, деятельность педагога может быть оценена по тому, где и как трудоустроены выпускники учебного заведения, как сложилась их карьера, каков процент положительных и отрицательных девиаций среди учащихся и т.п.

Во-вторых, труд позволяет удовлетворять потребность. Согласно теориям потребностей или содержательным теориям (А. Маслоу, К. Альдерфер, Д. Мак-Клелланд, Ф. Херцберг и др.)¹³ поведение человека, так или иначе, обусловлено необходимостью удовлетворения определенных потребностей, будь то биологическая потребность или потребность в существовании, потребность в уважении или потребность признания успеха другими людьми и т.п. Следует обратить внимание на то, что потребность может быть государственной, обще-

⁷ Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль: Избранные статьи. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 322 с.

⁸ Белов Е. А. Теневая занятость как трудовая девиация // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии / Под ред. М. Е. Поздняковой, А. Л. Салагаева. – Москва: Институт социологии РАН, 2005. – С. 278–305.

⁹ Лапшин В. Ю., Лапшина И. М. Природа и последствия девиации рынка труда в условиях России // Социально-экономические явления и процессы, 2011. – № 7. – С. 95–99.

¹⁰ Нестеров А., Вакурин А. Криминализация экономики и проблемы безопасности // Вопросы экономики. – 1999. – № 1. – С. 33.

¹¹ Белов Е. А. Особенности определения теневой занятости населения в рамках различных предметных подходов // Социально-гуманитарные знания. – М., 2012. – № 6. – С. 137–149.

¹² Гидденс Э. Социология. – М., 1999. – С. 452.

¹³ Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2014. – С. 17–19; Макклелланд Д. Мотивация человека. – СПб., 2007. – С. 24–27; Херцберг Ф., Моснер Б., Блох Б. Мотивация к работе. – М., 2007. – С. 90–92.

ственной или индивидуальной, что обуславливает необходимость определения их соотносительности. Важно разобраться: общественные потребности – это совокупность индивидуальных потребностей или последние формируются такими, какими они необходимы обществу? В данном контексте следует различать понятия общества и государства. Как бы то ни было, труд человека рассматривается не только как его персонифицированная потребность, а как социальная природа человеческого общежития. При этом одобряемый и полезный для общества продукт труда может не восприниматься таковым отдельными категориями граждан.

Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, труд – это вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а напротив, носит одинаково общий характер со всеми ее общественными формами¹⁴. Под общественной формой здесь понимаются отношения между людьми, которые обусловлены их участием в общественном труде. Казалось бы, труд, являясь базовым, всеобъемлющим понятием, должен быть нейтральным. То есть труд раба никак не должен отличаться от труда свободного человека, труд по выращиванию марихуаны – от труда по выращиванию картофеля, труд пирата – от труда солдата и т.п. Это было бы так, если в труде можно было видеть только процесс. Именно в этом ключе писал К. Маркс, отмечая, что труд есть процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой¹⁵.

После формирования общества труд, предусматривающий целенаправленную деятельность людей по созданию предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей, не может рассматриваться в отрыве от этого общества. Нет необходимости ставить вопрос о первоочередности общества или труда. Сам по себе труд не создал общество. В свою очередь, общество так же не создало труд. Процесс труда и процесс формирования общества являются однопорядковыми явлениями. Одно без другого не смогли бы существовать и развиваться. К. Маркс пишет, что источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд, т.е. при посредстве общества¹⁶. Однако следует различать глобальное общество и локальные общества. На сегодняшний день,

в силу существенного количества противоречий и неоднородностей в различных сферах жизнедеятельности, рациональнее рассматривать идеи труда в разрезе обществ отдельных стран, государств и регионов мира – локальных обществ. В разных обществах и разных культурах может быть отличное отношение к труду. Например, в запрещенном во многих странах и в не признанном мировым сообществом Исламском государстве трудом признается деятельность, противоречащая нормам морали и права европейских стран. Соответственно, на территории отдельных государств, регионов или международных сообществ, где сформировано единое нормативно-понятийное пространство, имеется общее представление о труде. Фактически труд не может противоречить нормам морали и права, культуре, традициям того общества, в котором он осуществляется.

Следует обратить внимание на то, что трудом может быть только активная деятельность – бездействие или совершение неосознанных, рефлекторных действий не может быть трудом. Чтобы трудиться, необходимо совершать действия. Если с трудом плотника, строителя, комбайнера все достаточно понятно, то с работниками сферы услуг могут возникнуть некоторые затруднения. Хотя процесс труда последних ничем не отличается от ручного труда в сфере производства. Например, управленческое решение будет трудом только в том случае, когда для его принятия совершались такие действия, как ознакомление с проблемой, осмысление, выбор варианта действия и др. Неосознанное решение, бездумное голосование будет занятостью или работой, но не трудом. Что не менее важно – результатом труда должен быть осязаемый общественно полезный продукт, который пусть и косвенными методами, можно измерить и оценить.

Согласно Федеральному закону «О занятости в Российской Федерации» занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации¹⁷. Законодатель обращает внимание на то, что занятость – это деятельность, не противоречащая действующему законодательству Российской Федерации. Закон регулирует отношения между людьми в государстве, а не в обществе. Государство, в свою очередь, через механизм или аппарат государства создает определенные условия для жизнедеятель-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1960. – Т 23. – С. 195.

¹⁵ Философский словарь. – М., 1951. – С. 529.

¹⁶ Маркс К. Критика Готской программы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Gotha/gotha.html>. (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁷ О занятости в Российской Федерации: Федеральный закон № 1032-1 от 19 апреля 1991 г. (ред. от 11.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф.

ности людей. В какой-то степени нормы морали, традиции, обычаи оказывают влияние на работу механизма государства, но они не являются доминирующими и приоритетными.

Помимо законодательного закрепления, занятость в большинстве случаев предусматривает наличие должности и заработной платы или иного дохода. В исключительных случаях, когда речь идет о самозанятых или индивидуальных предпринимателях, понятие должности имеет несколько иную форму, нежели на предприятиях или в организациях. В любом случае без необходимых знаний, умений, навыков никто не должен иметь права заниматься различными видами деятельности за вознаграждение. Будь то строительство, репетиторство, извоз и т. п. Соответственно, необходимо, чтобы у каждого работающего был определенный статус в виде должности. Под должностью здесь понимается некая позиция, дающая право на осуществление определенных действий и предусматривающая ответственность за них.

Можно предположить, что по отдельным видам деятельности не требуется специального образования, знаний, умений, навыков, т. е. допускается осуществление рабочих операций неспециалистами. Однако даже в этом случае необходимы кратковременные курсы, инструктажи, для того чтобы сформировать у работника представление о круге его обязанностей.

Та деятельность, которая в нашем государстве признана занятостью, везде будет считаться работой, но не везде занятостью, т. к. вполне может противоречить законодательству других стран. Так же не всякая деятельность, являющаяся занятостью, будет определена в качестве труда, а только та, которая, помимо правовой нормы, наделена моралью, культурой, традициями и является производительной, т. е. имеет очевидные результаты.

Несколько иначе обстоит дело при определении понятия «работа». Э. Б. Гидденс обращает внимание на то, что работа – это любая деятельность индивида, посредством которой обеспечивается его существование¹⁸. Работой может считаться абсолютно любая деятельность, позволяющая человеку выжить. Сущностная природа работы не содержит в себе социальную, моральную, культурную либо иную составляющую. Работа – это субъективная оценка индивидом своей деятельности. В то время как труд – это объективная сторона действия, определяющая, каким оно является для общества. В отличие от труда и занятости работа может быть как аморальной, так и противозаконной.

Исходя из вышеизложенного мы внесем дополнение в конструкции таких понятий, как «труд», «занятость», «работа». Труд – это юридически, социально, морально одобряемая деятельность по созданию общественно полезного производительного продукта. Занятость – это не противоречащая законодательству деятельность, предусматривающая выполнение подготовленными лицами определенных действий за вознаграждение. Работа – это любая деятельность, приносящая доход.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. На сегодняшний день в нашем государстве проституция – это работа. Однако если узаконить эту деятельность, организовать курсы по подготовке соответствующих специалистов с выдачей необходимых документов, определить критерии отбора, квалификационные признаки и т. п., а также установить заработную плату или иное вознаграждение, то это будет занятостью. Причем если трансформировать нормы морали, определить общественную пользу от проституции и выявить конечный, осязаемый результат этой деятельности, то речь будет идти о труде.

Сущность и содержание неформальной занятости населения

В советский период господствовал подход, возвышающий занятого человека [10]. Зачастую занятость соотносилась с трудом. Так, по Д. Марковичу, под занятостью понимается вид общественно-полезного труда, которым люди обеспечивают удовлетворение определенных общественных потребностей¹⁹. Ключевой позицией здесь является то, что занятость представляется в качестве осуществления общественно-полезного труда. Труд, как было отмечено ранее, помимо норм морали и культуры, должен соответствовать юридическим нормам. В рамках данного подхода понятие «неформальная занятость» не могло бы появиться по происхождению. Однако в современной научной литературе это понятие используется достаточно широко. Это стало возможным в силу распространения западного понимания занятых как лиц, которые в течение отчетного периода выполняли определенную работу за заработную плату или жалование деньгами или натурой²⁰. В последнем понятии речь идет о работе, а не о труде. Кроме того, не отмечается, что занятость должна быть общественно-полезной. Фактически произошло стирание границ между занятостью и работой.

Если использовать понятие «неформальная занятость», то необходимо определиться, в каком объеме

¹⁸ Гидденс Э. Социология. – М., 1999. – 670 с.

¹⁹ Маркович Д. Социология труда. – М., 1998. – С. 358.

²⁰ Хусманс Р., Мехран Ф., Верма В. Занятость, безработица и неполная занятость. – М., 1994. – С. 57.

занятость может быть неформальной, сохраняя свою сущность. Неформальный – это не определяемый формальным статусом, не утвержденный в законном порядке, не признанный официально, составленный не по форме и т.п. Вероятней всего, основное внимание нужно обратить не на процесс занятости, а на статус занятого человека. Следует согласиться с утверждением В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшниковой относительно того, что «в исследовательской литературе мы встречаем десятки, если не сотни различных определений неформальной занятости, зачастую имеющих между собой достаточно мало общего. Исследователи могут говорить об очень разных вещах, оперируя при этом одной и той же терминологией» [6, с. 79]. Причем в самой работе авторы предлагают использовать методику результаты обследований населения, проводимых Федеральной службой государственной статистики, не давая четкое определение неформальной занятости. Предложенный подход имеет существенные упущения, так как в основу данной методики легли базовые положения Международной организации труда, которые ориентированы на учет работников, занятых в неформальном секторе экономики²¹, а не неформально занятых. Кроме того, выборочная совокупность исследуемых домашних хозяйств не включает в себя такие категории, как мигранты, лица, временно проживающие на территории РФ и др. [4].

Согласно Резолюции 15-й Международной конференции статистиков труда 1993 года неформальный сектор определен как совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с целью обеспечения работой и доходами участвовавших в них лиц и обладающих характерными чертами предприятий домашних хозяйств. Неформальный сектор должен определяться на основе характеристик производственных единиц (предприятий), в рамках которых осуществляется деятельность, а не характеристик вовлеченных лиц или их работы²². Изначально определено, что в неформальном секторе трудовые отношения (если таковые существуют) основаны не на договорах с формальным соблюдением гарантий, а на случайной занятости или родственных и личных отношениях.

Для того чтобы раскрыть содержательную сторону неформальной занятости, целесообразно выделить в самом процессе занятости следующие элементы:

– хозяйствующий субъект (организационная единица);

– субъект деятельности (занятое лицо);
– деятельность (процесс создания товара или услуги).

Согласно четвертой статье Федерального закона «О защите конкуренции»²³, хозяйствующий субъект – это коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации. Соответственно, под хозяйствующим субъектом понимается та организационная структура, в которой осуществляется деятельность, и которая обеспечивает кого-либо или сама себя работой.

Под субъектом деятельности понимается сам работник, если речь идет о наемном работнике. Индивидуальный предприниматель (ИП), самозанятый одновременно будет организационной единицей и субъектом деятельности. В любом случае субъект деятельности должен иметь определенный статус, что предусматривает заключение трудового договора или служебного контракта, регистрацию в качестве ИП, получение лицензии или патента и т.п. Условно статус можно определить через совокупность таких элементов, как обязанности, права, ответственность, гарантии.

Как было отмечено ранее, занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей. Кроме того, эта деятельность должна соответствовать действующему законодательству. Указывая на то, что занятость является неформальной, делается акцент на нелегальности хозяйствующего субъекта и (или) субъекта деятельности. В том случае если их деятельность противоречит закону, но они сами оформлены (зарегистрированы) надлежащим образом, такого рода деятельность не должна считаться неформальной занятостью. Соответственно, если в процессе деятельности производится запрещенный товар или услуга, то это будет преступная деятельность или работа, согласно нашей классификации, но не занятость.

Если необходимо уточнить то, что в ходе деятельности отсутствуют противоречия морально-нравственным и культурным нормам, а производимый товар или услуга необходимы обществу, следует ее определить как неформальную трудовую деятельность. В смысловом значении неформаль-

²¹ Социальные предпосылки формирования неформальных отношений в сфере труда (по результатам социологического исследования) // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2016. – № 5. – С. 15–24.

²² Об утверждении Методологических положений по измерению занятости в неформальном секторе экономики: постановление Государственного комитета Российской Федерации по статистике № 76 от 25 октября 2001 года.

²³ О защите конкуренции: Федеральный закон № 135 от 26.07.2006. (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф.

ный труд ограничивается сильнее, чем неформальная занятость.

Заключение

В рамках социальной философии чрезвычайно важно различать сущностную характеристику таких процессов, как занятость, работа, труд. Упрощение последнего, вывод его за пределы социально-культурной дефиниции приводит к выхолащиванию нравственной ценности общественной полезности трудовой деятельности.

Проблема неформальной занятости является не столько экономической, сколько морально-нравственной, социальной, психологической, политической, что предусматривает необходимость всестороннего анализа данного явления.

В случае если на уровне государства и обще-

ства принимается решение по ее локализации, то целесообразно выбрать один из двух сценариев. Первый заключается в признании естественной природы неформальной занятости и создания комплекса мер по ее внедрению в сферу трудовых отношений. Второй сценарий направлен на разрушение подобных связей и отношений в сфере труда и всестороннее противодействие данному явлению. Как в первом, так и во втором случае необходимо в различных сферах жизнедеятельности пересмотреть отношение к труду и занятости. Кроме того, на уровне государства и общества необходимо определиться относительно различных форм деятельности (проституция, лжепредпринимательство, производство запрещенных товаров и услуг и т. п.) с позиции их опасности для общества, степени допустимости и наказуемости.

Литература

1. Аистов А. В., Ларин А. В., Леонова Л. А. Неформальная занятость и удовлетворенность жизнью: эмпирический анализ с учетом эндогенности // Прикладная эконометрика. – 2012. – № 2 (26). – С. 17–36.
2. Анисимова С. Г., Яковлева О. С., Курчатова Н. А. Девиации в трудовой сфере: дихотомия проявлений [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9150> (дата обращения: 03.05.2020).
3. Ахмадеев Д. Р. Институционализация неформальной занятости в России // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 25–33.
4. Белов Е. А. Социальные предпосылки формирования неформальных отношений в сфере труда (по результатам социологического исследования) // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2016. – № 5. – С. 15–24.
5. Будович Ю. И. Неформальная занятость в России как отражение социально-экономической ситуации в стране // Теоретическая экономика. – 2014. – № 3. – С. 47–52.
6. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 538 с.
7. Дожкильгова Д. М. Влияние неформальной занятости на рынок труда России // ФГУ SCIENCE. – 2019. – № 4. – С. 100–104.
8. Дружилов С. А. Профессионально-деструктивная деятельность как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации // Вестник Московского университета. – 2017. – С. 45–63.
9. Зинич Л. В., Кузнецова Н. А. Рынок труда: формирование баланса трудовых ресурсов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (36). – С. 151–157.
10. Зиновьев А. А. Русская трагедия. – М.: Алгоритм, 2016. – 544 с.
11. Золин И. Е. Социологическое содержание проблемы государственного регулирования рынка труда // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 4. – С. 169–174.
12. Кузнецова И. В. Неформальность Российского рынка труда // Вестник Московского университета. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 116–132.
13. Мальцева И. О. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. – М.: СИНТЕГ, 2015. – 224 с.
14. Нарожная Д. А. Формы деструктивного трудового поведения работников // Вестник РУДН. – 2015. – № 1. – С. 129–139.
15. Невечеря А. П. Исследование динамики трудовых ресурсов на основе многоотраслевой математической модели рынка труда // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 2. – С. 129–140.
16. Скворцов Е. А., Бекешева А. Ю. Актуальные проблемы и тенденции развития российского рынка труда // Актуальные проблемы сохранения и развития биологических ресурсов: Сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2019. – С. 417–422.
17. Тесленко И. Б., Куликова И. Ю. Рынок труда в современных условиях: развитие нестандартных форм занятости // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – № 11. – С. 73–78.

References

1. Aistov, A. V., Larin, A. V., Leonova, L. A. (2012) [Informal employment and life satisfaction: an em-

pirical analysis taking into account endogeneity]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied econometrics]. Vol. 2 (26), pp. 17–36. (In Russ.).

2. Anisimova, S. G., Yakovleva, O. S., Kurchatov, N. A. (2013) [Deviations in the labor sphere: dichotomy of manifestations]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. Vol. 3. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9150> (accessed: 03.05.2020). (In Russ.).

3. Akhmadeev, D. R. (2015) [Institutionalization of informal employment in Russia]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Humanities and social Sciences]. Vol. 1, pp. 25–33. (In Russ.).

4. Belov, E. A. (2016) [Social prerequisites for the formation of informal relations in the sphere of labor (based on the results of sociological research)]. *Vestnik VEG* [Bulletin of VEG]. Ufa, Vol. 5, pp. 15–24. (In Russ.).

5. Budovec, Y. I. (2014) [Informal employment in Russia as a reflection of the socio-economic situation in the country]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economics]. Vol. 3, pp. 47–52. (In Russ.).

6. Gimpelson, V. E., Kapelyushnikov, R. I. (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market]. Moscow: publishing house of the Higher school of Economics, 538 p.

7. Dohkilgova, D. M. (2019) Vliyaniye neformal'noy zanyatosti na rynek truda *Rossii* [Influence of informal employment on the Russian labor market]. Federal state University SCIENCE. Vol. 4, pp. 100–104. (In Russ.).

8. Druzhilov, S. A. (2017) [Professional-destructive activity as a manifestation of professional marginalization and deprofessionalization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. pp. 45–63. (In Russ.).

9. Zinich, L. V., Kuznetsova, N. A. (2019) [Labor Market: forming the balance of labor resources]. *Nauka o cheloveke: humanitarnyye issledovaniya* [Science of man: humanitarian research]. Vol. 2 (36), pp. 151–157. (In Russ.).

10. Zinoviev, A. A. (2016) *Russkaya tragediya* [Russian tragedy]. Moscow: Algorithm, 544 p.

11. Zolin, I. E. (2019) [Sociological content of the problem of state regulation of the labor market]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, law and sociology]. Vol. 4, pp. 169–174. (In Russ.).

12. Kuznetsova, I. V. (2019) [Informality of the Russian labor market]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Vol. 25. No. 2, pp. 116–132. (In Russ.).

13. Maltseva, I. O. (2015) *Gendernaya segregatsiya i trudovaya mobil'nost' na rossiyskom rynke truda* [Gender segregation and labor mobility in the Russian labor market]. Moscow: SINTEG, 224 p.

14. Narozhnaya, D. A. (2015) [Forms of destructive labor behavior of employees]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Vol. 1, pp. 129–139. (In Russ.).

15. Nevecherya, A. P. (2016) [Research of labor resources dynamics based on a multi-industry mathematical model of the labor market]. *Ekonomika i matematicheskiye metody* [Economics and mathematical methods]. Vol. 52, No. 2, pp. 129–140. (In Russ.).

16. Skvortsov, E. A., Bekesheva, A. Yu. (2019) [Actual problems and trends in the development of the Russian labor market]. *Aktual'nyye problemy sokhraneniya i razvitiya biologicheskikh resursov: Sbornik materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Yekaterinburg* [Actual problems of conservation and development of biological resources: Collection of materials international. scientific-practical Conf. – Yekaterinburg]. pp. 417–422. (In Russ.).

18. Teslenko, I. B., Kulikova, I. Y. (2019) [The labor Market in modern conditions: the development of non-standard forms of employment]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions]. Vol. 11, pp. 73–78. (In Russ.).

Информация об авторе:

Евгений Александрович Белов, кандидат социологических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия
e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 17.08.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yevgeniy Aleksandrovich Belov, PhD in Sociology, Associate Professor, Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry, Kazan, Russia
e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

The paper was submitted: 17.08.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ В ХРИСТИАНСТВЕ И СВЕТСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

И. А. Беляев

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: igorbelyaev@list.ru

В. А. Гончарова

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
e-mail: v.a.goncharova@orgma.ru

А. М. Максимов

Оренбург, Россия
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Аннотация. Свобода и независимость относятся к числу тех феноменов, исследование которых никогда не утрачивает актуальности. Мы полагаем, что в современных условиях уточнение соотношения соответствующих категорий может оказать существенную помощь людям в их духовном росте, выявлении путей к свободе и независимости. Именно этими обстоятельствами обусловлена цель работы, состоящая в исследовании соотношения свободы и независимости в христианстве и светской рациональной философии. Достижение поставленной цели потребовало применения диалектического подхода на основе широкого использования методов экстраполяции, анализа, сравнения и синтеза. Обращение к духовному наследию Августина Блаженного, Фомы Аквинского, игумена Филарета, А. И. Осипова, И. А. Ильина и др. позволили авторам в очередной раз убедиться в том, что христианство, имеющее истоки в общественных отношениях, не формирует у человека мнимых ценностей, не уводит его в мир иллюзий. В работе показано, что, согласно христианским представлениям, в основе свободы лежат вера и внутренняя духовная жизнь человека, которые он должен укреплять, постоянно апеллируя к божественным сущностям. Указывается, что суть христианского понимания свободы заключается в «способности самопроизвольно начинать состояния» и независимости воли от принуждения импульсами чувственности; данное обстоятельство, ссылаясь на И. Канта, отмечает Осипов. Независимость же, будучи производной от свободы, формируется также, как и она, на основе христианских ценностей и проявляется в стремлении человека оградить себя от дьявольского, злого и всего прочего, разрушающего его дух и плоть. Рассматривая особенности представлений о свободе и независимости в светской рациональной философии, авторы обращаются в первую очередь к марксистскому философскому наследию, к воззрениям Канта, Г. В. Ф. Гегеля и Д. В. Пивоварова. Делается акцент на особенностях, характерных для данных подходов. Марксистское видение обсуждаемой проблемы раскрывается посредством анализа критического отношения к религии, веры в пролетариат, коммунизм и будущее царство свободы, свойственных создателям и сторонникам соответствующего учения. При исследовании кантовского подхода внимание концентрируется на представлениях о взаимосвязях человека и Бога, на моральной стороне жизни людей. В диалектических воззрениях Гегеля посредством анализа истинного и неистинного отчуждения, освоения и отчуждения выявляются ключевые аспекты взаимоотношений свободы и независимости. В определении свободы Пивоварова, содержащем утверждение о беспрепятственном проявлении природы любой вещи, прослеживается характерная для всех представителей рационализма идея независимости как необходимого условия свободы. Результаты философского поиска авторов позволили убедиться в многомерности исследуемых категорий и в высокой значимости их осмысления применительно к поискам путей к свободе и независимости. Идеей, объединяющей рассмотренные варианты видения свободы и независимости, являются вера в силу человеческого разума, неприятие произвола, ориентация на высшие духовные ценности. В содержании статьи также показано, что осмысливаемая пара категорий хорошо работает как при философском, так и нефилософском постижении сущностей различных фрагментов бытия.

Ключевые слова: свобода, независимость, христианство, светская рациональная философия, соотношение категорий, разум, духовная жизнь человека.

Для цитирования: Беляев И. А., Гончарова В. А., Максимов А. М. Соотношение свободы и независимости в христианстве и светской рациональной философии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 120–128. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-120.

THE RATIO OF FREEDOM AND INDEPENDENCE IN CHRISTIANITY AND SECULAR RATIONAL PHILOSOPHY

I. A. Belyaev

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: igorbelyaev@list.ru

V. A. Goncharova

Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia
e-mail: v.a.goncharova@orgma.ru

A. M. Maksimov

Orenburg, Russia
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Abstract. *Freedom and independence are among those phenomena, the study of which never loses its relevance. We believe that in modern conditions, clarifying the relationship of the corresponding categories can significantly help people in their spiritual growth, identifying ways to freedom and independence. It is these circumstances that determine the purpose of the work, which is to study the relationship between freedom and independence in Christianity and social rational philosophy. The extensive use of extrapolation, analysis, comparison, and synthesis methods was used to achieve this goal. An appeal to the spiritual heritage of Augustine the Blessed, Thomas Aquinas, Abbot Filaret, A. I. Osipova, I. A. Ilyina and others allowed the authors to once again make sure that Christianity, which has its origins in social relations, does not form imaginary values in a person, does not lead him into a world of illusions. The work shows that, according to Christian ideas, freedom is based on faith and the inner spiritual life of a person, which he must strengthen, constantly appealing to divine essences. It is pointed out that the essence of the Christian understanding of freedom lies in «the ability to spontaneously begin a state» and the independence of the will from compulsion by impulses of sensuality; this circumstance, referring to I. Kant, is noted by Osipov. Independence, being a derivative of freedom, is formed, like it, on the basis of Christian values and manifests itself in a person's desire to protect himself from the devil, evil and everything else that destroys his spirit and flesh. Considering the peculiarities of ideas about freedom and independence in social rational philosophy, the authors turn first of all to the Marxist philosophical heritage, to the views of Kant, G. V. F. Hegel and D. V. Pivovarov. Emphasis is placed on the features characteristic of these approaches. The Marxist vision of the problem under discussion is revealed through the analysis of a critical attitude to religion, belief in the proletariat, communism and the future kingdom of freedom, characteristic of the creators and supporters of the corresponding teaching. When studying the Kantian approach, attention is focused on the ideas about the relationship between man and God, on the moral side of human life. In Hegel's dialectical views, through the analysis of true and untrue alienation and assimilation, the key aspects of the relationship between freedom and independence are revealed. Pivovarov's definition of freedom, which contains a statement about the unhindered manifestation of the nature of anything, traces the idea of independence, characteristic of all representatives of rationalism, as a necessary condition for freedom. The idea of independence as a necessary condition for freedom, characteristic all representatives of rationalism, is traced in Pivovarov's definition of freedom. The results of the authors' philosophical search made it possible to verify the multidimensionality of the categories under study and the high significance of their understanding in relation to the search for ways to freedom and independence. The idea that unites the considered versions of the vision of freedom and independence is the belief in the power of the human mind, rejection of arbitrariness, orientation to higher spiritual values. The content of the article also shows that the comprehended pair of categories works well for both philosophical and non-philosophical comprehension of the essences of various fragments of being.*

Key words: *freedom, independence, Christianity, social rational philosophy, the relationship of categories, mind, the spiritual life of a person.*

Cite as: Belyaev, I. A., Goncharova, V. A., Maksimov, A. M. (2020) [The ratio of freedom and independence in Christianity and secular rational philosophy]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 120–128. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-120.

Введение

Обращение к соотношению свободы и независимости в очередной раз убеждает нас в том, что на

протяжении многих столетий данная проблема находится в центре внимания как теологов, так и философов. Сохранила она актуальность и поныне. За

перестроечное время произошли существенные перемены во всех сферах общественной жизни, в том числе и духовной. Марксистское учение, доминировавшее в нашей стране до недавнего времени, хотя и сохранило своё влияние, но уже давно перестало играть определяющую роль в философии. При этом возрождающаяся вера в Бога далеко не полностью овладела духовным миром многих россиян. Между тем, в мировоззренческих ориентациях наших сограждан религиозные, иррациональные по своей сути, и светские, тяготеющие к рациональности составляющие всё более явственно противостоят друг другу, вступая в противоречия. Проблемы же, возникшие на стыке данных противоречий, показали, что полноценное осмысление свободы и независимости в христианской и светской рациональной философской мысли выходит далеко за границы традиционного для нашей страны марксистско-христианского противостояния и требуют обращения как к духовному наследию прошлого, так и к результатам интеллектуальных поисков наших современников. В связи с этим целью настоящего исследования стало выявление соотношения свободы и независимости в христианстве и светской рациональной философии.

Свобода и независимость в христианском измерении

Проблема соотношения свободы и независимости находит отражение во всех сферах бытия человека, проявляясь как в светском, так и религиозном сознаниях. Особое внимание осмыслению данного обстоятельства уделяется в христианстве, стремящемся гармонично формировать внутренний духовный мир человека посредством его единения с Богом, природой и самим собой. В основу учений ведущих христианских мыслителей легли идеи о том, что Бог есть перводвижитель, первопричина, абсолютная необходимость, совершенство всего сущего, его высшая цель [18], абсолютная и всеовершенная реальность [14], свобода [3, 17]. Наряду с этим не остаётся без внимания и то, что Бог «... есть некоторый свободный и независимый ум, чуждый всякой смертной примеси, всезнающий и вседвижущий и сам одарённый вечным движением» [1, с. 1258]. Тем самым христианство утверждает, что Бог есть всё, что Он «разлит» во всех сферах человеческой жизни.

Христианство не формирует у человека мнимые ценности, не уводит его в мир иллюзий, как полагают некоторые наши соотечественники, а способствует его глубокому укоренению в общественных отношениях. Приближая человека к Богу, рассматриваемое вероучение помогает ему обретать истину и преодолевать в себе источники греха, идущие от мира, дьявола и плоти. Впрочем, эти слова не следует понимать буквально. В данном случае речь идет о па-

губных влияниях, порождающих зло, чревоугодие, блуд, порочные наклонности и страсти, отчуждающие человека от Бога и разрушающие его свободу. В силу отягощённости микрокосма (человека) этими пороками может нарушаться органичное единство между ним и макрокосмом (Богом). Человека нельзя освободить от них насильственными средствами, только любовь и благодать ведут его к подлинной свободе. Приобщение человека к Богу осуществляется посредством работы над собственным внутренним духовным миром. Здесь же имеет смысл отметить, что в христианской литературе довольно широко используется соотношение «внутреннего» и «внешнего». При этом под внешним понимается прежде всего то, от чего в стремлении к свободе и независимости человек желает освободиться как в себе, так и в общественных отношениях.

Довольно часто, высказывая подобные мысли, христианские богословы и философы вслед за Апостолом Павлом используют понятия «новый» и «ветхий» человек. Так, подчёркивая существенные различия между духовной свободой (составляющей её основу) и свободой воли, А. И. Осипов обращается к И. Канту, который в своё время отмечал: «Под свободой в космологическом ... смысле я разумею способность самопроизвольно начинать состояние. Свобода в практическом ... смысле есть независимость воли от принуждения чувственности» [11].

Надо обратить внимание и на то, что в содержании традиционного христианского мировоззрения Осипов отводит существенное место церкви, выступающей связующим звеном между человеком и Богом и являющейся началом, удерживающим внешние свободы. Будучи противником всякого насилия, он утверждает, что свобода может ограничиваться только любовью. Обращаясь к духовному наследию И. С. Аксакова, автор проводит мысль о том, что никакие достижения науки и прогресса не должны отрицать Бога.

В этой связи следует отметить, что, наряду с Аксаковым и иными вышеупомянутыми философами, существенный вклад в решение данной проблемы, а также в развитие русской религиозно-философской мысли внесли Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Митрополит Макарий (Булгаков), П. А. Флоренский, С. Л. Франк и многие другие. Так, например, соотношение свободы и независимости в творчестве Ильина прослеживается в отыскании того пути, который каждый призван найти в себе, причём не в колеблющихся беспредметных настроениях, а в своём сверхличном, предметно-насыщенном духовном достоинстве. Только посредством совершения творческих усилий, углубляясь в себя, стремясь сделать себя лучше, люди с опорой на веру идут к истине, к духовному обновлению. При этом вера «... всегда остаётся *первичной силой человеческой*

жизни – совершенно независимо от того, понимают люди это или нет» [6, с. 44].

Наряду с верой «искорками», истоками жизнедеятельности человека выступают любовь, совесть, семья, Родина, свобода и иные фундаментальные вопросы бытия. Что же касается свободы, то Ильин понимает под ней «... как бы духовное *самобытие* или самостоятельное духовное пение» [6, с. 104]. Будучи производной от духа, свобода существует для него и ради него. Проявляется свобода на трех органически взаимосвязанных уровнях (внешняя, внутренняя и политическая).

В роли фактора, определяющего, формирующего жизненный путь человека, выступает внутренняя свобода. Нельзя не признать, что свобода никому и никогда не даётся в чистом виде. Более того, человек подчас может даже лишиться её, если превратит свободу духа в свободу от него. Причём в жизни, на что обращает внимание Ильин, это происходит довольно часто. Чтобы реализовать внутреннюю свободу, человек должен сформировать в себе духовный характер, но это осуществимо только в тесном взаимодействии с внешней и политической свободами. Так, внешняя свобода может помочь человеку оградить свой дух от внешних насильственных вмешательств. Защитить внутреннюю свободу должна и политическая свобода. Она будет успешно осуществляться в том случае, если её носителями станут люди, способные не только освободить себя, но и формировать в других потенции к тому, чтобы быть свободным. В этих мыслях классик отечественной философии во многом созвучен с Платоном, который полагал, что право управлять людьми следует предоставлять лучшим из них, способным познать Благо. Согласно Ильину, человек, обладающий политической свободой, должен, в отличие от других людей, являться носителем гораздо большей духовной зрелости. Это обусловлено тем, что политическая свобода даёт ему возможности не только достойно выстраивать свой мир, но и главенствовать над другими людьми, не подавляя их. Если же человек не созрел до такой свободы, остаётся рабом страстей и корысти, то все вопросы он будет решать через призму собственных интересов и станет врагом свободы для других. Эти мысли сохраняют актуальность и по настоящее время, поскольку в нашем Отечестве таких людей, «радеющих за общее благо», стало сейчас слишком много.

Однако, есть и другие люди, которые, будучи патриотами, способны решать проблемы, совмещая мудрость и чувство меры с любовью и жертвенностью, не подавляя права и свободы граждан. Именно о них пишет С. Н. Некрасов. Не оставляет он без внимания и людей сомневающих, но стремящихся реализовать свои свободы на жизненном пути

[10]. В этом прослеживается определённая связь воззрений современного философа с воззрениями великого русского мыслителя.

Исследуя соотношения вышеобозначенных свобод, характеризуя каждую из них, Ильин показывает, что взаимодополняя друг друга, они реализуются на основе целостного жизненного опыта. И ни о какой независимости между ними не может быть и речи. Независимость понимается им как граница, которая формируется человеком на основе христианских ценностей и отделяет его свободу от давления извне: притворства и лицемерия, угроз и преследований, принуждений и запретов. Стремись освободить человека от произвола, автор демонстрирует глубокое убеждение в том, что его внутреннее освобождение, духовная самостоятельность могут быть реализованы только в общении с людьми. «... Освободить себя не значит стать независимым от других людей, но значит стать *господином своих страстей*» [6, с. 96].

Характеризуя Россию в начальные годы советского строительства, философ обращает внимание на то, что в этом государстве все поставлено «с ног на голову». Классово-пролетарское и пролетарско-партийное государство сводит частную жизнь человека к минимуму, де-факто упраздняет её. В таком государстве не может быть реализована подлинная духовная свобода, сложно выстраиваются и имущественные отношения; имущественная независимость здесь «совершенно не нужна и даже недопустима, ибо она создаёт только дурное своеволие, беспорядок и «эксплуатацию» человека человеком» [6, с. 257]. На самом же деле, государство должно способствовать реализации как индивидуальных, так и надиндивидуальных интересов и свобод каждого гражданина, сохраняя их независимость. Стоит также заметить, что во взаимодействии между государствами независимость такого рода понимается не как граница, отделяющая позитивное от негативного, а как линия водораздела между различными целостностями, в рамках которых реализуются права и свободы их граждан с учетом присущих им национальных, общественных, групповых и личных интересов.

Свобода и независимость в светской рациональной философской мысли

Переходя к рассмотрению соотношения свободы и независимости в рационалистическом контексте, мы целенаправленно обращаемся к марксистской философской мысли. Дело в том, что К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи при решении проблем, подобных обсуждаемой в настоящей статье, занимают позиции диаметрально противоположные христианским. Так, в «Анти-Дюринге», давая определение религии, Энгельс отмечает, что она «... является не чем иным, как фантастическим от-

ражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [20, с. 328]. Таким образом, получается, что религия, порождая фантастические образы в сознании человека, одурманивает его подобно опиуму, делает зависимым от различного рода фантазий и иллюзий. Основоположники марксизма и их последователи обвиняют христианство, в частности, в том, что, являясь идеологическим орудием господствующих классов, оно оправдывало и защищало различные эксплуататорские режимы Античности, Средневековья и Нового времени. Поскольку живущий в условиях эксплуататорского общества человек находится в «оковах» (экономических, политических, социальных и духовных), то ни о какой его независимости, с их точки зрения, не может быть и речи. Они полагают, что человек, желающий стать свободным, должен пересмотреть сложившиеся системы ценностей и обрести новое мировоззрение, основанное на идеях о том, что Бог – это фикция, с которой человеку следует разорвать отношения, поняв, что он сам является Богом (эта идея, высказанная Л. Фейербахом, была ассимилирована марксизмом).

Марксисты глубоко убеждены в том, что, опираясь на силу человеческого разума, прибегая, при необходимости, к радикальным мерам, можно преобразовать как самого человека, так и существующее общество. Очень много надежд они возлагали на пролетарскую революцию, призванную, согласно их представлениям, разорвать все узы социального, духовного и природного миров. Они считали, что, осуществив данные преобразования, человек станет воистину свободным существом, господином природы, действующем на основе её законов. Человек, как они ожидали, сможет преодолеть все формы отчуждения и, обладая уже не воображаемой, как прежде, а подлинной независимостью, окажется способным принимать решения с сознанием дела, реализуя свои сущностные силы и свободы. Апеллируя к разуму, они надеялись порвать с религиозной верой как предрассудком прошлого.

Безусловно, марксизм сыграл весьма существенную роль в развитии мировой философской мысли, внёс вклад в обеспечение реальной защиты прав и свобод трудового народа. Многие его идеи сохраняют актуальность и по сей день, получая широкое применение на практике. Однако присущая марксизму однозначно негативная оценка религии и, в частности, христианства, на наш взгляд, необъективна. Конечно, были в истории христианства, как и в истории любой другой религии «тёмные» пятна, тем не менее, они не дают никаких оснований для того, чтобы полностью отрицать её вклад в формирование духовного мира человека и реализацию его свобод. Столь жёсткая критика хри-

стианства со стороны марксизма во многом была обусловлена стремлением сформировать новую социоцентрическую религию с верой в пролетариат, коммунизм и царство свободы. К тому же свобода, соответствующая их представлениям, далеко не всегда реализуется на практике в желаемом виде; порой её воплощение в жизнь порождает результаты, противоположные ожидаемым.

Характерной особенностью марксизма явилось и то, что он уделял недостаточное внимание моральной стороне человеческой жизни, во многом, может быть, по причине наличия «материальных корней» неравенства. Этот вопрос достаточно глубоко и содержательно был рассмотрен И. Кантом, воззрения которого не по всем вопросам совпадали с воззрениями, присущими христианству, хотя он и рассматривал человека во взаимосвязи с Богом, в том числе и применительно к его свободе и независимости. Бог для него – не внешняя субстанция, стоящая независимо, а сила, помогающая человеку понять, что небо и ад существуют не отдельно друг от друга, что они порождены Богом и находятся в непосредственной связи с человеком. Так, согласно Канту, Бог полагает, что у человека не должно быть «... никакого недостатка и в благах низшего порядка» [7, с. 295].

Думается, что в понимании сути данной проблемы нам поможет разобраться формулировка категорического императива Канта: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [8, с. 270]. Принципы данного императива никоим образом не зависят от окружающей среды. Они превозносят человека как высшую ценность, которая не находится и не должна находиться в независимых отношениях с другими людьми. Более того, человек связан с Богом; руководствуясь нравственным законом и опираясь на свободную и разумную волю, он способен выполнять свой долг по отношению к себе и другим людям.

Важный аспект в соотношении свободы и независимости прослеживается при обращении к диалектике Г. В. Ф. Гегеля. Посредством анализа «истинного» и «неистинного» отчуждения философ пришел к заключению о том, что истинное отчуждение, обусловленное свободой воли человека, является истоком творения всего нового. Именно благодаря данному отчуждению человек обретает любовь и нравственность, формирует своё единство с миром. Неистинное же отчуждение, вызванное воздействием внешних, чуждых сил, порождает независимость от того, что когда-то принадлежало человеку, поработает его. Поэтому не случайно, а в угоду своим идеологическим интересам, Маркс и Энгельс взяли «на вооружение» только данный вид отчуждения. Практики такого рода свидетель-

ствуют о том, что усиленное внимание к одному из аспектов проблемы порой выступает не недостатком, а, скорее, потенциально продуктивным исследовательским приёмом. Ведь, в самом деле, благодаря именно такому подходу классикам марксизма удалось выявить «гнилые пятна» на «теле» человечества. Безусловно, для человечества было бы лучше, если бы оно смогло преодолеть неистинное отчуждение, избавиться себя от порождаемой ею зависимости. Однако, если даже этого не произойдет, люди своей деятельностью всегда будут укреплять системные связи мира.

Философия Гегеля позволяет нам понять и то, что ни освоение, ни отчуждение нельзя рассматривать вне зависимости друг от друга. Только синтезируя их, люди могут обрести истинную свободу. Но её существование кратковременно, после его завершения все программы «запускаются» заново.

Из философии Гегеля следует и то, что у человека нет «столбовой» дороги к свободе. В свободе бытие и существование зачастую оказываются разделёнными и «... произвол, извращённость и пассивность индивидуумов могут вмешиваться в необходимость всеобщей духовной природы, могут заставить человека отклониться от неё, попытаться принять свою собственную точку зрения и отстаивать её» [4, с. 208]. Посредством такой независимости свобода «... может обособиться от необходимости, от закона, может противодействовать своему назначению» [4, с. 208]. В данном утверждении, равно как и в иных мыслях философа, содержатся установки, ориентирующие людей на обретение свободы и независимости посредством приобщения к высокодуховным ценностям.

По причине богатого содержания и больших эвристических возможностей обсуждаемая пара категорий находится в фокусе зрения представителей философской мысли и в настоящее время. Так, Д. В. Пивоваров в общем онтологическом смысле определяет свободу как «... беспрепятственное проявление природы любой вещи, будь то свобода падения камня, течения реки, роста растения, полёта птицы или поведения человека» [13, с. 90]. Мы видим, что в беспрепятственном проявлении природы любой вещи прослеживается идея независимости как необходимого условия свободы. Излагая свою концепцию свободы, данный автор сосредоточивает внимание и на том, что независимость является необходимым компонентом как безусловной, так личной свободы и что своё отражение она находит в свободе не только человека, но и Бога. Посредством анализа воззрений различных мыслителей (Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Пелагий, И. Кант, В. Франкл и мн. др.) Пивоваров

оттеняет как позитивные, так и негативные влияния независимости на свободу. Обращается философ к категории независимости и при осмыслении других сущностей бытия: прерывного и непрерывного, детерминизма, закона и функции и многого иного¹.

Работает данная категориальная пара и при обращении к природе и свободе человека [9, 19], в процессе осмысления его целостности и свободы [2], ответственности и воплощения смыслов [15], а также в рамках разработки проблем не столь общего плана, например, интернализма [5].

Характерной особенностью нашего времени является и то, что к данной паре категорий обращаются как философы, так и представители других сфер рационального знания. Так, например, И. И. Пацкула и О. С. Тюгаева полагают, что свобода и независимость «проливают свет» на проблему психологических особенностей современного одиночества [12]. При рассмотрении социально-экономического аспекта общественной жизни задействует данные категории и М. А. Шабанова [16]. Для Д. Н. Шклар (Judith N. Shklar) эти категории стали ключевыми в процессе исследования политических идей, присутствующих в гегелевской феноменологии сознания [21]. Можно указать ещё множество источников, подтверждающих, что раскрытие особенностей взаимодействия свободы и независимости способствует продуктивности осмысления самых разных фрагментов многомерного бытия человека.

Заключение

Завершая статью, попробуем лаконично представить основные результаты проведённого исследования в виде комплекса резюмирующих положений.

Во-первых, в современных условиях проблема соотношения свободы и независимости выходит за границы противостояния марксистского и христианского понимания. Обращение к духовному наследию Канта, Гегеля и иных авторов даёт возможность выявить новые грани в соотношении свободы и независимости.

Во-вторых, категории свободы и независимости не тождественны друг другу. Два определения свободы, к которым обращаются авторы, являются свидетельством того, что независимость есть неотъемлемый компонент свободы. Содержания этих категорий находятся в отношении подчинения, причём категория свободы, будучи более фундаментальной, выступает подчиняющей, а категория независимости – подчиняющейся.

В-третьих, категория независимости имеет множество значений:

– это граница, устанавливаемая самим чело-

¹ Пивоваров Д.В. Категории онтологии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 552 с.

веком, с помощью которой он отделяет свою свободу от негативных воздействий;

- это отчуждение человека от того, что когда-то принадлежало ему, а теперь поработает и делает его несвободным;
- это отсутствие связи со свободой, если человек остаётся рабом страстей и корысти;
- это линия, отделяющая одну самодостаточную целостность от другой.

В работе показано, что многомерна и свобода человека. Она может выступать как внутренняя, внешняя, политическая, безусловная, личная. И это далеко не полный перечень её проявлений.

Содержание статьи позволяет предположить, что вдумчивое осмысление деталей соотношения данной пары категорий может оказать существенную помощь людям в отыскании путей к подлинной свободе и независимости.

Литература

1. Августин Блаженный. О граде Божием. – Минск; Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Беляев И. А., Максимов А. М. Целостность и свобода человека. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 180 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы; Смысл творчества; Опыт оправдания человека. – М.: Акад. проект: Деловая книга, 2015. – 522 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 532 с.
5. Дегтярев Е. В. Понимание в контексте неклассического и постнеклассического типов научной рациональности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 3. – С. 110–114.
6. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. Т. 1. – С. 37–282.
7. Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 1. – С. 263–314.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 220–310.
9. Максимов А. М., Чупров А. С. Природа человека и его свобода. Эволюция проблемы в истории западноевропейской светской и религиозной мысли. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 192 с.
10. Некрасов С. Н. Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее. – Екатеринбург: Издательство УрГСХА, Уральское изд-во, 2009. – 540 с.
11. Осипов А. И. Свобода христианина, свобода Церкви и религиозная свобода в православном понимании [Электронный ресурс] // Церковь и время. – 1999. – №1 (8). – Режим доступа: <https://mospat.ru/churchtime/churchtime8.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).
12. Пацакула И. И., Тюгаева О. С. Психологические особенности современного одиночества: свобода и независимость или боль и стресс? // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 12. – С. 261–265.
13. Многомерность свободы / Пивоваров Д. В. и другие // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 4. – С. 90–97.
14. Соловьев В. С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве: (избранные труды). – М.: Статут, 2014. – 622 с.
15. Тульчинский Г. Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. Философско-семиотический анализ. – СПб.: Алетейя, 2019. – 470 с.
16. Шабанова М. А. Свобода и независимость в меняющемся обществе социолого-экономический аспект // Социологический журнал. – 1996. – № 3–4. – С. 84–98.
17. Филарет (игум.) Конспект по нравственному богословию: (По кн. «Христиан. жизнь» прот. Н. Вознесенского). – М.: Моск. патриархия; [Куйбышев]: Куйбышев. епарх. упр., 1990. – 111 с.
18. Фома Аквинский. Сумма Теологии. – Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2002. – Ч. 1, Вопр. 1–43. – 560 с.
19. Человек самоопределяющийся / под ред. И. А. Беляева. – Екатеринбург: Изд-во УрАГС; Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2004. – 108 с.
20. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – С. 1–338.
21. Shklar Judith N. Freedom and independence: a study of the political ideas of Hegel's Phenomenology of mind. – New York: Cambridge University Press, 1976. [Electronic resource]. – Access mod: <https://archive.org/details/freedomindepende0000shkl/page/n247/mode/2up> (дата обращения: 25.10.2020).

References

1. Avgustin Blazhennyj (2000) *O grade Bozhiem* [About the city of God]. Minsk: Harvest, M.: AST, 1296 p.
2. Belyaev, I. A., Maksimov, A. M. (2004) *Celostnost' i svoboda cheloveka*. [Human integrity and freedom]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 180 p.
3. Berdyayev, N. A. (2015) *Filosofiya svobody; Smysl tvorchestva; Opyt opravdaniya cheloveka* [Philosophy of freedom; Meaning of creativity; Experience of human justification]. Moscow: Akademy projekt: Delovaya kniga, 522 p.
4. Gegel', G. V. (1975) *Filosofiya religii* [Philosophy of religion]. Moscow: Thought, in 2 Vol, Vol. 1, 532 p.
5. Degtyarev, E. V. (2015) [Understanding in the context of non-classical and post-non-classical types of scientific rationality]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovations. Investment]. Vol. 3, pp. 110–114. (In Russ.).
6. Il'in, I. A. (1996) *Put' duhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Moscow: Russkaya kniga, in 10 Vol, Vol. 1, pp. 37–282. (In Russ.).
7. Kant, I. (1964) *Novoe osveshchenie pervykh principov metafizicheskogo poznaniya* [New coverage of the first principles of metaphysical knowledge]. Moscow: Thought, in 6 Vol, Vol. 1, pp. 263–314. (In Russ.).
8. Kant, I. (1965) *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Foundations of the metaphysics of morals]. Moscow: Thought, in 6 Vol, Vol. 4, part 1, pp. 220–310. (In Engl.).
9. Maksimov, A.M., Chuprov, A.S. (1996) *Priroda cheloveka i ego svoboda. Evolyuciya problemy v istorii zapadnoevropejskoj svetskoj i religioznoj mysli* [The nature of man and his freedom. Evolution of the problem in the history of Western European social and religious thought]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 192 p.
10. Nekrasov, S. N. (2009) *Kakaya filosofiya nam nuzhna. 250 klassicheskikh vzglyadov na budushchee* [What kind of philosophy we need. 250 classic views on the future]. Ekaterinburg: Publishing House UrGSKHA, 540 p.
11. Osipov, A. I. (1999) *The freedom of a Christian, the freedom of the Church and religious freedom Freedom of a Christian, freedom of the Church and religious freedom in the Orthodox sense*. *Cerkov' and Time*, Vol.1 (8). Available at: <https://mospat.ru/churchtime/churchtime8.pdf> (accessed: 25.10.2020). (In Russ.).
12. Pacakula, I. I., Tyugaeva, O. S. (2010) [Psychological features of modern loneliness: freedom and independence or pain and stress?]. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [The value system of modern society]. Vol. 2, pp. 261–265. (In Russ.).
13. Pivovarov, D. V., Tul'chinskij, G. L., Maksimov, A. M., Artemov, V. M., Rahmatullin, R. YU., Belyaev, I. A. (2015) [Multidimensionality of freedom] *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 90–97. (In Russ.).
14. Solov'ev, V. S. (2014) *Propovednik v pustyne: propovedi o prave: (izbrannye trudy)* [The preacher in the wilderness: a sermon on the law: (selected works)]. Moscow: Statut, 622 p.
15. Tul'chinskij, G. L. (2019) *Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla. Filosofsko-semioticheskij analiz* [The body of freedom: responsibility and meaning. Philosophical and semiotic analysis]. Saint-Petersburg: Aletejya, 470 p.
16. Shabanova, M. A. (1996) [Freedom and independence in a changing society socio-economic aspect]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 3–4, pp. 84–98. (In Russ.).
17. Filaret, (igum.) (1990) *Konspekt po npravstvennomu bogosloviyu: (Po kn. «Hristian. zhizn'») prot. N. Voznesenskogo* [Synopsis of moral theology]. Moscow: Mosk. patriarchy; Kujbyshev. eparchy, 111 p.
18. Foma Akvinskij (2002) *Summa Teologii* [The Amount Of Theology]. Kiev: El'ga; M.: Nika-Center, 560 p.
19. Belyaev, I. A., Kashin, V. V, Maksimov, A. M., Rybakov, N. S., Strelec, YU. SH. (2004) *Chelovek samoopredelyayushchijnya* [Self-determining man]. Ekaterinburg: Izd-vo UrAGS, 108 p.
20. Engel's, F. (1961) *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-During. The revolution in science made by Mr. Eugene Düring]. Moscow: Politizdat, Vol. 20, pp. 1–338. (In Russ.).
21. Shklar Judith N. (1976) Freedom and independence: a study of the political ideas of Hegel's Phenomenology of mind. *New York: Cambridge University Press*. Available at: <https://archive.org/details/freedomindepende0000shkl/page/n247/mode/2up> (accessed: 25.10.2020) (In Eng.).

Информация об авторах:

Игорь Александрович Беляев, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и культурологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4072-2342, **Researcher ID:** E-7026-2016

e-mail: igorbelyaev@list.ru

Валерия Александровна Гончарова, кандидат философских наук, доцент кафедры судебной медицины и правоповедения, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
e-mail: v.a.goncharova@orgma.ru

Александр Михайлович Максимов, доктор философских наук, профессор, Оренбург, Россия
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 26.10.2020; принята в печать: 23.11.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Igor Aleksandrovich Belyaev, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4072-2342, **Researcher ID:** E-7026-2016

e-mail: igorbelyaev@list.ru

Valeria Alexandrovna Goncharova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Forensic Medicine and Law Department, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

e-mail: v.a.goncharova@orgma.ru

Aleksandr Mikhaylovich Maksimov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Orenburg, Russia

e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

The paper was submitted: 26.10.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА: ОЦЕНКИ И ПОЗИЦИИ

О. В. Катаева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: olgakataeva@sfnedu.ru

***Аннотация.** Развитие цифровых технологий, появление цифровых объектов, их возрастающее влияние на общество, культуру и человека обуславливает изменения в различных сферах социального и человеческого бытия. Для описания данных процессов используются понятия цифровизации и виртуализации. Статья нацелена на рассмотрение воздействия современных технологий на культуру и жизненный мир человека. Для этого проводится анализ понятий цифровизации, виртуализации и виртуализации жизненного мира, а также рассматриваются подходы и оценки данных процессов, представленные в философской литературе. В статье используются работы отечественных (Иванов Д. В., Касавина Н. А., Миронов В. В., Лешкевич Т. Г., Сокулер З. А., Фролов А. В.) и западных исследователей (А. Кирби, Ю. Хуэй, О. Оллинахо, Э. Шмидт, Дж. Коэн). Методологической основой является принцип социокультурной детерминации, обуславливающий воздействие современной цифровой эпохи на жизненный мир человека, а также семантический анализ понятий. Основные выводы состоят в следующем. Во-первых, цифровизация и виртуализация – это два взаимосвязанных процесса современности, при том, что виртуализация обусловлена цифровизацией. Во-вторых, понятие цифровизации означает современный этап научно-технического и технологического развития, понятие виртуализации – наделение всех сфер человеческой жизни особенностями виртуальной реальности, понятие виртуализация жизненного мира – дополнение и изменение жизненного мира человека миром виртуальной реальности. В-третьих, цифровые объекты и технологии определяют появление новых исследовательских областей – цифровой онтологии и диджимодернизма. В-четвёртых, цифровизация и виртуализация жизненного мира получают как положительные (расширение возможностей развития личности, экономия ресурсов и т. п.), так и отрицательные оценки (подмена реального мира виртуальным, отсутствие целостности сознания, интернет-зависимость). Противоположные оценки проблематизируют исследования данных процессов с позиции, как онтологии и теории познания, так и аксиологии, этики, философии науки и техники.*

***Ключевые слова:** цифровизация, виртуализация жизненного мира, виртуальный человек, цифровая онтология, оценки.*

***Благодарности.** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00298.*

***Для цитирования:** Катаева О. В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 129–136. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-129.*

DIGITALIZATION AND VIRTUALIZATION OF THE LEFWORLD: ASSESSMENTS AND POSITIONS

O. V. Kataeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: olgakataeva@sfnedu.ru

***Abstract.** The development of digital technologies, the emergence of digital objects, their increasing influence on society, culture and people determine changes in various spheres of social and human life. The concepts of digitalization and virtualization are used to describe these processes. The article is aimed at consideration of the impact of modern technologies on the culture and lifeworld of a person. For this, an analysis of the concepts of digitalization, virtualization and virtualization of the lifeworld is carried out, as well as approaches and assessments of these processes presented in the philosophical literature are proposed. The article uses the works of Russian (Ivanov D. V., Kasavina N. A., Mironov V. V., Leshkevich T. G., Sokuler Z. A., Frolov A. V.) and Western researchers (A. Kirby, Yuk Hui, O. Ollinaho, E. Schmidt, J. Cohen). The methodological basis is the principle of sociocultural determination, which determines the impact of the modern digital era on the lifeworld of a person, as well as the semantic analysis of the concepts. The main findings are as follows. First, digitalization and virtualization are two*

interconnected processes, while virtualization is driven by digitalization. Secondly, the concept of digitalization means the modern stage of scientific, technical and technological development, the concept of virtualization is endowing all spheres of human life with the features of virtual reality, the concept of virtualization of the lifeworld is the addition and change of the lifeworld of a person with the world of virtual reality. Thirdly, digital objects and technologies determine the emergence of new research areas – digital ontology and digimodernism. Fourthly, digitalization and virtualization of the lifeworld receive both positive (expanding the possibilities for personal development, saving resources, etc.) and negative assessments (replacing the real world with a virtual one, lack of integrity of consciousness, Internet addiction). Opposite assessments problematize the study of these processes from the standpoint of both ontology and the theory of knowledge, and axiology, ethics, philosophy of science and technology.

Key words: digitalization, virtualization of the lifeworld, virtual person, digital ontology, assessments.

Acknowledgements. This article was financially supported by the RFBR grant no. 19-011-00298.

Cite as: Катаева, О. В. (2020) [Digitalization and virtualization of the life world: assessments and positions]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 129–136. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-129.

Введение

Информационные, цифровые технологии становятся доминирующими и определяющими практически все сферы жизни современного человека: виртуально мы общаемся, отправляем сообщения, узнаём новости, знакомимся, находим друзей, бизнес-партнёров и любимых, получаем образование, читаем книги, слушаем музыку, смотрим фильмы, ищем работу, планируем путешествия, посещаем музеи и выставки, осуществляем сделки, развешиваем творческие задатки, обучаем и т. д. Цифровизация и виртуализация – два важнейших процесса, происходящих в современной информационно-насыщенной эпохе и требующих социально-гуманитарного и философского анализа, осмысления их возможностей и перспектив, выявления последствий этих процессов, оценки их влияния на человека и общество. Данное исследование предполагает решение трёх основных задач: во-первых, семантический анализ и определение понятий цифровизации и виртуализации жизненного мира; во-вторых, проблематизация явления виртуализации жизненного мира в современную эпоху; в-третьих, выявление различного рода оценок процесса виртуализации с использованием метода социокультурной детерминации.

Цифровизация как состояние современности

Начиная с XXI века, современная эпоха всё чаще получает название цифровой эры, а оценки влияний на человека и его жизненный мир становятся неоднозначными и амбивалентными.

Понятие цифрового используется в таких концептах как «цифровая эпоха» [7, 10], «цифровой мир» [11], «цифровой человек» [8], «цифровизация» [4], «цифродернизм» [14] и т.п. Слово «цифровой», используемое в различных сочетаниях, означает способ представления и хранения информации в двоичном формате (0–1) в современной электронике и электротехнике. Оно не случайно появляется в дискурсе. Причиной этого стало не

просто возросшая роль информации в современном мире и каждодневных практиках человека, но стремительное и расширяющееся с геометрической прогрессией развитие и повсеместное распространение цифровых компьютерных технологий, без которых передача информации невозможна.

В книге с характерным названием «Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства» её авторы Э. Шмидт и Дж. Коэн следующим образом оценивают современные цифровые технологии и их влияние на нашу жизнь: «Мы одинаково смотрим на потенциал высокотехнологичных платформ и на власть, которой они обладают... Мы уверены, что такие современные высокотехнологичные платформы, как Google, Facebook, Amazon и Apple, даже могущественнее, чем считает большинство людей, и будущий мир ждёт глубокие изменения в результате их успешного развития и повсеместного распространения. Эти платформы представляют собой настоящую смену парадигмы, подобно изобретению телевидения, и основная их сила заключается в способности расти, то есть в скорости изменения масштабов. Почти ничто не может сравниться со скоростью, эффективностью и агрессивностью распространения этих платформ – разве что биологические вирусы, и это наделяет соответствующей властью тех, кто их строит, контролирует и использует» [11, с. 18.]. Современные цифровые технологии и их влияние на практически все аспекты деятельности человека определяются как мощная сила, как новая властная структура, изменяющая конфигурацию социального бытия и жизненного мира человека. При этом технологии не полагаются в качестве чего-то устрашающего, а лишь в качестве того, что сделает жизнь человека иной, предоставив ему больше возможностей и позволив более глубоко и целостно раскрывать свои способности.

В современной философии вопрос появления и внедрения цифровых технологий обсуждается в различных философских дисциплинах, в том чи-

сле, онтологии. Для философии возникает новая задача – принять понятие «*цифровой онтологии*» («*digital ontology*») и начать осуществлять исследования в этой области. Данное понятие было предложено философом Эдвардом Фредкиным (Edward Fredkin), профессором Университета Карнеги-Меллона. Основой онтологии у него выступает двоичный код (0–1) по аналогии с первоначально древнегреческих философов [13]. Юк Хуэй, исследователь из университета Баухауса в Веймаре (Германия), использует понятие, введённое Э. Фредкиным, указывая на его большой потенциал для философских исследований. Цифровая онтология учитывает особенности современного технического прогресса, цифровых технологий, цифровых объектов, а также, в целом, природу техники: «Говоря о бытии, необходимо учитывать природу техники. Это амбициозная отправная точка» [13]. По мнению Юк Хуэя, понятие онтологии применимо к цифровым объектам, поскольку они становятся связанными с вещами. Юк Хуэй пишет об онтологии как о схеме метаданных, которые становятся вещами, такими же реальными и материальными, как и чистые понятия Канта: «В этом смысле можно говорить об онтогенезе цифровых объектов» [13]. *Цифровые объекты* – это новый тип объектности, который возникает в Интернет-пространстве и благодаря появлению Интернета; это такой тип объектов, с которыми человек взаимодействует, будучи онлайн. К цифровым объектам Юк Хуэйем относятся контент YouTube, профили и их содержание в социальных сетях, по сути дела, это данные и обобщаемые из них метаданные.

З. А. Сокулер в работе «*Фундаментальная онтология*» и онтология дигитального мира» дополняет объём понятия цифровых объектов такими объектами как бинарный код, программы, данные и базы данных [9, с. 7]. Сюда же можно причислить оборудование и технологии, необходимые для осуществления выхода в сеть (смартфон, компьютер, планшет, Wi-Fi, программное обеспечение и т. п.). Таким образом, к цифровым объектам следует отнести цифровые технологии, а также устройства, позволяющие им функционировать, и производимый ими продукт в виде данных. Появление цифровых объектов вызывает необходимость их философского осмысления для выявления онтологического статуса этих объектов, построения онтологий. В цифровой онтологии Юк Хуэя отмечается отсутствие оценочных суждений применительно к цифровым объектам, аксиологический анализ не применяется, также не обнаруживается требований гуманитарной экспертизы таких объектов. На наш взгляд, выделение цифровых объектов в качестве объектов, составляющих определённую сферу реальности, и построение цифровой онтологии, в которую включён человек, по-

скольку именно для удовлетворения человеческих потребностей создаются цифровые технологии, требуют использования ценностного подхода в исследованиях любого рода, связанных с человеком, его сознанием, жизненным миром. Именно потому, что человек оказывается стремительно и властно вовлечённым во взаимодействие с цифровыми объектами, разработка «голой» цифровой онтологии может скрыть важные проблемы и опасности, связанные с развитием цифровых технологий.

Понятие «цифровой» («digital») применяется в теориях, которые ставят перед собой задачу понять и описать современное состояние культуры, определяемое как постпостмодернизм. Цифровизация, порождённая развитием технологий, в том числе цифровых и компьютерных, начиная с конца XX века и продолжившаяся уже в XXI веке, закономерным образом приводит к новому этапу в осмыслении и выражении культуры, следующему за постмодернизмом. Британский теоретик культуры Алан Кирби разрабатывает постпостмодернистскую концепцию – *диджимодернизм* (или цифромодернизм) – которая стремится осмыслить состояние современной культуры (прежде всего, массовой культуры на примере компьютерных игр, кино, телевидения, музыки, литературы) и современную социальную реальность. В случае анализа общества А. Кирби вводит понятие *псевдоаутизма*, которое «является столь же центральным для диджимодернизма, как невроз для модернизма и шизофрения для постмодернизма» [12, р. 250]. Псевдоаутизм имеет сходство с известным психическим расстройством – аутизмом, поскольку проявляет себя в замкнутости человека, закрытости, отчуждённости от личного взаимодействия, оторванности от общества [14, р. 230]. А. Кирби использует концепцию псевдоаутизма «как скальпель, чтобы проанализировать, как псевдоаутичные черты противостоят культурным и социальным силам, пронизывающим современное западное общество» [12, р. 250]. В этом смысле псевдоаутизм отражает важную негативную особенность современного общества: сведение личного процесса общения к текстовым сообщениям, причиной чего стало развитие массовых цифровых технологий. Таким образом, А. Кирби подчёркивая особенности современных культуры и общества, вызванные прогрессом технологий и повсеместным внедрением цифровых технологий, выделяет их отрицательные последствия на фоне в целом положительной оценки процесса цифровизации культуры.

Виртуализация действительности

Новый этап в развитии культуры также связывают с виртуализацией, которая ведёт к констатации факта замены реальности квазиреальностью. *Виртуализация* – это процесс успешного

вовлечения цифровых технологий в практически все сферы человеческой жизни, наделение их особенностями виртуальной реальности (опосредованность техническими устройствами, символичность, иллюзорность, погружённость, эмоционально-образный характер воздействия, свобода самовыражения и т. п.). Виртуализация проникает в нашу повседневность, в жизненный мир каждого человека, отдаляя его от реальности вовлечением в иллюзорно-сконструированную виртуальную действительность. В. В. Миронов проблематизирует сложность различения реальности как таковой и виртуальной реальности и пишет о виртуализации повседневности, сравнивая её с миром теней пещеры Платона: человек сознательно приковывает себя к виртуальному миру в смартфоне, и, таким образом, отказывается от решения реальных проблем действительности, принимает за истину только то, что дано ему непосредственно, в данном случае, в мире виртуальном, на экране смартфона [6]. Эту идею поддерживают и другие авторы, например, исследователь из Хельсинкского университета Осси Оллинахо пишет о том, что «виртуализация, со своей стороны, может рассматриваться как дальнейший процесс, посредством которого люди начинают все больше и больше переходить в виртуальные миры» [15, р. 206]. Человек оказывается в плену образов сконструированных, которые создают новый мир, являющейся подобием подлинной реальности. Неразличение виртуального, иллюзорного, мира и реальности рассматривается как стремление человека вырваться из сложности и проблемности повседневности, убежать от трудностей и обыденности реальности и оценивается негативно. Действительно, часто рутинный характер и, как следствие, потеря смысла каждодневных действий, отсутствие ярких впечатлений становятся причиной «убегания» в доступный практически мгновенно виртуальный мир, когда за пару кликов мышью или касаний экрана смартфона, открываются новые впечатления и пробуждаются яркие эмоции. С одной стороны, такое отвлечение иногда полезно для человека, оно выполняет функцию психологической разгрузки, снятия напряжения и имеет развлекательно-познавательный характер. С другой стороны, погружение в виртуальный мир влечёт усиление бессмысленности и абсурдности реальности. Поэтому отрешённость от мира реального, погружённость в иллюзорную, символическую реальность мира виртуального, эскапистские устремления – всё это отмечается в качестве негативных тенденций виртуализации.

Понятия «цифровой» и «виртуальный», «цифровизация» и «виртуализация»

Как можно заметить, часто понятия «цифровой» и «виртуальный», «цифровой человек» и «виртуаль-

ный человек», «цифровая личность» и «виртуальная личность», «цифровизация» и «виртуализация» выступают в качестве синонимов. Понятие «цифровой человек» («цифровая личность») используется, например, для понимания ролей и функций личности, онлайн-участников социальной практики в сетевом обществе или сетевом взаимодействии [8]. Синонимичным понятию цифрового человека оказывается понятие *виртуального человека*. Он описывается как представитель сетевого сообщества, как субъект Интернета, но при этом обладающий *виртуальным сознанием*, которое имеет следующие черты: клиповость, или коллажность; специфический способ установления логических связей, или гипертекстуальность; возможность работать с различными информационными средами, или «распределённость»; полифоничность [3].

Понятие «виртуальный человек» в современных англоязычных научных исследованиях используется в смысле виртуальной модели человека в виртуальной реальности, специально созданного в виртуальной среде объекта, по отношению к которому изучается социальное взаимодействие, например, влияние сексуального влечения [18]; или как виртуальная модель человека для проведения эксперимента в виртуальной среде [17]. Можно сделать вывод, что использование понятия виртуального человека в данном контексте имеет функциональное и прикладное значение, необходимое для конкретных психологических исследований с применением метода компьютерного моделирования; понятие «виртуальный человек» не нагружено оценочным контекстом, не получает позитивных или негативных оценок. Таким образом, понятия «цифровой» и «виртуальный» в сочетании с понятием «человек» выступают как синонимы.

Семантика понятий цифровизации и виртуализации имеет свою специфику. Понятие *цифровизации* в исследовательской литературе используют для демонстрации нового технологического этапа в развитии общества и культуры, связанного с развитием именно цифровых (в более широком смысле, информационных) технологий. Цифровизация – это объективный процесс научно-технического развития информационных, компьютерных, цифровых технологий. Понятие *виртуализации* применяется для описания процессов, обусловленных цифровизацией, связанных с взаимодействием человека и его сознания с цифровыми технологиями, возможностью погружения в виртуальное пространство, созданное цифровыми технологиями. Виртуализация, во-первых, рассматривается со стороны субъекта, с позиции антропологического измерения, поэтому, как правило, встречаются понятия «виртуализация жизненного мира» [5, 13], «виртуализация повседневности» [6]. Во-вторых, виртуализация понимается как замещение реальных процессов и явлений

виртуальными, то есть происходящими в виртуальной среде [1], или как наделение их особенностями виртуальной реальности.

Оценки виртуализации жизненного мира

Цифровизация, как объективный процесс развития цифровых технологий, в отношении к человеку и его личности предстаёт как *виртуализация жизненного мира*, то есть проникновение и включение в жизненный мир виртуальных процессов и взаимодействий в качестве важных составляющих. *Жизненный мир* понимается как интересобъективный мир повседневности осознающего и переживающего человека, мир получения нового опыта, мир смыслов и значений. *Виртуализация жизненного мира* понимается как дополнение жизненного мира миром виртуальной реальности, продуцируемой современными цифровыми технологиями: интересобъективность жизненного мира всё больше оказывается представленной в виртуальном социальном взаимодействии; повседневность неразрывно связана с цифровыми технологиями; сфера получения новых опыта и смыслов расширилась за счёт возможностей виртуальной реальности Интернета.

Виртуализации и её влияние на личность человека достаточно активно обсуждается в исследовательской литературе с акцентом на проблематичность этого влияния и его отрицательные последствия. Во-первых, рассматривается проблема отсутствия целостного сознания, разрозненности внутреннего мира личности, формирования «клип-сознания», «коллажности» сознания и «клип-культуры». Во-вторых, поднимается проблема кризиса самоидентификации человека: с одной стороны, в виртуальной среде человеку открывается возможность разносторонней представленности своей личности, с другой стороны, происходит растворение в сконструированном, иллюзорном образе, размывание идентичности. Раздробленность сознания и трудности идентификации личности получают негативные оценки. В-третьих, ещё одна проблема, обусловленная виртуализацией жизненного мира и также отрицательно оцениваемая, – это Интернет-зависимость. Её симптомами называют: «уход от реальности»; навязчивое желание войти в Интернет; более частое использование Интернета, чем это практически необходимо; потеря интереса к другим социальным, профессиональным и досуговым мероприятиям; игнорирование физических или психологических последствий использования Интернета» [2, с. 134]. Подобное негативное отношение к Интернету, видео- и компьютерным играм усиливается, если речь идёт о детском или подростковом сознании, о только формирующемся восприятии действительности.

Тем не менее, проводятся научные исследования, которые не делают категорических выводов об отрицательном влиянии Интернет-культуры,

цифровых технологий и компьютерных игр не только на взрослых, но и на подростков и детей. В статье 2019 года с названием «Связь между благополучием подростков и использованием цифровых технологий» было проведено масштабное исследование, в котором анализировались данные о 355358 подростках. Исследователи Оксфордского университета Эми Орбен и Эндрю Пшибэльски поставили перед собой цель тщательно изучить влияние цифровых технологий (гаджеты, социальные сети, видеоигры и т.п.) на психическое состояние подростков. В результате авторы исследования пришли к выводу, что связь между использованием цифровых технологий и благополучием подростков достаточно мала и объясняет не более 0,4% различий в уровне благополучия [16]. Исследуемое явление слишком сложное, нелинейное и иерархическое, чтобы давать однозначные ответы о влиянии цифровых технологий на психическое состояние подростков, которое требует учёта социальных, экономических, психологических факторов, имеющих место в семье.

Заключение

Таким образом, цифровизация и виртуализация: активное использование цифровых устройств и технологий, расширение Интернет-пространства и влияния Интернета, увеличение доли деятельности, активного сетевого взаимодействия, погружённость в виртуальные миры – становятся объективной реальностью, а также действенной силой в контексте широкомасштабного охвата этими процессами всех сфер человеческого бытия. Цифровизацию и виртуализацию жизненного мира следует рассматривать как новый этап в культуре, который изменяет мир опыта и повседневного бытия человека, трансформирует отношение к реальности, дополняя её новой сферой виртуального пространства. Реальность всё больше трактуется не как реальность объективного мира, реально существующих физических предметов, а как реальность жизненного мира, мира нашего опыта, в который органично включается мир виртуального пространства.

Цифровизация и виртуализация становятся объектами исследования в контексте различных философских подходов. Появление цифровых объектов порождает необходимость их философского осмысления и разработки нового раздела онтологии – цифровой онтологии. В контексте культурологического и социально-философского подхода цифровизация и виртуализация могут быть осмыслены с позиции диджимодернизма. С точки зрения аксиологического подхода анализируются последствия развития цифровых технологий и виртуализации жизненного мира по отношению к человеческой личности, его мировоззрению, ценностям, смыслу существования.

Анализ понятий цифровизации и виртуализации жизненного мира позволяет выявить специфику этих понятий, которые взаимосвязаны друг с другом, иногда предполагают синонимичную семантику, и являются результатом развития цифровых технологий. Цифровизацию можно определить как новый этап научно-технического развития информационных, компьютерных, цифровых технологий. Виртуализация – это понятие для описания процессов, обусловленных цифровизацией и связанных с возможностью погружения сознания в виртуальную реальность, продуцируемую цифровыми технологиями. Понятие виртуализации жизненного мира означает процесс изменения жизненного мира в контексте цифровизации.

Виртуализация жизненного мира как одна из

особенностей современной эпохи получает амбивалентные оценки в исследовательской литературе. Положительные оценки высказываются в связи с тем, что цифровые технологии предоставляют доступ к информации и знаниям, способствуют развитию личности, открывают новые возможности, позволяют легче устанавливать коммуникацию, экономят время и ресурсы и т. д. В то же самое время негативные оценки даются таким явлениям, как неразличение для сознания реального и иллюзорного, фрагментарность сознания, сложности самодентификации человека, интернет-зависимость. Роль и первых, и вторых оценок важна, так как они указывают на проблемы, связанные с цифровыми технологиями, способствуют прогнозированию развития технологий, расширяют исследования.

Литература

1. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с.
2. Касавина Н. А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 55. – № 4. – С. 129–142.
3. Кириллова Н. Б., Пестова А. В. «Виртуальный человек» как феномен новой культурной цивилизации // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 4А. – С. 628–641.
4. Лешкевич Т. Г. Проблемы цифровизации и Большая наука // Потенциал региональной науки как ресурс повышения эффективности в реализации национальных проектов на юге России: материалы форума научной общественности Юга России, посвящённого 100-летию со дня рождения Ю. А. Жданова (Ростов-на-Дону, 12–13 ноября 2019 г.). – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. – 348 с. – С. 304–309.
5. Лешкевич Т. Г., Катаева О. В. Рефлексивность и виртуализация жизненного мира // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» (Москва, 17–18 октября 2019 г.). – М.: Когито-Центр, 2019. – 396 с. – С. 205–210.
6. Миронов В. В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35. – Вып. 1. – С. 4–24.
7. Моисеева О. А. Современные подходы к исследованию психологических особенностей человека цифровой эпохи // Актуальные проблемы гуманитарного знания. Сборник статей. Гуманитарно-социальный институт. – М.: Издательство «Перо», 2018. – С. 71–75.
8. Рябченко Н. А., Шестакова А. А. Цифровой человек: границы коммуникативных практик в сетевом взаимодействии // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 57-го междунар. форума (19–20 апреля, 2018 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. № 2. В 2-х томах. Т. 2. – СПб.: Высш. шк. журн. и мас. Коммуникаций, 2018. – 356 с. – С. 121–122.
9. Сокулер З. А. «Фундаментальная онтология» и онтология дигитального мира // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2017. – № 6. – С. 3–17.
10. Фролов А. В. Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем // Философия и общество. – 2019. – № 1 (90). – С. 18–38.
11. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
12. Bonfiglioli C. Book review: Alan Kirby, Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture, Continuum: New York and London, 2009; vi + 282 pp. // Discourse & Communication. 2013. 7(2). Pp. 248–251. (In Eng.).
13. Geert Lovink and Yuk Hui. Digital Objects and Metadata Schemes [Электронный ресурс] // E-flux. Journal #78 December 2016. – Режим доступа: <https://www.e-flux.com/journal/78/82706/digital-objects-and-metadata-schemes/> (дата обращения: 07.08.2020). (In Eng.).
14. Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London: Continuum. 2006. 282 pp. (In Eng.).
15. Ollinaho O. I. Virtualization of the life-world // Human Studies. 2018. 41. Pp. 193–209. (In Eng.).

16. Orben, A., Przybylski, A. K. The association between adolescent well-being and digital technology use // *Nature Human Behaviour*. 2019. № 3. Pp. 173–182 // DR AMY ORBEN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.amyorben.com/pdf/2019_orbenprzybylski_nhb.pdf (дата обращения 17.08.2020). (In Eng.).
17. Reim, M. M. E., Kunst, L. E., Steenbakkens, F. D. F., Kir, M., Sluijtmans, A., Karreman, A., Bekker, M. H. J. Oxytocin reduces interpersonal distance: Examining moderating effects of childrearing experiences and interpersonal context of virtual reality // *Psychoneuroendocrinology*, 2019. 108, pp. 102–109 // ScienceDirect. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306453019302173?via%3Dihub> (дата обращения 10.08.2020). (In Eng.).
18. Welsch, R., von Castell, C., Rettenberger, V., Turner, D., Hecht, H., Fromberger, P. Sexual attraction modulates interpersonal distance and approach-avoidance movements towards virtual agents in males // *PLoS ONE*. 2020. 15 (4) // PLOS ONE. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231539> (дата обращения 10.08.2020). (In Eng.).

References

1. Ivanov, D. V. (2002) *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0*. [Virtualization of Society. Version 2.0]. St. Petersburg: “Petersburg Oriental Studies”, 224 p.
2. Kasavina, N. A. (2019) [Man and Technology: Ambivalence of Digital Culture]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 55. No. 4, pp. 129–142. (In Russ., abstract in Eng.).
3. Kirillova, N. B., Pestova, A. V. (2017) [“Virtual Person” as a Phenomenon of a New Socio-Cultural Civilization]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization]. Vol. 7. Iss. 4A, pp. 628–641. (In Russ., abstract in Eng.).
4. Leshkevich, T. G. (2019) [Problems of Digitalization and Big Science]. *Potentsial regional'noy nauki kak resurs povysheniya effektivnosti v realizatsii natsional'nykh proyektov na yuge Rossii: materialy foruma nauchnoy obshchestvennosti Yuga Rossii, posvyashchonnogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya YU. A. Zhdanova (g. Rostov-na-Donu, 12–13 noyabrya 2019 g.)* [Potential of regional science as a resource for increasing efficiency in the implementation of national projects in the south of Russia: materials of the forum of the scientific community of the South of Russia, dedicated to the 100th anniversary of the birth of Y. A. Zhdanov (Rostov-on-Don, November 12–13, 2019)]. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation, 348 p., pp. 304–309. (In Russ.).
5. Leshkevich, T. G., Kataeva, O. V. (2019) [Reflexivity and Virtualization of the Lifeworld]. *Refleksivnyye protsessy i upravleniye. Sbornik materialov XII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo mezhdistsiplinarnogo simpoziuma «Refleksivnyye protsessy i upravleniye» 17–18 oktyabrya 2019 g., Moskva* [Reflexive Processes and Control. Collection of materials of the XII International Scientific and Practical Interdisciplinary Symposium “Reflexive Processes and Control” October 17–18, 2019, Moscow]. Moscow: Kogito-Center, 396 p., pp. 205–210. (In Russ., abstract in Eng.).
6. Mironov, V. V. (2019) [Plato and the Modern Big-data Cave]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. [Bulletin of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. Vol. 35. Iss. 1, pp. 4–24. (In Russ., abstract in Eng.).
7. Moiseeva, O. A. (2018) [Modern Approaches to the Study of the Psychological Characteristics of a Person in the Digital Era]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnogo znaniya. Sbornik statey. Gumanitarno-sotsial'nyy institut*. [Actual problems of humanitarian knowledge. Digest of articles. Humanitarian and social institute]. Moscow: Publishing house “Pero”, pp. 71–75. (In Russ.).
8. Ryabchenko, N. A., Shestakova, A. A. (2018) [Digital Person: the Boundaries of Communicative Practices within the Framework of Network Interaction]. *Vek informatsii. Media v sovremennoy mire. Peterburgskiy chteniya: mater. 57-go mezhdunar. foruma (19–20 aprelya 2018 g.)*. [Information Age. Media in the modern world. Petersburg readings: mater. 57th int. forum (April 19–20, 2018)]. St. Petersburg. Vol. 2. 356 p., pp. 121–122. (In Russ., abstract in Eng.).
9. Sokuler, Z. A. (2017) [“Fundamental Ontology” and the Ontology of Digital World]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow University]. Ser. 7. Philosophy. Vol. 6, pp. 3–17. (In Russ., abstract in Eng.).
10. Frolov, A. V. (2019) [Phenomenology in the Digital Age: an Overview of the Problems]. *Filosofiya i obshchestvo*. [Philosophy and Society]. Vol. 1 (90), pp. 18–38. (In Russ., abstract in Eng.).
11. Schmidt, E., Cohen, J. (2013) *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudey, modeli biznesa i ponyatiye gosudarstv* [The New Digital Age. Reshaping the Future of People, Nations and Business]. Trans. from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 368 p.
12. Bonfiglioli, C. (2013) Book review: Alan Kirby, *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*, Continuum: New York and London, 2009; vi + 282 pp. *Discourse & Communication*, 7(2), pp. 248–251. (In Eng.).
13. Geert Lovink and Yuk Hui. (2016) Digital Objects and Metadata Schemes // *E-flux. Journal #78 December*

2016. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/78/82706/digital-objects-and-metadata-schemes/> (accessed: 07 August 2020). (In Eng.).

14. Kirby, A. (2006) Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture. *New York, London: Continuum*. 282 pp. (In Eng.).

15. Ollinaho, O. I. (2018) Virtualization of the life-world. *Human Studies*, 41, pp. 193–209. (In Eng.).

16. Orben, A., Przybylski, A. K. (2019) The association between adolescent well-being and digital technology use. *Nature Human Behaviour*, no 3, pp. 173–182. Available at: https://www.amyorben.com/pdf/2019_orben-przybylski_nhb.pdf (accessed: 17 August 2020). (In Eng.).

17. Reim, M. M. E., Kunst, L. E., Steenbakkens, F. D. F., Kir, M., Sluijtmans, A., Karreman, A., Bekker, M. H. J. (2019) Oxytocin reduces interpersonal distance: Examining moderating effects of childrearing experiences and interpersonal context of virtual reality. *Psychoneuroendocrinology*, 108, pp. 102–109. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306453019302173?via%3Dihub> (accessed: 10.08.2020). (In Eng.).

18. Welsch, R., von Castell, C., Rettenberger, V., Turner, D., Hecht, H., Fromberger, P. (2020) Sexual attraction modulates interpersonal distance and approach-avoidance movements towards virtual agents in males. *PLoS ONE*, 15 (4). Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231539> (accessed: 10.08.2020). (In Eng.).

Информация об авторе:

Ольга Владимировна Катаева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ORCID ID: 0000-0001-7426-7777

e-mail: olgakataeva@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию: 01.11.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Olga Vladimirovna Kataeva, PhD in Philosophy, assistant professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7426-7777

e-mail: olgakataeva@sfedu.ru

The paper was submitted: 01.11.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

А. В. Опошнянский

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова, Краснодар, Россия
e-mail: AlekseyVO9@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме модернизации российского социума, которая является центральной с практической и теоретической точки зрения для существования российского государства. Она сопряжена с характером культуры российской цивилизации, с тем социокультурным типом личности и общества, который требует своего переформатирования. Речь идет как о традиционных механизмах, участвующих в воспроизводстве российского социума, так и о инновационных факторах развития. Основное внимание уделяется современному цивилизационному Вызову, который растянулся на несколько десятилетий. Даже такое грандиозное преобразование, как деконструкция СССР, не привело к Ответу на Вызов. Закрытый, авторитарный тип российского социума с дуполюсным традиционным культурным кодом способен к модернизации только лишь за счет использования в качестве рычага трансформации внешнего фактора. В статье характеризуется специфика российской цивилизации в связи с особенностями модернизации на стадии перехода к постиндустриальному социуму. Этот переход включал кризис дуполюсного социокультурного кода, отраженного в советской идеологии и социальной практике, преодоление закрытости страны, использование социальных и технологических новаций Запада. Дуполюсный код не обеспечивал перестройку и переход к постиндустриальной цивилизации за счет заимствования технологических и социальных инноваций.*

Современная онтология социальности конструируется синергией медиавзаимодействий. Медиазнание является словом и делом, конструирующим и формирующим социальную реальность. В настоящее время гуманитарные науки могут быть антропологически действенными, если превратятся в медиазнание, которое конструирует и формирует социальную реальность. Носителями социально-антропологического конструирования являются обладающие социальной энергией акторы – ученые, изобретатели, социальные инженеры, менеджеры, креативные субкультуры. Традиционный национальный социокод постепенно трансформируется под влиянием глобализации, адаптируется к ней, либо агрессивно-экстремистски вступает в борьбу с постмодернизацией (фундаменталистский экстремизм). Постмодернизация российского социума включает в себя его диверсификацию, проявляется также во множественности интенции в будущем. Дуполюсный код негативной идентичности преодолевается, по законам синергетики, через хаос. Новая социальность формируется либо стихийно, либо методом управляемого хаоса, если к этому созреют отечественные управленцы, которые пока поддерживают российский социум в состоянии вялой стагнации. Однако принцип бифуркации напоминает нам, что будущее неоднозначно. Не овладев искусством управляемого хаоса, нельзя сделать продуктивный шаг в социальном управлении и развитии.

***Ключевые слова:** российский социум, модернизация, культура, механизмы трансформации и модернизации.*

***Для цитирования:** Опошнянский А. В. Проблема модернизации российского социума // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 137–143. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-137.*

THE PROBLEM OF RUSSIAN SOCIETY MODERNIZATION

A. V. Oposhnyansky

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov, Krasnodar, Russia
e-mail: AlekseyVO9@yandex.ru

***Abstract.** The article is devoted to the problem of modernization of the Russian society, which is central from a practical and theoretical point of view for the existence of the Russian state. It is connected with the nature of the culture of Russian civilization, with the sociocultural type of personality and society that requires its reformatting. These are both traditional mechanisms involved in the reproduction of Russian society and innovative development factors. The focus is on the modern civilizational Challenge, which has stretched over several decades. Even*

such a grandiose transformation as the deconstruction of the USSR did not lead to the Answer to the Challenge. A closed, authoritarian type of Russian society with a two-dimensional traditional cultural code can be modernized only by using an external factor as a transformation lever. The article describes the specifics of Russian civilization in connection with the peculiarities of modernization at the stage of transition to post-industrial society. This transition included a crisis of a two-dimensional sociocultural code reflected in Soviet ideology and social practice, overcoming the closure of the country, and using the social and technological innovations of the West. The two-dimensional code did not provide restructuring and transition to post-industrial civilization by borrowing technological and social innovation.

Modern ontology of sociality is constructed by synergy of media interactions. Media is a word and deed that designs and formats social reality. At present, the humanities can be anthropologically effective if they turn into media design that designs and formats social reality. The creators of social and anthropological design are social energy actors - scientists, proactive subcultures. The traditional national sociocode is gradually transformed under the influence of globalization, adapted to it, or aggressively extremist enters the fight against postmodernization (fundamentalist extremism). The postmodernization of the Russian society includes its diversification, also manifests itself in a multiplicity of intents into the future. The two-dimensional code of negative identity is overcome, according to the laws of synergy, through chaos and new sociality will be formed either spontaneously or by the method of managed chaos, if domestic managers, who still keep the Russian society in a state of sluggish stagnation, are ripe for it. However, the principle of bifurcation reminds us that the future is ambiguous. Without mastering the art of managed chaos, one cannot take a productive step in social governance and development.

Key words: Russian society, modernization, culture, transformation and modernization mechanisms.

Cite as: Oposhnyansky, A.V. (2020) [The problem of Russian society modernization]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 137–143. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-137.

Введение

Одной из самых актуальных задач современного российского социума является проблема его модернизации. В начале XX века образ модернизации включал в себя три основных двигателя, трансформирующих социум: демократизацию, в рамках государства-нации, либеральную рыночную экономику и исследовательский университет [29]. Общество Модерна в наиболее адекватной степени должно было воплотить просвещенческий идеал разумности (рациональности) и свободы.

Решение этой проблемы назрело еще в советские времена, когда в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1986 г., ставилась задача соединить достижения НТП (научно-технического прогресса) с преимуществами социалистической системы хозяйствования. Однако эта задача в 1970–1980 гг. из пятилетки в пятилетку не находила своего решения. Говоря культурологическим языком, Ответ на Вызов не был найден, в результате чего существовавшая на тот момент социальная, государственная, а, можно сказать, и цивилизационная система советского коммунизма и социалистического сотрудничества были трансформированы. Модернизация советского коммунизма как закрытой авторитарной системы потребовала собственной деконструкции перед глобальным наступлением социальной диверсификации и структуризации постиндустриального типа социума [11].

Однако Ответ на Вызов так и не совершился: российский социум нуждается в собственной рационализации путем модернизации. Модернизация имеется в виду не только технологическая, но и социокультурная. В статье обсуждаются с точки

зрения практически ориентированной философии проблемы модернизации российского социума.

Материал и методы

Материалом являются статьи и монографии, опубликованные в открытой печати или в электронных изданиях и посвященные проблемам культурного кода, матричных оснований российского социума. Основным методом является философский социально-семиотический подход [33], [30], [31], [7], [11]. Эпистемология социальной семиотики рассматривает социокультурные системы как открытые, динамичные знаково-коммуникативные системы [5].

Обсуждение темы

Обсуждение темы модернизации культурных матричных кодов российской цивилизации ведется в работах А. И. Артюхова и Т. Ю. Данильченко [1], Р. С. Браславского [3, С. 41], К. В. Воденко [4], В. П. Гриценко [8], В. Ю. Даренского [9], А. М. Еременко [10], Н. С. Ищенко [12], С. Г. Кирдина [13], Ю. М. Лотмана [16], А. В. Лубского [17], М. Н. Любавина [18], Talcott Parsons [32], М. К. Петрова [19], В. П. Римского [20], К. В. Самохина [21], А. И. Субетто [22], В. Н. Топорова [24], S. Foulkes [28], Б. А. Успенского [25].

Вопросы социальной генетики социумов и цивилизаций имеют междисциплинарный характер. С одной стороны, они разрабатываются на базе структурно-семиотической методологии, с другой стороны, на основе положений и экстраполяций из биологии, генетики и теории архетипов психоанализа. Так, S. Foulkes считает основанием в соци-

ально-личностной генетике «матрицу», базирующуюся на биологических и ценностных кодах [28, с. 41–42].

А. И. Субетто полагает, что «социогены» определяют развитие общества как самоорганизующейся системы, детерминируют его циклы, они определяют социальный генофонд, ментальность, стереотипы [23, с. 28].

Ритуалы, церемонии, игровое подражание – это также механизмы, выполняющие важную роль в культурной трансляции [27, с. 58–59]. А. И. Еременко даже полагает, что архетипическая программа полагает судьбу этноса [10, с. 17].

Обсуждение и выводы

Не отрицая роль биологических кодов, архетипов, бессознательного, мы полагаем, что социальная история есть сознательно-бессознательный процесс; осуществление ее происходит через сознательную деятельность, при наличии биологических и архетипических детерминант.

Любой социокод формируется как естественно-исторический процесс. Так, кастовый социокод хинду возникает на пересечении избыточного роста населения и закона разделения труда. Жесткая социальная матрица детерминируется кастовым принципом стратификации, распределения труда и предопределения жизненной траектории мировоззрением индуизма. Традиционный китайский социокод имеет патерналистскую семейно-клановую структуру, закодированную в ритуально-нравственной системе регулятивов и мировоззренчески представленную в конфуцианстве и даосизме [2, с. 143–145].

В Российской истории Ф. Прокопович один из первых увязал проблемы естественно-исторического процесса в России с мировоззренческой проблематикой социального переустройства. Автор трактата «О человеке, его смертности и бессмертии» А. Н. Радищев направляет эту проблематику в область антропософии, соединяя смысло-жизненные мотивы смерти/бессмертия с политическим контекстом.

По классификации М. К. Петрова традиционный социокод имеет лично-именной и профессионально-именной характер [19]. Переход к рационально-капиталистическому укладу означал переход на универсально-понятийный код как доминирующий. Идеология этого социокультурного механизма заложена в эпоху Реформации и преимущественно Просвещения. Отечественные философы стремились к новой форме религии – В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, к новой цивилизации: идеальную социальную гармонию В. С. Соловьев видит в Теократии, на пути Богочеловечества; Н. А. Бердяев уповает на экзистенциально-религиозную персоналистическую эсхатологию. В условиях радикальной социально-

политической повестки дня в российском политическом повороте рубежа XIX–XX вв. религиозная мировоззренческая модернизация была заменена светским марксизмом. Марксизм включал в комплекс рационализацию всей системы социально-политических идей [14].

Мировоззренческим ядром большевизма являлось гегельянство, которое идеологически было не чем иным как рационализированным христианство. Этот секрет гегельянства, как известно, был обнаружен Фейербахом [26]. Христианство в традиционной архаичной форме было отодвинуто в сторону рационалистическим атеизмом, а компенсировано рационализированным христианством Гегеля. Диалектика как учение о всеобщем стала всеобщей мировоззренческой системой в Советской России.

В отличие от механицизма Гегелевская диалектическая логика не ориентировалась на четко-дискретную категориальную систему, а допускала текучесть понятий, их расплывчатость и даже «переход противоположностей». С одной стороны оценочный дуализм, с другой – единство и борьба противоположностей. Гегелевская диалектика обслуживала как диалектику классовую борьбу на взаимоуничтожение сторон, так и общую модернизацию российского социума. Она оправдывала насилие диктатуры пролетариата, развитие социума через сверхэксплуатацию работника труда. В советской России диалектическая логика утвердилась как дуалистический социокультурный код познания, мышления и социальной практики.

На специфическую дуальность российского социокода обратил внимание Ю. М. Лотман [15]. Особая трудность, в связи со сказанным, возникает при обсуждении проблемы модернизации российской культуры и ее социокода. Рассматривая эту проблему, Н. С. Ищенко подтверждает в своем исследовании традиционность двупольного культурного кода для России, в том числе и в современную эпоху [12, с. 14–15]. Межкультурная коммуникация с Европой продолжается и на современном этапе. Дуальная модель русской культуры приводит к тому, что в современном секулярном мире полюс положительных значений помещается не в Рай и не в Святое царство, а на Запад как истинную родину культурных ценностей. В Европе господствует культурный архетип фаустовского человека, а создание цельных политических и социокультурных систем на основе второго архетипа, святого царства, затруднено или полностью заблокировано. Попытки трансформации русской действительности в соответствии с этим образцом оказываются катастрофическими. Автохтонная культурная легитимация социально-одобряемого поведения, совместимого с реализацией русского культурного архетипа, так и не найдена.

В начале XX века образ модернизации включал в себя три основных двигателя, трансформирующих социум: демократизацию, в рамках государства-нации, либеральную рыночную экономику и исследовательский университет [33]. Общество Модерна в наиболее адекватной степени должно было воплотить просвещенческий идеал разумности (рациональности) и свободы. В советском социуме это воплотилось в централизованном планировании, просвещении, всеобщем образовании и диктатуре пролетариата как форме демократии.

Воспроизводство общества как культурного единства в европейских странах происходит на следующих основных архетипах [24]: «святость», «богатство», «процветание», «молодость». Этот же семантический ряд коррелируется с концептами «святая земля», «волшебная страна», «идеальный город». В политических проектах этот концепт реализуется в образе Священной Римской империи, колониальных империях, в постколониальных союзах типа Европейского союза. «Римская империя» в наборе своих символов и культурных ценностей предстает как универсалия этого культурно-исторического типа.

Формирование российской модерности в 17–18 вв. происходило на основе традиционного двуполусного кода. Антитетичность двуполусного кода обеспечивает его простоту и общедоступность, однако в процессе изменения традиции и внедрения инновации не остается пространства для социального маневра и доминирует вектор замены поведения анти-поведением. Отсутствие свободного межполусного пространства приводит к тому, что борьба старых и новых ценностей осуществляется конфликтным путем.

В отличие от этого тернарный европейский код сохранял возможность третьего варианта, нейтрального пространства, в рамках которого генерировались интенции нового социального и культурного содержания, генерировались ценности социального компромисса. Напротив, российский социум препятствовал зарождению нового в рамках старого, поэтому такой социум для своего развития требовал импорта социального образца, модели. Марксистская модель модернизации была импортирована из Европы, она включала в себя индустриализацию, демократизацию общественной жизни, научно-технический прогресс, включая школьное образование, развитие исследовательской науки, индустриального мегаполиса, создание социокультурных ценностей.

Переход советской системы от индустриального к постиндустриальному этапу цивилизации означал кризис двуполусной советской идеологии и социальной практики, преодоление закрытости страны и заимствование социальных и технологических новаций на Западе. Двуполусный код советской культуры не обеспечивал органического перехода к иной, постсоветской системе; возникла естественная потребность в ассимиляции социальных, культурных инноваций. Поэтому механизм эмиграции (или уничтожения) культурных слоев и механизм заимствования инноваций являются органичными для дуально-кодового механизма культуры. Механизм модернизации российский социум устроен так, что механизмы исключения он блокирует собственные альтернативы и негацию собственной бифуркации восполняет заимствованием чужой модели [25].

Заключение

История создается в групповом взаимодействии людей, являющихся носителем общего смысла и на этой основе воздвигающих новый мир. Такое совпадение коллективной и личностной идентичности, собственно, есть действие, порождающее историю. В современном социуме для этого существуют мощные глобальные медиа механизмы и медиа средства. Современная история является во многом результатом локальной реализации глобальных медиапроектов. Онтология социальной современности мира есть социальное пространство, сотканное из сети медиавзаимодействий. В настоящее время гуманитарные науки могут быть антропологически действенными, если превратятся в медиазнание, которое конструирует и форматирует социальную реальность. Креаторами социальных структур становятся обладающие энергией медиапродуцирования пассионарии и инициативные субкультуры. Современный традиционный национальный социум трансформируется под влиянием глобализации, адаптируется к ней, либо агрессивно-экстремистски вступает в борьбу с постмодернизацией (фундаменталистский экстремизм). Постмодернизация содержит интенцию множественности, плюрализма, которая позволяет России преодолеть двуполусный код негативной идентичности. Однако окончательный шаг на пути трансформации традиционного культурного кода в инновационно-синергетический еще не сделан. Авторитарно-бюрократическая система управления не способна овладеть методами медийно-синергетического управления, что делает социум вяло стагнирующим.

Литература

1. Артюхов А. И. Данильченко Т. Ю. «Предназначение человека» в социокодах восточных цивилизаций // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – № 2 (22). – С. 52–61.
2. Артюхов А. И. Смысло-жизненные концепты в социокодах культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Белгород, 2017. – С. 143–145.

3. Браславский Р. Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. – 2012. – Том XV, – № 6 (65). – С. 30–49.
4. Воденко К. В. и др. Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – № 6. – С. 78–86.
5. Гаврилова М. В. Социальная семиотика: опыт систематизации теоретической системы // Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы. Политическая наука. – М. – 2016. – № 3. – С. 101–117.
6. Гриценко В. П. Культура: взаимодействие глобализации и регионализации // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 3 (50). С. 7–11.
7. Гриценко В. П. Социальная семиотика. В. П. Гриценко. – Екатеринбург: ИМС. – 2006. – 243 с.
8. Гриценко В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции. Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 3. С. 5–17.
9. Даренский В. Ю. Антропологическая «матрица» русской культуры как фактор российской модернизации. / Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры: труды науч.-практ. конф. (Москва, Пермь, 25 октября 2012 г.). – Ч. 1. М., Пермь: ИФ РАН. – 2012. – С. 88–94.
10. Еременко А. М. История как событийность. Александр Еременко. В 2 т. Т.1. – Луганск: РИО ЛАВД. 2005. – 21 с.
11. Ильин М. В., Фомин И. В. 2018. Социальная семиотика: изучение дискурсов и практик социального взаимодействия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-semiotika-izuchenie-diskursov-i-praktik-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 12.01.2020).
12. Ищенко Н. С. Закономерности трансформации русской культуры в эпоху модернизации: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Луганск, 2019. – 23 с.
13. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию // Изд. 3-е, СПб., Нестор-История. – 2014. – 468 с.
14. Ленин В. И. Три источника три составные части марксизма // Ленин В. И. Полн. Собр. соч. – М.: Издательство политической литературы, 1973. –Т. 23. – С. 43–48.
15. Лотман Ю. М. О семиосфере в 3-х томах Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра. – 1992. – С. 11–24.
16. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Ученые записки Тартуского государственного ун-та. – 1981. – Вып. 515. – С. 3–7.
17. Лубский А. В. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. – 391 с.
18. Любавин М. Н. Архетипическая матрица русской культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Нижний Новгород, 2002. – 245 с.
19. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
20. Римский В. П. Культурно-цивилизационная модель развития России. // Вестник Московского государственного университета культуры. – 2019. – № 3. – С. 10–22.
21. Самохин К. В. Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века [Электронный ресурс] // К. В. Самохин. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2012. – № 9 (17). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-modernizatsii-v-poslepetrovskoy-gossii-xviii-veka/viewer> (дата обращения: 12 января 2019).
22. Субетто А. И. Социогенетика на базе общественного интеллекта: монография. – СПб.: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004 (СПб.: Астерион). – 35 с.
23. Субетто А. И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие // М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – 168 с.
24. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. // Том 1. Первый век христианства на Руси. – М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
25. Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Б. А. Успенский, Ю.М. Лотман. Избр. тр. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 608 с.
26. Фейербах Л. Сущность христианства // Л. Фейербах; переводчик Ю. М. Антоновский. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 307 с.
27. Элиаде М. Космос и история // М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
28. Foulkes S. H., Anthony, E. J. 1957. Group psychotherapy: the psychoanalytic approach. Baltimore: S. 41–42. (in English).

29. Habermas Jürgen. 1985. Der philosophische Diskurs der Moderne, Frankfurt am Main. (in English)
30. Halliday M.A.K. 1978. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. L., Arnold, 256 p. (in English)
31. Hodge R., Kress G. 1988. Social Semiotics. Cambridge: Polity press, 285 p. (in English)
32. Talcott Parsons. 1966. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T.Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall: S. 5–29. (in English)
33. Van Leeuwen T. 2005. Introducing Social Semiotics. L., Routledge, 314. (in English)

References

1. Artyuhov, A. I. Danil'chenko, T. YU. (2019) ["The Purpose of man" in colocado Eastern civilizations]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. [Science. Art. Culture.]. Vol. 2 (22), pp. 52–61. (In Russ.).
2. Artyuhov, A. I. (2017) *Smyslozhiznennye koncepty v sociokodah kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01*. [Life concepts in the social code of culture: dis. ... candidate of Philos. Sciences: 24.00.01.]. Belgorod, pp. 143–145. (In Russ.).
3. Braslavskii, R. G. (2012) [Civilizational perspective in the sociological analysis of modern societies]. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet*. [Journal of sociology and social anthropology. SPb.: Saint Petersburg state University]. Vol. XV. No 6 (65), pp. 30–49. (In Russ.).
4. Vodenko, K. V. and others (2017) [Cultural value-a matrix: a theoretical construct and social reality]. *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanities Of The South Of Russia]. Vol. 6. No. 6, pp. 78–86. (In Russ.).
5. Gavrilova, M. V. (2016) [Social semiotics: experience of systematization of the theoretical system]. *Social'naya semiotika: opyt sistematizacii terminologicheskoy sistemy. Politicheskaya nauka*. [Social semiotics: experience of systematization of the terminological system. Police Science]. Moscow. Vol. 3, pp. 101–117. (In Russ.).
6. Gricenko, V. P. (2013) [Culture: interaction of globalization and regionalization]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life in the South of Russia]. Vol. 3 (50), pp. 7–11. (In Russ.).
7. Gricenko, V. P. (2006) *Social'naya semiotika* [Social semiotics]. Yekaterinburg: IMS. 243 p.
8. Gricenko, V. P. (2014) [Sociocultural codes and mechanisms of cultural translation]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [The science. Art. Culture.]. Vol. 3, pp. 5–17. (In Russ.).
9. Darenskii, V. YU. (2012) [Anthropological "matrix" of Russian culture as a factor of Russian modernization]. *Problemy rossiiskogo samosoznaniya. Religioznye, npravstvennye i pravovye aspekty kul'tury: trudy nauch.-prakt. konf. (Moskva, Perm', 25 oktyabrya 2012 g.)* [Problems of Russian self-consciousness. Religious, moral and legal aspects of culture: proceedings of scientific and practical Conf. (Moscow, Perm, October 25, 2012)]. Perm': IF RAN, pp. 88–94. (In Russ.).
10. Eremenko, A. M. (2005) *Istoriya kak sobytijnost'* [History as eventfulness]. Luhansk: RIO LOVD. Vol. 1., 21 p. (In Russ.).
11. Ilyin, M. V., Fomin, I. V. (2018) Social semiotics: the study of discourses and practices of social interaction. Avialable at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-semiotika-izuchenie-diskursov-i-praktik-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (accessed: 12.01.2020). (In Russ.).
12. Ishchenko, N. S. (2019) *Zakonomernosti transformacii russkoj kul'tury v epohu modernizacii: avtoref. ... kand. filos. nauk: 09.00.13*. [Regularities of transformation of Russian culture in the era of modernization: autoref. ... candidate of Philos. Sciences: 09.00.13.], Lugansk, 23 p. (In Russ.).
13. Kirdina, S. G. (2014) *Institucional'nye matricy i razvitie Rossii: vvedenie v H-Y-teoriyu* [Institutional matrices and the development of Russia: an introduction to x-y theory]. Issue 3, SPb., Nestor-History, 468 p.
14. Lenin, V. I. (1973) [Three sources, three component parts of Marxism]. Moscow: Publishing house of political literature. Vol. 23, pp. 43–48. (In Russ.).
15. Lotman, YU. M. (1992) *O semiosfere* [About semiosphere]. Tallin: «Aleksandra», pp.11–24. (In Russ.).
16. Lotman, YU. M. (1981) [Semiotics of culture and the concept of text]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo unta (Trudy po znakovym sistemam. T. 12: Struktura i semiotika hudozhestvennogo teksta)* [Scientific notes of the Tartu state University (Works on sign systems, Vol. 12: Structure and semiotics of artistic text)]. Issue 515, pp. 3–7. (In Russ.).
17. Lubskij, A. V. (2016) *Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshchestve* [Mental programs and models of social behavior in Russian society] Rostov-on-Don: Foundation of science and education, 391 p.
18. Lyubavin, M. N. (2002) *Arhetipicheskaya matrica russkoj kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01*. [Archetypal matrix of Russian culture: dis. ... candidate of Philos. Sciences: 24.00.01.]. Nizhnij Novgorod, 245 p. (In Russ.).

19. Petrov, M. K. (1991) *Yazik. Znak. Kultura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: Science, 328 p.
20. Rimskij, V. P. (2019) [Cultural and civilizational model of Russia's development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury* [Bulletin of the Moscow state University of culture]. Vol. 3, pp. 10–22. (In Russ.).
21. Samohin, K. V. (2012) *Processy modernizacii v poslepetrovskoi Rossii XVIII veka* [Processes of modernization in post-Petrine Russia of the 18th century]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-modernizatsii-v-poslepetrovskoy-rossii-xviii-veka/viewer> (accessed: 12.01.2019). (In Russ.).
22. Subetto, A. I. (2004) *Sociogenetika na baze obshchestvennogo intellekta* [Sociogenetics based on public intelligence: a monograph.]: *monografiya*. Saint Petersburg: KSU named after N. A. Nekrasov, (Saint Petersburg: Asterion). 35 p.
23. Subetto, A. I. (1994) *Sotsiogenetika: sistemogenetika, obshchestvennyy intellekt, obrazovatel'naya genetika i mirovoye razvitiye* [Sociogenetics: systemogenetics, social intelligence, educational genetics and world development]. Moscow: Research center for quality problems of training specialists, 168 s.
24. Toporov, V. N. (1995) *Svyatost' i svyatyie v russkoi dukhovnoi kul'ture* [Holiness and saints in Russian spiritual culture]. Vol. 1. The first century of Christianity in Russi. Moscow: Gnozis, School «Languages of Russian culture», 875 p.
25. Uspenskij, B. A. (1996) *Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII v.)* [The Role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the XVIII century)]. Elected works. Vol. I. Semiotics of history. Semiotics of culture. 2nd ed. Moscow: School «Languages of Russian culture», 608 p.
26. Fejrbah, L. (2019) *Sushchnost' khristianstva* [The Essence of Christianity]. L. Feuerbach; translator J. M. Antonivs. Moscow: Yurayt publishing house], 307 p. (In Russ.).
27. Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya* [Space and history]. Moscow: Progress [Moscow: Progress], 312 p.
28. Foulkes, S. H., Anthony, E. J. (1957) *Group psychotherapy: the psychoanalytic approach*. Baltimore, pp. 41–42. (In Engl.).
29. Habermas, Jürgen. (1985) *Der philosophische Diskurs der Moderne*, Frankfurt am Main. (In Germ.)
30. Halliday, M. A. K. (1978) *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. L., Arnold, 256 p.
31. Hodge, R., Kress, G. (1988) *Social Semiotics*. Cambridge: Polity press, 285 p.
32. Talcott, Parsons (1966) *The Concept of Society: The Components and Their Interrelations*. In: T. Parsons. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, pp. 5–29. (In Engl.).
33. Van, Leeuwen T. (2005) *Introducing Social Semiotics*. L., Routledge, 314 p.

Информация об авторе:

Алексей Валентинович Опошнянский, кандидат философских наук, доцент, преподаватель 101 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар, Россия
e-mail: AlekseyVO9@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 23.03.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Aleksey Valentinovich Oposhnyansky, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer of the 101st Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov, Krasnodar, Russia
e-mail: AlekseyVO9@yandex.ru

The paper was submitted: 23.03.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ КОНСТРУКТИВИЗМА

Р. Ю. Рахматуллин

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

e-mail: rafat54@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – обоснование тезиса «историческая реальность есть нарратив». Актуальность статьи определяется местом исторического знания как важнейшего идеологического инструмента формирования национальной и гражданской идентичности. Новизна статьи заключается в попытке найти средний путь между радикальным конструктивизмом и реализмом в объяснении феномена «историческая реальность». Методология исследования – конструктивизм. Эта методология приводит к следующим результатам: 1. Историческая реальность всегда есть конструкт, имеющий автора со своими политическими, нравственными, религиозными или другими убеждениями. Исходя из этого, следует признать, что разные исследователи конструируют разные, нередко альтернативные исторические реальности. Поэтому история всегда есть множество конкурирующих историй. 2. Ссылка на исторические факты, как средство, доказывающее соответствие нарратива описываемому событию, не является достаточным аргументом. Имеются следующие причины для этого: а) всякое повествование о прошлом ограничено определенным количеством фактов. Между тем, всегда существуют неизвестные факты, которые могут существенно изменить картину исторической реальности; б) выбор фактов, из которых конструируется историческая реальность, зависит от исследователя и целей, которые он преследует; в) в исторических источниках нередко используется фальсификация фактов. 3. Всякий честный исследователь конструирует свой нарратив из реально существовавших событий и персонажей, что позволяет утверждать о его объективности и неверности методологии радикального конструктивизма. Но даже у честнейшего исследователя есть личностные особенности, которые отражаются в продукте его творчества, что дает основания утверждать о неверности реализма. Поэтому истина лежит посередине и называется она умеренный конструктивизм или конструктивный реализм.

Ключевые слова: историческая реальность, конструктивизм, реализм, фальсификация истории, исторический факт, телеологизм.

Для цитирования: Рахматуллин Р. Ю. Историческая реальность в свете конструктивизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 144–152. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-144.

HISTORICAL REALITY IN THE LIGHT OF CONSTRUCTIVISM

R. Yu. Rakhmatullin

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

e-mail: rafat54@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the thesis «historical reality as a narrative». The relevance of the article determines the place of historical knowledge as the most important ideological tool formalizing the national and civilian identity. The originality of the article lies in an attempt to find a middle ground between radical constructivism and realism whilst explaining the phenomenon of «historical reality». Research methodology - constructivism. This methodology leads to following results: 1. Historical reality is always a construct that has an author with his political, moral, religious or other beliefs. Based on this, it should be taken into consideration that other researchers establish different and even alternative historical realities. Therefore, the story will remain as a multitude of competing stories. 2. The reference to historical facts as a proof meaning the correspondence of the narrative to the described event is not a valid argument. There are the following reasons for this: a) any story originated in the past is limited to a certain number of facts. Meanwhile, there are always some unknown facts that can significantly change the picture of historical reality; b) historical reality made of fact selection depends on the researcher and the goals he pursues; c) falsification of facts is often used in historical sources. 3. Every honest researcher creates his own narrative out of real-life events and characters, which makes it possible to assert his objectivity and the incorrectness of the radical constructivism methodology. But even the most honest researcher has personality traits that can be reflected on his work, which gives grounds to claim that realism is wrong. Therefore, the truth still lies somewhere in the middle and being represented by moderate constructivism or constructive realism.

Key words: *historical reality, constructivism, realism, falsification of history, historical fact, teleologism.*

Cite as: Rakhmatullin, R.Yu. (2020) [Historical reality in the light of constructivism]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 144–152. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-144.

Введение

Предметом статьи является историческая реальность, понимаемая как *совокупность знаний* о прошлом общества и личности. История – это наука о людях во времени, утверждал Марк Блок [2, с. 19]. Статья именно об этой реальности, а не истории Солнечной системы или членистоногих. Важно заметить, что в ней понятие исторической реальности, как повествования о прошлом, сконструированного историками из реальных или вымышленных фактов, сознательно отделяется от объективно существовавших когда-то событий. Известные специалисты в области социологии знания П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» пишут о необходимости различать «общество как объективную реальность» от «общества как субъективной реальности» [1, с. 80–295]. Историческое знание, будучи реконструкцией прошлого в сознании людей (субъективной реальностью), в учебниках по истории преподносится в качестве объективно существовавшей реальности, хотя представляет собой, по сути, совокупность нарративов. Проблема соответствия нарратива тому, что было на самом деле, является главным вопросом философии истории. Статья является развитием идей на эту тему, содержащихся в ряде ранее опубликованных работ автора [15, 16, 18].

Значимость предпринятого исследования заключается как в дальнейшем углублении изучения общегносеологической проблемы адекватности выражения в научном знании его объекта, так и в демонстрации роли идеологического компонента в содержании исторического знания, провоцирующего дискуссии о его объективности. Заметим также, что историческое знание с древнейших времен является важнейшим и испытанным инструментом формирования гражданской и национальной идентичности, что делает тему актуальной для всех государств и народов [4, 21].

Методологической основой статьи является конструктивистская парадигма, проецированная на социальную реальность (социальный конструктивизм). Оправдывая конструктивизм, автор отмежевывается от его радикального варианта, рассматривая историческое знание в качестве феномена, имеющего субъектно-объектную природу. В качестве материала исследования выступают работы отечественных и зарубежных историков, философов, социологов, этнологов, исследовавших особенности и проблемы исторического познания. Главной задачей исследования явилось обоснование тезиса «история есть множество нарративов» при помощи конструктивистской методологии.

Конструктивизм как методология исторического исследования: право на признание

Конструктивистская парадигма, имеющая более чем 300-летнюю историю, стала в последние два десятилетия трендом отечественной философии: в научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru мы обнаружили около 400 публикаций на эту тему, большая часть которых опубликована за последние пять лет. Ядро этой парадигмы образует эпистемологический конструктивизм. Его определение дал В. А. Лекторский в своем выступлении на круглом столе, посвященном этой теме: «Реальность, с которым имеет дело познание <...> и в котором мы живем, – это не что иное, как конструкция самого субъекта, иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая» [9, с. 4]. Правда, патриарх отечественной гносеологии делает при этом оговорку, что не является сторонником этого течения, но признает его важную роль в развитии философии науки.

Истоки конструктивизма в европейской философии содержатся в работах Д. Локка, Дж. Беркли и Д. Юма. Иммануил Кант, с присущей ему тщательностью, довел эти идеи до совершенства, создав логически стройную концепцию априоризма как идейной основы конструктивизма [17]. Согласно ему, и пространство-временная характеристика объективного мира, и причинно-следственные отношения, отраженные в сознании в форме закономерностей функционирования материального бытия, представлены в субъективной реальности в виде информации о мире, структурированной априорно существующими в психике человека матрицами. Поэтому нужно отличать объективный мир от его картины, продуцируемой нашим сознанием. Каков объективный мир, включая и историю человечества, мы не знаем и никогда не узнаем, ибо обречены судить о нем по той информации, которую творит наше сознание из нее – такова гносеологическая парадигма, пронизывающая всю «Критику чистого разума» немецкого философа. К примеру, матрицы, формирующие образ чувственной реальности, характеризуются им так: «Хотя материя всех явлений дана нам только а posteriori, форма их целиком должна для них находиться готовой в душе а priori и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» [7, с. 63]. Сам Кант характеризует свою гносеологию как коперниканский переворот в философии: если Коперник изменил астрономию, поставив в центр Солнечной системы Солнце вместо Земли, то Кант изменил философию, поменяв точку отсчета с объекта на субъект познания. Американский историк науки Том Рокмор пишет, что

кантовская критика репрезентационизма, является «причиной возникновения нововременной науки. Нововременная наука вызвала к жизни идею, согласно которой мы познаем лишь то, что конструируем» [19, с. 40–41]. Мы полностью разделяем точку зрения основателя радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда, полагавшего, что истоки конструктивизма следует искать именно в философии Иммануила Канта [23, р. 21].

В советской философии априоризм Канта подвергался жесточайшей критике, основанной на его отрицательной оценке В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Вслед за Лениным некоторые философы называли Канта агностиком, субъективным идеалистом, солипсистом. Однако современные исследования сознания показывают, что основатель конструктивизма во многом был прав. Еще в советское время авторитетный психолог А. Н. Леонтьев отказался повторить то, что утверждал еще Локк в своем учении о «вторичных качествах»: образ объекта и сам объект не совпадают – у объекта нет цвета, запаха, вкуса и способности звучать – он а-modalен [12]. Поддерживает идею несоответствия мира и его отображения в сознании и известный специалист в области психосемантики, критик теории отражения В. Ф. Петренко. Опираясь на естественнонаучные факты, он пишет, что «мир наполнен красками, звуками, запахами, но все эти качества производны от органов восприятия субъекта. Физика не «знает» красного, но описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты), которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение. Физика «не знает» ни звуков, ни запахов, а описывает соответствующие процессы как колебание воздуха или распространение частиц вещества» [14, с. 128]. Таким образом, чувственные образы являются созданными психикой человека конструктами. Однако многие философы и ученые скептически относятся к познавательным возможностям чувственного познания, призывая верить только мышлению. Еще Платон учил, что достоверность знания может быть достигнута только разумом. Имена великих рационалистов – Декарта, Лейбница, Гегеля – являются украшением не только европейской, но и мировой философии.

Вершиной классического рационализма, основывающегося на принципе тождества мышления и бытия (в марксистской трактовке – бытия и мышления), мы считаем философию Гегеля. Однако сравнительный анализ его философии с априоризмом Канта позволяет сделать вывод, что Гегель, по сути, оказался еще более последовательным конструктивистом, чем его предшественник. Хорошо

знакомый с философией Канта Гегель, совершил грандиозную трансформацию его учения, объективировав априорные кантовские схемы, превратившиеся у него во всемогущие диалектические законы, имманентно содержащиеся в объективной реальности. У Гегеля кантовский трансцендентальный субъект превращается, по выражению В. А. Лекторского, в Абсолютного Субъекта, постоянно творящего самого себя [10, с. 33]. Поэтому противопоставление учений этих великих философов, по нашему мнению, является ошибкой. Об этом, в частности, пишет Н. В. Мотрошилова в статье, представляющей собой, по сути, расширенную рецензию на монографию Т. И. Ойзермана «Кант и Гегель. Опыт сравнительного исследования». Она отстаивает тезис о взаимодополнении философий этих мыслителей, видит различие в их учениях только в том, что Кант занимался исследованием исходных структур индивидуального сознания, интересы Гегеля же лежали в области «объективировавшихся, связанных друг с другом форм духа, культуры и деятельности, направленной на их продуцирование, преобразование и использование» [13, с. 562]. Поэтому диалектическая логика Гегеля представляет собой *алгоритм конструирования реальности* как этапов инобытия («своего-другого») Абсолютной идеи.

При всей безупречной логичности конструктивизма в ней все-таки остается нерешенным вопрос о происхождении первичных структур (матриц), организующих информацию об объективном мире в ее картину. Кант эту проблему не решал. В отечественной философии не потеряла актуальность концепция Э. В. Ильенкова, доказывавшего тезис о детерминированности форм логического мышления материальной деятельностью человека, которая, в свою очередь, определяется особенностями включенных в эту деятельность объектов. Формы мысли есть результат интериоризации практики, а практика изоморфна законам материального мира – вот главная мысль Ильенкова¹. Похожую на нее идею развивают ряд психологов, объясняющих природу чувственного познания. Так, основываясь на многочисленных экспериментах, Р. Л. Грегори и Д. М. Стрэттон пришли к мнению о влиянии практических действий и глазодвигательных движений на формирование зрительных образов [3; 26]. И в этом случае мы не можем пройти мимо факта, что на знания о реальности влияет не только субъект, но и объект: ведь и работа зрительного анализатора, и практические действия человека определяются формой и другими особенностями объекта. Поэтому знание о реальности детерминировано не только субъективными, но и объективными фак-

¹ Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. – В 5 т. – Москва: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – С. 219–227.

торами. Как метко заметил В. А. Лекторский, «при всей популярности конструктивизма он не может одолеть сопротивление реализма» [11, с. 20]. Свою концепцию он называет конструктивным реализмом, противопоставляя ее радикальному конструктивизму. Мы рассматриваем конструктивный реализм как вид конструктивизма, а не реализма.

На рассматриваемую проблему дополнительный свет проливают исследования сторонников социального конструкционизма, сторонники которого обогащают классический конструктивизм новыми идеями, открывающими, в том числе, перспективные толкования природы исторической реальности. На стыке реализма и конструктивизма находится, в частности, историческая социология Ричарда Лахмана, утверждающего о том, что социальная картина мира строится во многом на исторических фактах. Так, средневековые модели решения экономических и политических проблем нередко становятся, по его мнению, средствами конструирования сегодняшней социальной реальности [24, 25].

Историческая реальность как конструкт

Если рассматривать историю в качестве нарратива, то неизбежен вопрос: а как все было на самом деле? Историки и занимаются поиском ответа на этот вопрос. Результат их поиска, как известно, неутешителен: сотни противоречащих друг другу статей, разделов учебников, монографий и диссертаций об одном и том же историческом событии поневоле наводят на мысль об исторической реальности как конструкте. Как же конструируется эта реальность?

Главными компонентами всякого нарратива о прошлом людей и социальных систем являются исторические факты. Именно они приводятся в качестве определяющих аргументов в спорах о прошлом. Как говорил А. Ф. Лосев, историю можно понять в качестве ряда фактов, причинно связанных между собой. На одной из посвященных социальному познанию конференций, в котором нам удалось участвовать, один из докладчиков утверждал, что история как наука абсолютно объективна, ибо она основывается на фактах – архивных документах, археологических артефактах, рассказах очевидцев. Но ведь всякий ученый-историк основывается на них! Почему же тогда повествования об одном и том же историческом событии часто получаются различными? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в понимании природы исторического факта. А. Л. Никифоров пишет о двух значениях термина «факт»: 1) это нечто реально существующее или существовавшее; 2) это вид эмпирического знания². Поскольку о фактах прош-

лого мы узнаем *лишь из сообщений о них*, то исторический факт, как *что-то утверждение*, является продуцированным кем-то знанием. Поэтому, как и всякое знание, он всегда содержит в себе элемент субъективности. И это его качество еще более усиливается, когда он рассматривается как часть письменного исторического источника, направленная на его оценку. У этого источника есть автор со своими убеждениями, которые и определяют содержание текста. Как пишут Г. М. Ипполитов, С. Н. Полторак и А. И. Репинецкий, «письменный источник, написанный человеком, передает принципиально иную размерность события. Такой источник является человекомерным» [6, с. 4]. Впрочем, «человекомерностью» обладают и сообщения о современных событиях: судья, выносящий приговор, утверждает, что он основывается на фактах. Но по сути, в основании приговора лежат *сообщения о фактах*, полученных от потерпевшего, свидетелей или из документов, составленных опять-таки человеком. История религий полна фальсификаций или ошибок, допущенных переводчиками и недобросовестными богословами даже в отношении Священного писания. Мы ежедневно наблюдаем по телевидению, как разные каналы и журналисты нередко преподносят в качестве фактов противоречащие друг другу сообщения об одном и том же событии, конструируя *свои* картины социальной реальности. Ответ на вопрос «почему так?» очевиден даже на уровне обыденного сознания: журналисту платят за такое толкование события (в более сильном варианте – он не хочет терять свою работу, может быть, и жизнь) или же он толкует его так в силу своих убеждений. Рассмотрим проблему конструирования исторической реальности, понимаемой нами как нарратив, основываясь на методологии науки Т. Куна.

Кун предлагает рассматривать всякую реальность в виде объективно существующих или существовавших фактов (под фактом он подразумевает вещь, свойство, отношение или процесс, то есть то, что Кант называл «Ding an sich selbst betrachtet» – «вещью самой по себе»). Всякая исследуемая реальность полна фактов (если быть точным, их количество всегда равно бесконечности). Для того, чтобы создать картину этой реальности, исследователю нужно выбрать из множества фактов наиболее значимые. Именно из них он конструирует реальность, претендующую на объективность. Но всякий выбор, как известно, зависит от исследователя (согласно Куну от его принадлежности к определенному научному сообществу со своей парадигмой исследования). Парадигма, которой вооружен исследователь, и задает алгоритм творения той реальности, которая является результатом его познания. В таком случае

² Никифоров А. Л. Факт // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 157.

исследователи, принадлежащие к различным научным школам («сообществам», по Куну), конструируют разные картины реальности. «Поскольку они видят этот мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что ученые имеют дело с иным миром», – пишет автор [8, с. 151]. Так создаются «возможные миры», описывающие одну и ту же реальность. Эта методология полностью применима и для характеристики исторической реальности.

К сожалению, в качестве исторического факта иногда преподносятся не существовавшие события. Так, из истории Второй мировой войны, изложенной в советских учебниках, каждый учащийся узнавал о подвиге 28 панфиловцев, удостоенных посмертно звания Героя Советского Союза за оборону Москвы. Однако в рассекреченных в 2015 году архивных документах было обнаружено и опубликовано директором Госархива РФ историком С. В. Мироненко информация о том, что такого подвига не существовало: он был придуман стараниями трех сотрудников газеты «Красная звезда» и растиражирован известными в то время писателями А. Беком, Н. Тихоновым, В. Ставским и др. Такая информация основывается на результатах расследования, проведенного военным прокурором Н. П. Афанасьевым в 1948 году после того, как стало известно, что один из посмертно награжденных (И. Е. Добробабин) уже после совершения этого «подвига» оказался в плену и сотрудничал с фашистами. Кроме него, оказались живыми еще несколько «панфиловцев», награжденных *посмертно*³. Составленная по результатам расследования справка в июне 1948 года была передана секретарю ЦК КПСС А. А. Жданову, который счел нецелесообразным сообщать об этой большой лжи широкой общественности по идеологическим причинам.

Приведенный выше пример наталкивает на мысль, что в историческом исследовании значительную роль играет телеологическая (целевая) причина, о которой писал еще Аристотель. У журналистов «Красной звезды» была цель воодушевить в трудное для страны время советский народ на боевые и трудовые подвиги во имя спасения Отчизны. При конструировании этого «подвига» использовались как реальные факты (дивизия генерала И. В. Панфилова действительно вела в декабре 1941 года ожесточенные бои под Москвой, награжденные за «подвиг» бойцы на самом деле существовали), так и вымысел об уничтожении ими ценой своей жизни 18 вражеских танков.

Целевая причина лежит также в основании появления национальных мифов как важного

конструкта этнической истории, являющейся теоретической основой этнополитики. Заметим, что национальные псевдоистории начали активно использоваться с появлением национальных государств или попытками их создания. Целью такого псевдотворчества истории является утверждение значимого места национального государства или определенной этнической группы среди других народов и государств для укрепления национальной идентичности как основы сплочения народа вокруг вождя или национального героя. Л. Т. Яблонский приводит пример подобного околонучного лингвистического исследования с целью обоснования происхождения башкир из скифов: «Археолог не в состоянии объективно оценить паралингвистические конструкции такого типа: река Урал > Яик > Даик > даи > дахи (то есть племена скифской эпохи, упомянутые у древних авторов) > башкиры. На самом деле речь в данном случае идет о бессмысленной с научной точки зрения перестановке и замене букв с сомнительной целью еще раз доказать древность башкир на Урале, а заодно и их историческую связь с героическими и могущественными скифами» (22, с. 92).

Конструирование исторической картины, на наш взгляд, строится наподобие творения художественной реальности. Писатель, приступая к написанию книги, пытается при помощи положительных и отрицательных художественных персонажей довести до читателя определенную мировоззренческую идею, которая и определяет его выбор героев и их поступков. Поэтому *знание о финале* направляет процесс творения художественного произведения. Об этом, в частности, пишет и Роман Ингарден, считающий, что «последняя», «кумуляционная» фраза текста определяет его предшествующее содержание [5]. Это напоминает строительство дома, когда строитель, заранее зная проект, подбирает для его реализации строительный материал, в том числе и имитирующий камень или дерево. Заданность финала работы определяет все ее содержание. Применительно к конструированию исторической реальности это означает, что выбор фактов (точнее, сообщений о фактах), их структурирование, фальсификация и толкование зависят от сформированных *до исследования* идеологических и нравственных установок историка.

Результаты исследования

Понятие исторической реальности имеет два толкования: 1) как то, что было на самом деле в прошлом людей и социальных систем; 2) как совокупность знаний об этом. Поскольку знать, как

³ Хамраев В. Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно. Директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко о пользе чтения исторических документов // Коммерсантъ. – 2015. – 20 апреля.

все было на самом деле, можно только из исторических источников, как носителей знания, то приходится соглашаться со вторым толкованием феномена «историческая реальность». В этом случае всякая история должна быть воспринята в качестве нарратива, то есть *повествования* о прошлом. Восприятие нарратива как объективно существовавшего события основывается на свойстве предметности (интенциональности) сознания: образ объекта, существующий в психике человека, воспринимается им в качестве самого объекта. Читая исторический роман или учебник истории, мы как бы помещаем себя в описываемые автором события, что создает иллюзию объективности.

Из-за того, что по каждому историческому событию существует множество нарративов, то возникает вопрос об их истинности. Обоснование соответствия того или иного нарратива исследуемому историческому событию, как правило, строится наличием в его содержании реально существовавших фактов. Однако ссылка на них оказывается недостаточной для утверждения тезиса о соответствии нарратива его объекту. Существуют несколько причин этому: 1) реально существовавших фактов, относящихся к определенному периоду истории, очень много. Часть из них скрыта от нас, мы не знаем об их существовании. Поэтому в соответствии с принципом фаллибилизма, адекватность исторического знания реальному событию всегда сомнительна; 2) наличие большого количества разнообразных фактов, относящихся к определенному историческому периоду вызывает необходимость выбора существенных из них. Но то, что существенно, а что не существенно, определяется историком. К примеру, если автором нарратива является историк-мусульманин, он обратит внимание на наличие или отсутствие в описываемом средневековом городе мечетей, а в повествовании христианина будет содержаться информация о христианских храмах. Внимание человека избирательно: мы похожи на телезрителя с пультом от телевизора, выбирающего из сотен каналов те, которые ему интересны. Поэтому определенный исторический период может быть представлен в виде разных исторических реальностей («возможных миров»), сконструированных из различных фактов, относящихся к этому периоду; 3) даже один и тот же исторический факт может быть истолкован разными нарраторами по-своему. Так, Куликовская битва, сыгравшая по мнению многих историков ключевую роль в освобождении Руси от золотоордынского владычества, известным татарским историком Рафаэлем Хакимовым истолковывается как незначительное и даже сомнительное событие в истории русско-татарских отношений. При этом он ссылается на исторические источники [20]; 4) компонентами историче-

ской реальности нередко являются не существовавшие факты. Их применение связано с желанием исследователя в конструировании такой картины, которая его устраивает либо по идеологическим, либо по другим причинам.

Как и в художественной литературе, в повествованиях о прошлом содержание устного рассказа или текста определяется целевой причиной. Цель задает направление исследования, его предмет, методологию и методы, средства, выбор источников, селекцию исторических фактов. В исследованиях, связанных с обществом, цель может быть задана и извне, например, в виде гранта. В этом случае предмет исследования, его временные и пространственные границы задаются грантодателем.

Заключение

Вопрос об исторической реальности является проявлением общегносеологической проблемы, которую И. Кант выразил в виде вопроса «Что я могу знать?» [7, с. 588]. Известно, что великий философ ответил на него созданием новой гносеологии, основывающейся на принципе субъективного начала в познании. Однако считать его солипсистом нет основания: он признавал существование объективной реальности («вещей самих по себе»), информация о которой, попадая в сознание, структурируется априорно существующими формами в определенную картину, которую мы и принимаем за объективно существующий мир. Поэтому мы не считаем Канта радикальным конструктивистом. Плодотворным для научного познания является умеренный конструктивизм (конструктивный реализм, по выражению В. А. Лекторского), признающий важную роль в познании самого его объекта. Знание, как конструкт, есть продукт и субъективного (априорных психических матриц, парадигм, целей и интересов субъекта), так и объективного начала (особенностей объекта познания). Поэтому историческая реальность, сконструированная одним историком, может заметно отличаться от продукта творчества другого историка. Но содержание обоих нарративов может содержать тождественные знания об одних и тех же исторических событиях, происходивших в одно и то же время, с одними и теми же персонажами. Историческая реальность, как нарратив, есть единство объективного и субъективного, абсолютного и относительного в познании. Поэтому история была, есть и будет множеством историй. Единственную абсолютно объективную историю может создать лишь всезнающий, всемогущий, лишенный политических, экономических, территориальных и национальных интересов субъект, именуемый Богом. Но как говорит известный актер и ведущий документальные передачи «Следствие вели» Леонид Каневский, «это уже совсем другая история».

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 233 с.
3. Грегори Р. Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. – М.: Прогресс, 1970. – 279 с.
4. Ивонина Я. А. Историческое знание как фактор формирования и сохранения культуры этноса // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2020. – № 2 (24). – С. 23–29.
5. Ингарден Р. Очерки по философии литературы. – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж, 1999. – 184 с.
6. Ипполитов Г. М., Полторак С. Н., Репинецкий А. И. Исторический факт и историческое событие: аналитическое «путешествие» в лабиринте мнений, оценок, суждений // Клио. – 2013. – № 11 (83). – С. 3–14.
7. Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
9. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке / Лекторский В. А. и другие // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37.
10. Лекторский А. В. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 31–42.
11. Лекторский В. А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 19–26.
12. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–14.
13. Мотрошилова Н. В. Кант или Гегель? И Кант, и Гегель! // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 6. – С. 560–565.
14. Петренко В. Ф. Вернем психологии сознание // Вестник МГУ. Серия «Психология». – 2010. – № 3. – С. 121–141.
15. Рахматуллин Р. Ю. Проблема объективности исторического знания или как возможен единый учебник истории // European Social Science Journal. – 2014. – № 8–3 (47). – С. 69–73.
16. Рахматуллин Р. Ю. Историческое знание в контексте философии науки // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 3 (77). – С. 129–137.
17. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Генезис эпистемологического конструктивизма в европейской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4. – Ч. 1. – С. 151–153.
18. Рахматуллин Р. Ю., Зиязетдинов Р. М., Назаров Т. З. Исторический факт в свете философии науки // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 11. – С. 168–171.
19. Рокмор Т. Кант о репрезентационизме и конструктивизме // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 3. – № 1. – С. 35–46.
20. Хакимов Рафаэль. На Куликовом поле никто никогда не воевал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/181536-rafael-hakimov-na-kulikovom-pole-nikto-ne-voeval> (дата обращения: 30.08.2020).
21. Цифанова И. В. Идентификационные функции и социальные дисфункции исторического знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–2 (86). – С. 191–195.
22. Яблонский Л. Т. Теория этногенеза и ее фальсификация в современной России // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 85–94.
23. Glasersfeld E. von. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. – L.: Falmer Press, 1995. – 213 p.
24. Lachmann, R. What Is Historical Sociology? – Cambridge: Polity Press, 2013. – 160 p.
25. Lachmann, R. Hegemons, Empires, and their Elites // Sociologia, Problemas e Praticas. – 2014. – No. 75. – P. 60–69.
26. Stratton G. M. Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. – 1896. – Vol. 3. – P. 611–617.

References

1. Berger, P., Lukman, T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 323 p. (In Russ.).

2. Blok, M. (1973) *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology for history or the craft of the historian]. Moscow: The science, 233 p. (In Russ.).
3. Gregori, R. L. (1970) *Glaz i mozg. Psihologiya zritel'nogo vospriyatiya* [Eye and brain. Psychology of visual perception]. Moscow: Progress, 279 p. (In Russ.).
4. Ivonina, Ya.A. (2020) [Historical knowledge as a factor in the formation and preservation of the culture of an ethnic group]. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)]. Vol. 2 (24), pp. 23–29. (In Russ.).
5. Ingarden, R. (1999) *Ocherki po filosofii literatury* [Essays on the philosophy of literature]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk humanitarian college, 184 p. (In Russ.).
6. Ippolitov, G. M., Poltorak, S. N., Repineckij, A. I. (2013) [Historical fact and historical event: analytical “journey” in the labyrinth of opinions, assessments, judgments]. *Klio*. [Klio]. Vol. 11 (83), pp. 3–14. (In Russ.).
7. Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 4 vol.]. Vol. 3. Moscow: Choro, 741 p. (In Russ.).
8. Kun, T. (1977) *Struktura nauchnyh revolyucij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress, 300 p. (In Russ.).
9. Lektorsky, V. A., Petrenko, V. F., Pruzhinin, B. I., Knyazeva, E. N., Rozov, M. A., Smirnova, N. M., Shvyrev, V. S., Antonovsky, A. Yu., Ulanovskiy, A. M., Farman, I. P., Chertkova, E. L. (2008) [Constructivism in epistemology and human sciences (materials of the “round table”)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. Vol. 3, pp. 3–37. (In Russ.).
10. Lektorsky, A. V. [Is it possible to combine constructivism and realism in epistemology?]. *Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in the theory of knowledge]. Moscow: IFRAN, pp. 31–42. (In Russ.).
11. Lektorsky, V. A. (2015) [Constructivism vs Realism] *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 43. No. 1, pp. 19–26. (In Russ.).
12. Leont'ev, A. N. (1979) [Psychology of the image]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Bulletin]. Series. 14. Vol. 2, pp. 3–14. (In Russ.).
13. Motroshilova, N. V. (2009) [Kant or Hegel? Both Kant and Hegel!] *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 79. No. 6, pp. 560–565. (In Russ.).
14. Petrenko, V. F. (2010) [Let's return consciousness to psychology] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University]. Series “Psychology”. Vol. 3, pp. 121–141. (In Russ.).
15. Rakhmatullin, R. Yu. (2014) [The problem of objectivity of historical knowledge or how a single history textbook is possible] *European Social Science Journal* [European Social Science Journal]. Vol. 8–3 (47), pp. 69–73. (In Russ.).
16. Rakhmatullin, R. Yu. (2015) [Historical knowledge in the context of philosophy of science]. *Vestnik VEGU* [Bulletin of VEGU]. Vol. 3 (77), pp. 129–137. (In Russ.).
17. Rakhmatullin, R. Yu., Semenova, E. R. (2016) [The genesis of epistemological constructivism in European philosophy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i practice* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Vol. 4. Part. 1, pp. 151–153. (In Russ.).
18. Rakhmatullin, R. Yu., Ziyazetdinov, R. M., Nazarov, T. Z. (2019) [Historical fact in the light of the philosophy of science]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 12. No. 11, pp. 168–171. (In Russ.).
19. Rockmore, T. (2005) [Kant on representationism and constructivism] *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 3. No. 1, pp. 35–46. (In Russ.).
20. Khakimov, Rafael (2020) *Na Kulikovom pole nikto nikогда ne voeval* [No one has ever fought on the Kulikovo field]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/181536-rafael-hakimov-na-kulikovom-pole-nikto-ne-voeval> (accessed 30.08.2020). (In Russ.).
21. Tsifanova, I. V. (2017) [Identification functions and social dysfunctions of historical knowledge]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i practice* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Vol. 12–2 (86), pp. 191–195. (In Russ.).
22. Yablonsky, L. T. (2011) [The theory of ethnogenesis and its falsification in modern Russia]. *Falsifikaciya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and construction of ethnocratic myths]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 85–94. (In Russ.).
23. Glasersfeld, E. von. (1995) *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. London.: Falmer Press, 213 p. (In Eng.).
24. Lachmann, R. (2013) *What Is Historical Sociology?* Cambridge: Polity Press, 160 p. (In Eng.).
25. Lachmann, R. (2014). *Hegemons, Empires, and their Elites. Sociology, Problems and Practices*. Vol. 75, pp. 60–69. (In Eng.).

26. Stratton, G. M. (1876) Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image. *Psychological Review*. Vol. 3, pp. 611–617. (In Eng.).

Информация об авторе:

Рафаэль Юсупович Рахматуллин, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: rafat54@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 08.10.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Rafael Yusupovich Rakhmatullin, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
e-mail: rafat54@mail.ru

The paper was submitted: 08.10.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

УДК 656.13

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-153

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЫЧНОГО КОЛЬЦЕВОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ДОРОГИ В ТУРБОКОЛЬЦЕВОЕ: СРАВНЕНИЕ ПРОПУСКНОЙ СПОСОБНОСТИ

В. И. Рассоха

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Н. А. Никитин

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия
e-mail: NiNikitin@kantiana.ru

Аннотация. В крупных городах часто складывается ситуация, когда кольцевые пересечения автомобильных дорог перестают справляться с пропуском транспортных потоков. Основными причинами данной проблемы являются несоответствие потенциальной пропускной способности кольцевой развязки реальным транспортным потокам, а также отсутствие у водителей знаний и навыков движения по кольцевой проезжей части. Для уменьшения влияния человеческого фактора предлагаются различные решения, но, как показала практика, наиболее эффективными являются канализированные кольцевые развязки или «турбокольца». Особенностью подобной конфигурации проезжей части является предсказуемость поведения водителей благодаря физическому разделению полос для движения. В ряде стран уже введены в эксплуатацию турбокольцевые пересечения, что позволило подтвердить предполагаемые преимущества такой конфигурации: отсутствие манёвров перестроения на кольцевой проезжей части, необходимость уступать дорогу максимум двум транспортным потокам, снижение средней скорости проезда по кольцевому пересечению. Целью данного исследования ставилось проведение сравнения производительности существующего трёхполосного пересечения, характеризующегося преобладанием левоповоротного потока в часы пик, и разработанного проекта турбокольцевой развязки. Эмпирические данные о транспортных потоках и длине очередей, а также матрица корреспонденций использовались для калибровки компьютерной микромодели. Микромоделирование проводилось посредством: задания матрицы корреспонденций с учётом распределения транспортного потока во времени; задания правил приоритета, скорости приближения к пересечению и зон снижения скорости; разработки сценариев для анализа утреннего и вечернего часов пик, колебаний транспортных потоков во времени. Сравнение производительности проводилось для узла в целом, а также для отдельных наиболее нагруженных направлений по средней и максимальной длинам затора, среднему времени задержки и времени простоя. Для оценки производительности пересечений было предложено использовать иностранные методики оценки пропускной способности, основанные на математических моделях Бови, Хагрина и Фортайна. Выявлено, что преобразование существующего кольцевого пересечения в турбокольцо позволило не только увеличить пропускную способность узла, но и уменьшить заторы на въездах и выездах, что определяет практическую значимость проведенного исследования. Следующим этапом исследования планируется изучение возможности интегрирования методики оценки пропускной способности, рассмотренной в статье, в отечественную методику выбора типа пересечений, лежащую в основе нормативно-технических документов. Конечной целью исследования планируется создание новой методики оценки пропускной способности кольцевых пересечений разных типов, в том числе учитывающей особенности функционирования кольцевых пересечений на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: автомобильная дорога, кольцевое пересечение, турбокольцевое пересечение, микромоделирование, пропускная способность.

Для цитирования: Рассоха В. И., Никитин Н. А. Преобразование обычного кольцевого пересечения автомобильной дороги в турбокольцевое: сравнение пропускной способности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 153–162. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-153.

TRANSFORMATION OF AN ORDINARY RING ROAD INTERSECTION INTO A TURBO RING INTERSECTION: BANDWIDTH COMPARISON

V. I. Rassokha

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: cabin2012@yandex.ru

N. A. Nikitin

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
e-mail: ninikitin@kantiana.ru

Abstract. In large cities, a situation often arises when roundabout intersections of highways no longer cope with the passage of traffic flows. The main reasons for this problem are the inconsistency of the potential traffic capacity of the roundabout with real traffic flows, as well as the lack of knowledge and skills of drivers on the roundabout carriageway. To reduce the influence of the human factor, various solutions are proposed, but, as practice has shown, ducted roundabouts or «turbo rings» are the most effective. A feature of this configuration of the carriageway is the predictability of driver behavior due to the physical separation of lanes for traffic. In a number of countries, turbo ring intersections have already been put into operation, which made it possible to confirm the alleged advantages of this configuration: the absence of changeover maneuvers on the ring carriageway, the need to give way to a maximum of two traffic flows, and a decrease in the average travel speed along the ring intersection. The aim of this study was to compare the performance of the existing three-lane intersection, characterized by a predominance of left-hand turn flow during rush hours, and the developed design of the turbo ring interchange. Empirical data on traffic flows and length of queues, as well as a matrix of correspondences, were used to calibrate the computer micromodel. Micromodeling was carried out by means of: specifying the matrix of correspondences, taking into account the distribution of the traffic flow in time; setting the rules of priority, speed of approach to the intersection and speed reduction zones; development of scenarios for the analysis of morning and evening rush hours, fluctuations in traffic flows in time. Performance comparisons were made for the node as a whole, as well as for the selected busiest routes in terms of average and maximum congestion lengths, average latency and downtime. To assess the performance of the intersections, it was proposed to use foreign methods for assessing the capacity based on the mathematical models of Bowie, Hagring and Fortine. It was revealed that the transformation of the existing circular intersection into a turbo ring made it possible not only to increase the throughput of the node, but also to reduce congestion at the entrances and exits, which determines the practical significance of the study. To study the possibility of integrating the methodology for assessing the throughput, considered in the article, into the domestic method for choosing the type of intersections, which is the basis of regulatory and technical documents. The ultimate goal of the study is to create a new methodology for assessing the throughput of circular intersections of various types, including taking into account the peculiarities of the functioning of circular intersections on the territory of the Russian Federation.

Key words: highway, roundabout, turbo-roundabout, microsimulation, roundabout capacity.

Cite as: Rassokha, V. I., Nikitin, N. A. (2020) [Transformation of an ordinary ring road intersection into a turbo ring intersection: bandwidth comparison]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 153–162. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-153.

Введение

В различных исследованиях кольцевые развязки автомобильной дороги неоднократно признавались более безопасными и эффективными, чем стандартные нерегулируемые пересечения [2, 8, 14, 21, 23, 26]. Развитие теории проектирования многополосных кольцевых пересечений привело к появлению спиралевидной конфигурации проезжей части, которая позволила поднять уровень безопасности и эффективности кольцевых развязок на новый уровень [5, 9, 20]. Многополосное кольцо позволяет увеличить пропускную способность узла улично-дорожной сети в условиях высокой интенсивности движения. Однако с увеличением числа

полос происходит рост количества манёвров при проезде по кольцевой проезжей части, что увеличивает вероятность возникновения дорожно-транспортных происшествий. Также водители склонны уменьшать кривизну траектории для увеличения скорости движения.

Предыдущие исследования кольцевых пересечений показывают, что водители в условиях свободного потока ведут себя следующим образом [1, 18]:

– более 40 % водителей, въезжающих на кольцо с правой (внешней) полосы, прокладывают маршрут по наиболее прямой траектории, что ведёт к пересечению крайней левой (внутренней) полосы кольцевой проезжей части;

– более 20% водителей, движущихся по внутренней или средней полосе многополосного кольца, выезжают без перестроения на внешнюю полосу, игнорируя требования дорожных знаков, разметки и правил дорожного движения; указанные проблемы возникают из-за геометрических особенностей кольцевой проезжей части [14].

В этой связи, возникла необходимость в изменении подходов к проектированию, в которых были бы заложены уширения проезжей части и зон пересечения потоков на въездах и выездах. Спиралевидные кольцевые пересечения являются развитием конструкции многополосных кольцевых развязок для обеспечения уровня безопасности, сопоставимого с однополосными кольцами. Впервые такая конфигурация была предложена в Нидерландах L. G. H. Fortuijn [5] в 1996 году с целью снижения влияния указанных выше проблем, а также увеличения эффективности без ущерба для безопасности дорожного движения. Ключевой особенностью турбоколец является спиралевидная проезжая часть с физическими разделителями полос для движения. Такое решение вынуждает водителей заранее выбирать маршрут для движения, что позволяет снизить количество точек конфликтов потоков и делает движение автомобилей более предсказуемым [3, 7, 25].

С учётом вышеупомянутых преимуществ, в данной статье был предложен проект замены существующей одноуровневой трёхполосной кольцевой развязки на турбокольцевую [15, 16]. Целью исследования ставилось проведение сравнения производительности исходного и предлагаемого вариантов.

Обзор литературы

Различные исследования, проводимые ранее, подтвердили преимущества внедрения турбокольцевых пересечений вместо обычных кольцевых. В частности, R. Maug и M. Cattani оценивали [12] повышение уровня безопасности движения по турбокольцу с помощью модели потенциальной аварийности, основанной на концепции возможного конфликта. Были рассмотрены различные группы дорожно-транспортных происшествий, которые обычно происходят на кольцевых пересечениях, например, несоблюдение правил приоритета или дистанции до впереди идущего транспортного средства и столкновения на выездах. Результаты показали, что при применении турбокольцевой конфигурации количество дорожно-транспортных происшествий уменьшается на 40–50%. Последующие исследования тех же авторов при участии M. Guerrieri [13] подтвердили данные выводы, также была подчеркнута эффективность турбоколец в местах с высокой интенсивностью пешеходных и велосипедных потоков.

Согласно сравнительному анализу, проведённому изобретателем турбокольцевой развязки L. G. H. Fortuijn [5], уровень безопасности спирале-

видных кольцевых пересечений сопоставим с таковым у однополосных пересечений, что в отдельных случаях приводило к снижению количества дорожно-транспортных происшествий на 60% и более.

В исследованиях других группы учёных [25] были подтверждены выводы об увеличении уровня безопасности за счёт снижения числа конфликтных точек. Однако было отмечено, что турбокольцевые развязки обеспечивают лучшую производительность только в тех случаях, когда на второстепенных въездах преобладают правоповоротные потоки, что является специфическим условием и может ограничивать применимость конфигурации.

Другая группа исследователей [19] оценивала эффективность турбоколец с помощью пропускной способности и экологических параметров. Результаты работы показали, что спиралевидная конфигурация в условиях ненасыщенного потока (до 70% от максимальной пропускной способности) может обеспечить более высокую производительность в сравнении со стандартными планировками. По экологическим параметрам выбросов CO, CO₂ и других газов, турбокольца обеспечивают меньшее количество выбросов при интенсивности движения вплоть до 80% от максимальной пропускной способности пересечения.

В Италии проводились исследования по преобразованию трёх кольцевых пересечений в турбокольцевые в городе Палермо [9]. Особенностью выбранных перекрёстков были следующие характеристики: несимметричная форма центрального островка и полос для движения; высокая интенсивность движения; высокая скорость при въезде на пересечение, особенно в ночное время суток. Результаты моделирования транспортной ситуации показали, что реконструкция в турбокольцевую развязку позволит повысить безопасность движения благодаря уменьшению числа конфликтных точек и снижению скорости движения на въездах и на кольцевой проезжей части. В то же время эксплуатационные характеристики будут увеличены из-за улучшения циркуляции транспортных потоков.

В дальнейших работах тех же авторов [10] сравнивались турбокольца с обычными кольцевыми пересечениями по задержкам на въездах и уровню обслуживания. Пропускная способность оценивалась с помощью модели Хагринга (O. Hagring) [11], базирующейся на теории принятия разрыва в транспортном потоке. В результате были определены границы применимости турбоколец в условиях свободного движения. Также был сделан вывод о том, что спиралевидные кольцевые пересечения обладают большей производительностью, если транспортные потоки с большой интенсивностью подъезжают с основного направления, а потоки со средней или низкой интенсивностью – со второстепенных направлений.

Ряд исследователей проводили анализ и сравнение пропускной способности кольцевых пересечений с помощью средств компьютерного моделирования. Так, в работе А. Šarić и I. Lovrić [17] авторы выявили, что пропускная способность турбокольцевой развязки может быть больше на 12–20%, причём это зависит от транспортных корреспонденций и состава транспортных потоков. К аналогичным результатам по увеличению пропускной способности пришли учёные, использовавшие для оценки стратегическую макромодель [4].

Анализ исследуемого участка

Кольцевое пересечение, рассматриваемое в данной работе, расположено в городе Калинин-

град, Россия (рисунок 1), на участке с высокой интенсивностью движения. Данное трёхполосное кольцевое пересечение имеет четыре въезда, расположенных на приблизительно равном расстоянии друг от друга. Явно выраженных основных и второстепенных направлений нет, так как в течение суток наблюдаются сильные колебания транспортных потоков. Диаметр центрального островка равен 50 метрам, в соответствии с классификацией ОДМ 218.2.071–2016 данное пересечение можно отнести к кольцевым пересечениям большого диаметра. Прочие геометрические характеристики для построения модели измерялись вручную ввиду отсутствия проектной документации.

Рисунок 1. Кольцевое пересечение с отметкой места установки камеры

Интенсивность движения на пересечении регистрировалась широкоугольной камерой, расположенной в точке 1 на изображении, ежедневно в течение 9 часов для охвата утреннего и вечерне-

го часов пик, а также периодов между ними. Были определены интенсивности транспортных потоков, длины очередей и построена матрица корреспонденций (таблица 1).

Таблица 1. Матрица корреспонденций на пересечении

	А (Колоскова)	Б (Донского)	В (Румянцева)	Г (Донского)
Б	482	0	980	238
В	114	783	0	147
Г	41	271	194	0

Анализ матрицы корреспонденций показывает, что существующая кольцевая развязка характеризуется наличием большого левоповоротного потока. В частности, более 70% транспортных средств

поступает через въезд В по направлению выезда Б, что создаёт существенные очереди на выезде с кольца и на въезде А, который блокируется потоком, расположенным на кольце. Данную ситуацию

можно наблюдать на рисунке 1, когда водители из двух полос одновременно покидают пересечение через выезд Г. Этот доминирующий транспортный поток приводит к неравномерному использованию

кольцевой проезжей части и значительному уменьшению пропускной способности кольцевой развязки. Результаты оценки производительности пересечения в часы пик представлены в таблице 2.

Таблица 2. Параметрический анализ пересечения

	A ₁ (Колоскова)	A ₂ (Колоскова)	Б (Донского)	В (Румянцева)	Г (Донского)
Средняя длина очереди, м	38,6	32,5	17,9	7,4	6,4
Максимальная длина очереди, м	98,0	90,0	64,0	30,0	18,0

Преобразование кольцевого пересечения в турбокольцевое

Ключевой геометрической особенностью турбоколец являются турбоблоки. Каждый блок создаётся путём задания радиусов полос движения и шага их поворота относительно соседних блоков. Конфигурация центрального островка и блоков

подбирается исходя из того, какие транспортные потоки преобладают на пересечении. Ширина проезжей части и отдельных полос выбирается таким образом, чтобы скорость движения на кольце не превышала 40 км/час. На рисунке 2 показан проект турбокольцевой развязки, разработанной с учётом транспортных потоков на исследуемом участке.

Рисунок 2. Геометрическая конфигурация турбокольца

Для сравнительного анализа использовалась аналитическая модель оценки пропускной способности. Методология оценки основана на теории транспортных потоков, по которой пропускная способность каждого въезда связана с потоками, движущимися по кольцевой проезжей части, а также с псевдоконфликтами на выездах с кольца. Анало-

гичная модель, основанная на модели О. Хагринга и модифицированная разработчиком турбокольцевой конфигурации Л. Фортайном, использовалась для оценки пропускной способности проектного турбокольцевого пересечения [6].

Базовая модель Бови выглядит следующим образом:

$$C_{round} = \frac{1}{\gamma} \left[1500 - \frac{8}{9} (\beta Q_c + \alpha Q_{exit}) \right] \quad (1)$$

где

C_{round} – пропускная способность въезда; Q_c – количество конфликтующих транспортных средств; Q_{exit} – количество транспортных средств, движущихся на выезд; γ – коэффициент, описывающий влияние количества полос на въезде (для одной по-

лосы равен 1, для двух полос принимает значения от 0,6 до 0,7); β – коэффициент влияния количества полос на кольце (для одной полосы принимает значения от 0,9 до 1,0, для двух полос – от 0,6 до 0,8); α – коэффициент влияния транспортных средств, выезжающих с кольцевой проезжей части.

После анализа матрицы корреспонденций (таблица 1) и геометрических характеристик исследуемого пересечения можно получить значения пропускной способности для каждого въезда. Однако ввиду того, что в работе сравниваются обычное и турбокольцевое пересечения, было принято решение использовать модель, предложенную Л. Фортайном, которая является развитием моделей Бови и Хагринга. Благодаря возможности проведения экспериментов в реальных условиях, Л. Фортайн [6] предложил разделить коэффициент β на b_1 , характеризующий внешнюю полосу кольцевой проезжей части, и b_2 , характеризующий внутреннюю полосу. Аналогичная процедура предусмотрена для коэффициента α , учитывающего влияние выходного транспортного потока. Таким образом, модифицированная модель в упрощённом варианте выглядит следующим образом:

$$C_{E1} = C_0 - b_m \cdot Q_{Rm} - b_M \cdot Q_{RM} - a_1 \cdot Q_U \quad (2)$$

Таблица 3. Пропускная способность въездов обычного кольца

	Q_c	Q_{exit}	α	β	γ	C_{round}
А	637	1700	0,25	0,65	0,68	818
Б	1054	1044	0,25	1	0,68	970
В	1174	506	0,25	0,65	0,68	506
Г	385		0,25	1	0,68	1879

Таблица 4. Пропускная способность въездов турбокольца

	Q_c	Q_{Rm}	Q_{RM}	b_m	b_M	a_1	a_2	C_{E1}	C_{E2}	C_{turbo}
А	637	155	482	0,68	0,82	0,21	0,14	911	704	1615
Б	1054	–	1054	0,68	0,82	0,21	–	636	499	1135
В	1174	194	637	0,68	0,82	0,21	0,14	682	711	1393
Г	385	–	385	0,68	0,82	0,21	–	1185	–	1185

Сравнив результаты, представленные в таблицах 3 и 4, можно отметить, что турбокольцевое пересечение обеспечивает более высокую суммарную пропускную способность. Данные по увеличению пропускной способности, представленные в таблице 5, показывают процентное изменение пропуск-

Таблица 5. Увеличение пропускной способности

	C_{round}	C_{turbo}	ΔC (%)
А	818	1615	97%
Б	970	1135	17%
В	506	1393	175%
Г	1879	1185	-37%

$$C_{E2} = C_0 - b_2 \cdot Q_{RZ} - a_2 \cdot Q_{UN}, \quad (3)$$

где

C_0 – базовая пропускная способность, равная 1500 усл.авт./ч; индекс 1 – левая полоса движения на въезде; индекс 2 – правая полоса движения на въезде; Q_R – транспортный поток на кольцевой проезжей части, индекс m относится к меньшей из двух интенсивностей транспортного потока, а индекс M – к большей; индекс N характеризует интенсивность транспортного потока на внутренней полосе проезжей части с круговым движением; индекс Z связан с интенсивностью транспортного потока на внешней полосе проезжей части с кольца.

Результаты вычислений сведены в таблицы 3 и 4 для существующего кольцевого пересечения и турбокольца соответственно. В модифицированной модели пропускная способность считается отдельно для каждой полосы на въезде, а затем суммируется для определения суммарной пропускной способности въезда.

ной способности каждого въезда. Как можно заметить, эффект варьируется от 17% для въезда Б до примерно 175% для въезда В. Отдельно следует отметить уменьшение пропускной способности въезда Г на 37%, которое не повлияет на транспортную ситуацию ввиду низкой интенсивности движения.

Компьютерное моделирование

Микромодель использовалась для дополнительного подтверждения результатов, полученных с по-

мощью аналитических моделей. Модель была выполнена в программном обеспечении PTV VISSIM 8 (рисунок 3).

Рисунок 3. Модели существующего пересечения (а) и турбокольца (б)

С учётом данных, собранных в процессе наблюдения за пересечением (интенсивность движения, длины заторов, скорость движения), была проведена процедура калибровки в соответствии с рекомендациями [22]. Целевыми функциями, по которым сравнивалась производительность конфигураций, были выбраны длины заторов и время задержки. Для получения достоверных результатов необходимо тщательно проанализировать наиболее важные параметры модели [24], а именно: 1) транспортные корреспонденции на пересечении, представленные в таблице 1; 2) распределение скорости в зонах приближения, а также зоны понижения скорости на кольцевой проезжей части и на выездах; 3) минимальный интервал между транспортными средствами на въездах; 4) минимальный разрыв в потоке, движущемся по кольцу; 5) поведенческая модель водителя (для данной ра-

боты использовалась модель по умолчанию).

Микромоделирование проводилось посредством настройки следующих параметров: 1) задание матрицы корреспонденций с учётом распределения транспортного потока во времени; 2) задание правил приоритета, скорости приближения к пересечению и зон снижения скорости; 3) разработка сценариев для анализа утреннего и вечернего часов пик, колебаний транспортных потоков во времени. Сравнение производительности проводилось для узла в целом, а также для отдельных наиболее загруженных направлений по средней и максимальной длине затора, среднему времени задержки и времени простоя.

Результаты исследования

Итоговые результаты были усреднены и сведены в таблицу 6.

Таблица 6. Увеличение пропускной способности

		A ₁	A ₂	Б	В	Г
Средняя длина наблюдаемой очереди, м	существующее пересечение	38,7	32,5	7,4	17,9	5,4
	турбокольцо	15,3	10,2	6,8	12,5	6,3
Изменение длины, %		-60,47%	-68,62%	-8,11%	-30,17%	16,67%

Результаты, представленные в таблице, показывают, что преобразование обычного кольцевого пересечения в турбокольцо может привести к значительному уменьшению заторов на въездах. Например, наиболее загруженный южный въезд показывает улучшение на 30% по сравнению с наблюдаемой ситуацией. Это в целом подтверждает результаты, полученные с помощью аналитической модели Л. Фортайна, и показывает, что спиралевидная конфигурация является эффективным решени-

ем по увеличению пропускной способности при несбалансированных транспортных потоках.

Заключение

Турбокольцевые развязки представляют собой новую конфигурацию перекрестков, которые обеспечивают более высокий уровень безопасности благодаря своим геометрическим характеристикам, в первую очередь связанным с формой центрального острова (спиралевидный) и разделением

полос движения бордюрами (как на въездах, так и на проезжей части). Эти функции обеспечивают преимущества в плане безопасности дорожного движения: уменьшение количества конфликтных точек как следствие отсутствия смены полосы движения на проезжей части; низкую скорость движения при сквозном движении и, как следствие, снижение риска аварии.

Более того, несколько предыдущих исследований показали, что турбокольцевые развязки обеспечивают более высокие эксплуатационные характеристики благодаря увеличению пропускной способности и лучшему распределению потоков. В свете вышеизложенного в данной статье основное внимание уделяется оценке длины очереди и пропускной способности существующей кольцевой развязки, преобразованной в турбокольцевую, для чего были использованы ранее не применявшиеся в российских методических документах математические модели Бови, Хагрина и Фортайна. Результаты показали, что можно добиться сокра-

щения длины очереди, в частности, улучшение превысило 60% для некоторых направлений. Таким образом, предлагаемое турбокольцевое пересечение может повысить как безопасность, так и эксплуатационные характеристики, что составляет его практическую значимость.

Следующим этапом исследования планируется изучение возможности интегрирования методики оценки пропускной способности, рассмотренной в данной статье, в отечественную методику выбора типа пересечений, лежащую в основе таких нормативно-технических документов, как «Методические указания по проектированию кольцевых пересечений автомобильных дорог»¹ и ОДМ 218.4.005–2010². Конечной целью исследования планируется создание новой методики оценки пропускной способности кольцевых пересечений разных типов, в том числе учитывающей особенности функционирования кольцевых пересечений на территории Российской Федерации.

Литература

1. Ahac S., Džambas T., Dragčević V. Review of fastest path procedures for single-lane roundabouts Šibenik, Croatia, 2016. P. 885–891.
2. Astarita V. [and other]. Analysis of Non-Conventional Roundabouts Performances through Microscopic Traffic Simulation // Applied Mechanics and Materials. 2014. (505–506). P. 481–488.
3. Brilon W. Studies on Roundabouts in Germany: Lessons Learned Carmel, Indiana, 2011. P. 1–15.
4. Engelsman J. C., Uken M. Turbo roundabouts as an alternative to two lane roundabouts 2007. P. 581–589.
5. Fortuijn L. G. H. Turbo Roundabouts: Design Principles and Safety Performance // Transportation Research Record. 2009. № 1 (2096). P. 16–24.
6. Fortuijn L. G. H. Turbo Roundabouts: Estimation of Capacity // Transportation Research Record. 2009. № 1 (2130). P. 83–92.
7. Gallelli V., Vaiana R. Safety improvements by converting a standard roundabout with unbalanced flow distribution into an egg turbo roundabout: Simulation approach to a case study // Sustainability (Switzerland). 2019. № 2 (11). P. 1–13.
8. Gallelli V., Vaiana R., Iuele T. Comparison between Simulated and Experimental Crossing Speed Profiles on Roundabout with Different Geometric Features // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. (111). P. 117–126.
9. Giuffrè O., Granà A., Guerrieri M. Turbo-roundabout general design criteria and functional principles: case studies from real world Valencia, Spain, 2010. P. 1–12.
10. Giuffrè O., Granà A., Marino S. Comparing Performances of Turbo-roundabouts and Double-lane Roundabouts // Modern Applied Science. 2012. № 10 (6). P. 70–79.
11. Hagring O. A further generalization of Tanner's formula // Transportation Research Part B-methodological. 1998. № 6 (32). P. 423–429.
12. Mauro R., Cattani M. Potential Accident Rate of Turbo-Roundabouts Valencia, Spain, 2010.
13. Mauro R., Cattani M., Guerrieri M. Evaluation of the Safety Performance of Turbo Roundabouts by Means of a Potential Accident Rate Mode // The Baltic Journal of Road and Bridge Engineering. 2015. (10). P. 28–38.

¹ Методические указания по проектированию кольцевых пересечений автомобильных дорог. Утв. Министерством автомобильных дорог РСФСР 04.10.79 [Электронный ресурс] // Техэксперт. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200041476> / Guidelines for the design of ring intersections of roads. Approved. Ministry of roads of the RSFSR 04.10.79. Techexpert. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200041476>.

² ОДМ 218.4.005-2010 Рекомендации по обеспечению безопасности движения на автомобильных дорогах [Электронный ресурс] // Техэксперт. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200084056> / ODM 218.4.005-2010 Recommendations to ensure traffic safety on roads. Techexpert. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200084056>.

14. Montella A. Identifying crash contributory factors at urban roundabouts and using association rules to explore their relationships to different crash types // *Accident Analysis & Prevention*. 2011. № 4 (43). P. 1451–1463.
15. Praticò F. [and other]. Transport and traffic management by micro simulation models: operational use and performance of roundabouts A Coruña, Spain, 2012. P. 383–394.
16. Praticò F., Vaiana R., Gallelli V. Micro-simulation effectiveness in predicting operating speed profiles in a roundabout // *Advances in Transportation Studies*. 2015. № 37 (NOV2015). P. 5–14.
17. Šarić A., Lovrić I. Multi-lane roundabout capacity evaluation // *Frontiers in Built Environment*. 2017. № 42 (3).
18. Silva A. B., Maia Seco Á. J. da, Silva J. P. C. da Characterization of Trajectories Adopted at Roundabout Crossings Strasbourg, France, 2006.
19. Silva A. B., Mariano P., Silva J. P. Performance Assessment of Turbo-roundabouts in Corridor // *Transportation research procedia*. 2015. (10). P. 124–133.
20. Tomaž T. *Alternative Types of Roundabouts* / T. Tomaž, Springer International Publishing, 2015. 206 p.
21. *Transportation Research Board Roundabouts: An Informational Guide – Second Edition* / T. R. Board, Washington, DC: The National Academies Press, 2010. 396 p.
22. Vaiana R., Gallelli V., Iuele T. Simulation of Observed Traffic Conditions on Roundabouts by Dedicated Software // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. (53). P. 741–753.
23. Vaiana R., Gallelli V., Iuele T. Methodological Approach for Evaluation of Roundabout Performances through Microsimulation // *Applied Mechanics and Materials*. 2013. № PART 1 (253–255). P. 1956–1966.
24. Vaiana R., Gallelli V., Iuele T. Sensitivity Analysis in Traffic Microscopic Simulation Model for Roundabouts // *Baltic Journal of Road and Bridge Engineering*. 2013. № 3 (8). P. 174–183.
25. Vasconcelos L. [and other]. Turboroundabouts: Multicriterion Assessment of Intersection Capacity, Safety, and Emissions // *Transportation Research Record*. 2014. № 1 (2402). P. 28–37.
26. Yap Y. H., Gibson H. M., Waterson B. J. An International Review of Roundabout Capacity Modelling // *Transport Reviews*. 2013. № 5 (33). P. 593–616.

References

1. Ahac, S., Džambas, T., Dragčević, V. (2016) Review of fastest path procedures for single-lane roundabouts Šibenik. Croatia, pp. 885–891.
2. Astarita, V. [and other] (2014) Analysis of Non-Conventional Roundabouts Performances through Microscopic Traffic Simulation. *Applied Mechanics and Materials*. (505–506), pp. 481–488. (In Engl.).
3. Brilon, W. (2011) Studies on Roundabouts in Germany : Lessons Learned Carmel. Indiana, pp. 1–15. (In Engl.).
4. Engelsman, J. C., Uken, M. (2007) Turbo roundabouts as an alternative to two lane roundabouts, pp. 581–589. (In Engl.).
5. Fortuijn, L. G. H. (2009) Turbo Roundabouts : Design Principles and Safety Performance. *Transportation Research Record*. Vol. 1 (2096), pp. 16–24. (In Engl.).
6. Fortuijn, L. G. H. (2009) Turbo Roundabouts: Estimation of Capacity. *Transportation Research Record*. Vol. 1 (2130), pp. 83–92. (In Engl.).
7. Gallelli, V., Vaiana, R. (2019) Safety improvements by converting a standard roundabout with unbalanced flow distribution into an egg turbo roundabout : Simulation approach to a case study. *Sustainability (Switzerland)*. Vol. 2 (11), pp. 1–13. (In Engl.).
8. Gallelli, V., Vaiana, R., Iuele, T. (2014) Comparison between Simulated and Experimental Crossing Speed Profiles on Roundabout with Different Geometric Features. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. (111), pp. 117–126. (In Engl.).
9. Giuffrè, O., Granà, A., Guerrieri, M. (2010) Turbo-roundabout general design criteria and functional principles: case studies from real world Valencia, Spain, pp. 1–12. (In Engl.).
10. Giuffrè, O., Granà, A., Marino, S. (2012) Comparing Performances of Turbo-roundabouts and Double-lane Roundabouts. *Modern Applied Science*. Vol. 10 (6), pp. 70–79. (In Engl.).
11. Haging, O. A. (1998) Further generalization of Tanner’s formula. *Transportation Research Part B-methodological*. Vol. 6 (32), pp. 423–429. (In Engl.).
12. Mauro, R., Cattani, M. (2010) Potential Accident Rate of Turbo-Roundabouts Valencia. Spain.
13. Mauro, R., Cattani, M., Guerrieri, M. (2015) Evaluation of the Safety Performance of Turbo Roundabouts by Means of a Potential Accident Rate Mode. *The Baltic Journal of Road and Bridge Engineering*. (10), pp. 28–38. (In Engl.).
14. Montella, A. (2011) Identifying crash contributory factors at urban roundabouts and using association rules to explore their relationships to different crash types. *Accident Analysis & Prevention*. Vol. 4 (43), pp. 1451–1463. (In Engl.).

15. Praticò, F. [and others] (2012) Transport and traffic management by micro simulation models: operational use and performance of roundabouts A Coruña. Spain, pp. 383–394. (In Engl.).
16. Praticò, F., Vaiana, R., Gallelli, V. (2015) Micro-simulation effectiveness in predicting operating speed profiles in a roundabout. *Advances in Transportation Studies*. Vol. 37 (NOV2015), pp. 5–14. (In Engl.).
17. Šarić, A., Lovrić, I. (2017) Multi-lane roundabout capacity evaluation. *Frontiers in Built Environment*. Vol. 42 (3). (In Engl.).
18. Silva, A. B., Maia, Seco, Á. J. da, Silva, J. P. C. da (2006) Characterization of Trajectories Adopted at Roundabout Crossings Strasbourg, France.
19. Silva, A. B., Mariano, P., Silva, J. P. (2015) Performance Assessment of Turbo-roundabouts in Corridor. *Transportation research procedia*. Vol. 10, pp. 124–133. (In Engl.).
20. Tomaž, T. (2015) *Alternative Types of Roundabouts*. Springer International Publishing, 206 p.
21. Board, T. R. (2010) *Transportation Research Road Roundabouts: An Informational Guide*. Washington, DC: The National Academies Press, 396 p.
22. Vaiana, R., Gallelli, V., Iuele, T. (2012) Simulation of Observed Traffic Conditions on Roundabouts by Dedicated Software. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 53, pp. 741–753. (In Engl.).
23. Vaiana, R., Gallelli, V., Iuele, T. (2013) Methodological Approach for Evaluation of Roundabout Performances through Microsimulation. *Applied Mechanics and Materials*. PART 1 (253–255), pp. 1956–1966. (In Engl.).
24. Vaiana, R., Gallelli, V., Iuele, T. (2013) Sensitivity Analysis in Traffic Microscopic Simulation Model for Roundabouts. *Baltic Journal of Road and Bridge Engineering*. Vol. 3 (8), pp. 174–183. (In Engl.).
25. Vasconcelos, L. [and others] *Turboroundabouts: Multicriterion Assessment of Intersection Capacity, Safety, and Emissions*. *Transportation Research Record*. Vol. 1 (2402), pp. 28–37. (In Engl.).
26. Yap, Y. H., Gibson, H. M., Waterson, B. J. (2013) An International Review of Roundabout Capacity Modelling. *Transport Reviews*. Vol. 5 (33), pp. 593–616. (In Engl.).

Информация об авторах:

Владимир Иванович Рассоха, доктор технических наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-7836-2242, **Researcher ID:** M-3242-2017, **Scopus Author ID:** 57193742928
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Николай Андреевич Никитин, заведующий лабораторией кафедры машиноведения и технических систем, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8512-7662, **Researcher ID:** ABB-5779-2020, **Scopus Author ID:** 57193746390
e-mail: NiNikitin@kantiana.ru

Статья поступила в редакцию: 15.10.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Vladimir Ivanovich Rassokha, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7836-2242, **Researcher ID:** M-3242-2017, **Scopus Author ID:** 57193742928
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Nikolai Andreevich Nikitin, Head of the Laboratory of the Department of Mechanical Engineering and Technical Systems, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8512-7662, **Researcher ID:** ABB-5779-2020, **Scopus Author ID:** 57193746390
e-mail: NiNikitin@kantiana.ru

The paper was submitted: 15.10.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНТРОЛЯ ПАРАМЕТРОВ СМАЗОЧНОЙ СИСТЕМЫ ДИЗЕЛЯ Д-245

С. В. Тимохин

Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия

e-mail: timohinsv@gmail.com

Ю. В. Родионов

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

e-mail: dekauto@pguas.ru

И. И. Курбаков

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

e-mail: mrsu2@mail.ru

Аннотация. Существенным фактором, влияющим на надежность ДВС и его технико-экономические показатели, является эффективность функционирования смазочной системы. При нормативной подаче масла между контактирующими деталями возникает полужидкостное трение, при котором детали не разделены полностью слоем масла. Однако при таком трении гарантируется требуемая долговечность узлов и деталей с отводом тепла. Работоспособность системы смазки двигателя определяется состоянием её элементов (фильтров грубой и тонкой очистки, масляного радиатора и насоса, клапанов), а также качеством масла, его уровнем в картере ДВС и температурой. В отечественных ДВС контролируют минимальный уровень масла в картере, однако в эксплуатации возникают ситуации, когда уровень масла превышает его максимальное значение. Такая ситуация возникает при попадании в систему смазки охлаждающей жидкости или топлива. Охлаждающая жидкость может попадать в масло при нарушении герметичности прокладок головки блока цилиндров, уплотнительных колец гильз, трещин в головке и блоке цилиндров. Топливо в масло может проникать через изношенные и поврежденные детали топливной аппаратуры (диафрагму бензонасоса, плунжерные пары ТНВД и др.). Указанные жидкости резко ухудшают качество масла и увеличивают износ деталей ДВС, причем штатный одноуровневый указатель не даст водителю оперативной информации о неисправности.

В связи с вышеизложенным, целью данной работы является совершенствование технологии контроля технического состояния смазочной системы ДВС на примере дизеля Д-245 и его модификаций, получивших широкое распространение на автомобилях семейства ГАЗ (ГАЗ – 3309), ЗИЛ (ЗИЛ – 5301), МАЗ (МАЗ Зубренок), автобусах ПАЗ (ПАЗ-3205), тракторах МТЗ (МТЗ-100, 892, 1020), сельскохозяйственной и строительно-технической, путем разработки и внедрения встроенного прибора для контроля минимального и максимального уровней масла в картере, а также его температуры.

Научная новизна работы обусловлена как использованием новых схемотехнических решений, так и разработанным авторами оригинального алгоритма работы датчика, основанного на использовании закономерностей коммутации герконов с нормально-замкнутыми и нормально разомкнутыми контактами, срабатывание которых разнесено по времени и контролируемыми уровням масла.

Структурная схема предлагаемого прибора содержит многофункциональный датчик уровней и температуры масла, включающий датчики минимального и повышенного уровней моторного масла в картере ДВС и его температуры, переключатель режима работы указателя температур охлаждающей жидкости и моторного масла, первый и второй компараторы напряжений, световые индикаторы, звуковой анализатор, включатель питания прибора, стабилизатор напряжения и штатный датчик температуры охлаждающей жидкости.

Применение разработанного прибора существенно повышает надежность и удобство контроля одного из наиболее важных показателей двигателей внутреннего сгорания – уровня масла в картере, что позволит избежать значительных повреждений двигателя.

В результате дальнейших исследований планируется разработать конструкцию прибора, провести лабораторные исследования разработанного многофункционального датчика с целью определения зависимости его сопротивления от температуры при нормальном уровне моторного масла в мерной колбе, а также определение фактических значений высот срабатывания разработанного датчика на нижнем и верхних уровнях масла.

Ключевые слова: контроль уровня масла, техническое обслуживание, смазочная система, структурная схема, дизель.

Для цитирования: Тимохин С. В., Родионов Ю. В., Курбаков И. И. Совершенствование технологии контроля параметров смазочной системы дизеля Д-245 // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 163–171. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-163.

IMPROVEMENT OF THE TECHNOLOGY FOR CONTROLLING THE PARAMETERS OF THE LUBRICATING SYSTEM OF THE D-245 DIESEL ENGINE

S. V. Timokhin

Penza State Agrarian University, Penza, Russia
e-mail: timohinsv@gmail.com

Y. V. Rodionov

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia
e-mail: dekauto@pguas.ru

I. I. Kurbakov

National research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia
e-mail: mrsu2@mail.ru

Abstract. A significant factor affecting the reliability of the internal combustion engine and its technical and Economic indicators is the efficiency of the lubrication system. When the standard oil supply is applied, semi-liquid friction occurs between the contacting parts, in which the parts are not completely separated by a layer of oil. However, with this friction, the required durability of components and parts with heat removal is guaranteed. The performance of the engine lubrication system is determined by the state of its elements (coarse and fine filters, oil radiator and pump, valves), as well as the quality of oil, its level in the internal combustion engine crankcase and temperature. In domestic internal combustion engines, the minimum oil level in the crankcase is controlled, but in operation there are situations when the oil level exceeds its maximum permissible value. This situation occurs when coolant or fuel enters the lubrication system. Coolant can get into the oil if the cylinder head gaskets, sleeve o-rings, or cracks in the cylinder head and block are broken. Top-Livo can enter the oil through worn and damaged parts of the fuel equipment (gas pump diaphragm, fuel pump plunger pairs, etc.). These liquids sharply degrade the quality of the oil and increase the wear of internal combustion engine parts, and the standard single-level indicator will not give the driver operational information about the malfunction.

In connection with the above, the purpose of this work is to improve the technology for monitoring the technical condition of the internal combustion engine lubrication system on the example of the d-245 diesel engine and its modifications, which are widely used in GAZ (GAZ-3309), ZIL (ZIL-5301), MAZ (MAZ Zubrenok), PAZ buses (PAZ-3205), MTZ tractors (MTZ – 100, 892, 1020), agricultural and construction equipment. by developing and implementing a built – in device for monitoring the minimum and maximum oil levels in the crankcase, as well as its temperature. The scientific novelty of the work is due to the use of new circuit and technical solutions, as well as the original algorithm of the sensor operation developed by the authors, based on the use of switching laws of reed switches with normally closed and normally open contacts, the operation of which is spaced over time and controlled oil levels.

Block diagram of the proposed device comprises a multifunction sensor level and oil temperature, including sensors of the minimum and increased levels of engine oil in the crankcase of the engine and its temperature, the operation mode switch signal cooling temperature-edusei fluid and engine oil, the first and second voltage comparators, indicator lights, buzzer, switch power supply, voltage regulator and regular temperature sensor coolant.

The use of the developed device significantly increases the reliability and convenience of monitoring one of the most important indicators of internal combustion engines—the oil level in the crankcase, which will avoid significant engine damage.

As a result of further research, it is planned to develop the device design, conduct laboratory studies of the developed multifunctional sensor in order to determine the dependence of its resistance on the temperature at the normal level of engine oil in the measuring flask, as well as determine the actual values of the developed sensor response heights at the lower and upper levels.

Key words: oil level monitoring, maintenance, lubrication system, block diagram, diesel.

Cite as: Timokhin, S. V., Rodionov, Yu. V., Kurbakov, I. I. (2020) [Improvement of the technology for controlling the parameters of the lubricating system of the D-245 diesel engine]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 163–171. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-163.

Введение

Увеличение ресурса двигателей обеспечивает значительный экономический эффект в результате сокращения простоев и увеличения производительности автомобилей, уменьшения расхода запасных частей, снижения затрат на текущие и капитальные ремонты.

Главным образом срок службы ДВС в основном (до 80%) зависит от износа сопряженных деталей. Поэтому существенным фактором, влияющим на надежность, долговечность ДВС и его технико-экономические показатели является эффективность функционирования системы смазки. При нормативной подаче масла между контактирующими деталями возникает полужидкостное трение, при котором детали не разделены полностью слоем масла. Однако при таком трении гарантируется требуемая долговечность узлов и деталей с отводом тепла. При плохом смазывании или пульсирующей подаче смазки к узлам и механизмам появляется полусухое трение с повышенным изнашиванием контактирующих деталей и выделением большого количества тепла. В результате резко снижается механический КПД и работоспособность двигателя. Избыточное смазывание вызывает попадание масла в камеры сгорания, из-за чего образуется нагар на стенках камер сгорания и клапанах, днищах поршней, что приводит к повышенному расходу масла, перегреву и перебоям в работе двигателя [2, 4, 6, 15].

Работоспособность системы смазки двигателя определяется состоянием её элементов (фильтров грубой и тонкой очистки, масляного радиатора и насоса, клапанов), а также качеством масла, его уровнем в картере ДВС и температурой [1, 3, 7, 10].

В отечественных ДВС контролируют минимальный уровень масла в картере, однако в эксплуатации возникают ситуации, когда уровень масла превышает его максимально – допустимое значение. Такая ситуация возникает при попадании в систему смазки охлаждающей жидкости или топлива. Охлаждающая жидкость может попадать в масло при нарушении герметичности прокладок головки блока цилиндров, уплотнительных колец гильз, трещин в головке и блоке цилиндров. Топливо в масло может попадать через изношенные и поврежденные детали топливной аппаратуры (диафрагму бензонасоса, плунжерные пары ТНВД и др.) Указанные жидкости резко ухудшают качество масла и увеличивают износ деталей ДВС, причем штатный одноуровневый указатель не даст водителю оперативной информации о неисправности [5, 11, 14, 16].

Важную роль играет и температура масла. Наилучшее смазывание сопряжений достигается при оптимальном значении температуры масла, составляющем 75–95 °С. На большинстве отечественных автомобилей с жидкостной системой охлаждения ДВС отсутствует контроль температуры масла, что отрицательно влияет на экономичность, ресурс подвижных сопряжений и его качественные показатели.

Главными параметрами, определяющими техническое состояние смазочной системы, являются: уровень масла в картере, давление в главной магистрали, частота вращения и выбег ротора масляной центрифуги, температура, гидравлическое сопротивление фильтров, производительность масляного насоса, а также качественные показатели масла.

Высокую информативность имеет давление масла в смазочной системе ДВС. При нормальном техническом состоянии механизмов ДВС, агрегатов и элементов смазочной системы величина давления поддерживается сливным клапаном на оптимальном уровне. Постепенное снижение давления ниже нормы происходит в случае естественного износа подшипников скольжения ДВС смазываемых под давлением. Резкое снижение давления наблюдается в случае неисправностей привода масляного насоса, снижении уровня и утечках масла, загрязненности фильтрующих элементов и др.

Для контроля давления масла в смазочной системе двигателей автомобилей старых марок использовали термометаллические импульсные манометры, а на современных применяются логотметрические с реостатным датчиком.

Сигнализаторы аварийного (минимального) давления масла предназначены для повышения надежности контроля работы системы смазки ДВС. Они содержат датчики аварийных значений давления масла, сигнальную лампочку и источник электроэнергии.

Уровень смазочного масла можно контролировать датчиками различных типов: поплавковыми, электротепловыми, ультразвуковыми и др.¹. Анализ конструкций датчиков уровня показывает, что наиболее совершенными являются электротепловые и ультразвуковые, однако они имеют достаточно сложную конструкцию и на отечественных автомобилях не используются [8, 9, 12, 17].

Задача поплавкового датчика уровня масла заключается в контроле минимального уровня масла и своевременной подаче сигнала на индикаторную лампочку, в случае его снижения до критической отметки.

¹ Герконы КЭМ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://asenergi.ru/catalog/pereklyuchateli/gerkony-kem.html> - (дата обращения 01.09.2020); Датчик уровня масла. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://systemsauto.ru/lubrication/oil-level-sensor.html> – (дата обращения 01.09.2020); Oil life monitoring systems. – Access:// <https://www.edmunds.com/car-maintenance/oil-life-monitoring-systems.html> – (reference date: 15.05.2020); GM's Oil-Life System Improves Timing of Oil Change. – Access:// <https://www.machinerylubrication.com/Read/77/gm-s-oil-life-system-improves-timing-of-oil-change> – (reference date: 21.05.2020).

Принцип действия основан на использовании магнитоуправляемых контактов – герконов. Геркон помещается в запаянную с нижнего конца трубку из немагнитного материала, погруженную в масло. Снаружи по трубке перемещается поплавков со встроенным кольцевым магнитом. Геркон установлен в зоне минимального уровня масла и срабатывает при нахождении поплавка напротив него. Его контакты замыкаются и включают сигнальную лампочку на контрольной панели автомобиля.

Чувствительным элементом широко распространенных тепловых датчиков уровня является проволока, которая кратковременно нагревается до температуры, превышающей температуру масла. Уровень масла определяется по времени, необходимого для охлаждения проволоки. Естественно, что она охлаждается быстрее при большем количестве масла в картере двигателя.

У электротермического датчика уровня масла в качестве чувствительного элемента датчика выступает проволока с высоким температурным коэффициентом сопротивления, которая разогревается проходящим через нее током. Глубина погружения проволоки в масло определяет общее сопротивление и, следовательно, по величине напряжения на выходе датчика можно контролировать уровень масла.

Электронный измерительный блок обрабатывает поступающие сигналы, передает вместе с сигналами датчика температуры масла в блок управления ДВС и затем на индикатор приборной панели.

Графическая индикация уровня масла возможна помощью ультразвукового датчика.

С целью контроля уровня смазочного масла можно использовать динамический и статический способы измерений. Динамическое измерение проводится во время движения автомобиля с учетом продольного и поперечного ускорения, температуры двигателя, частоты вращения коленчатого вала. На неработающем двигателе стоящего автомобиля осуществляется статическое измерение уровня масла. При включении зажигания запускается процесс измерения с учетом положения автомобиля по отношению к горизонту.

В электронных системах управления двигателями для температурной коррекции управляющих воздействий применяются датчики температуры повышенной стабильности как с полупроводниковым, так и с медным чувствительным элементом. Их характеристика близка к линейной в рабочем диапазоне температур. К блоку управления они подключаются по двухпроводной схеме.

Результаты исследований

Анализ схем электрооборудования отечественных автомобилей, в том числе оснащенных дизелями типа Д-245, показывает, что в них отсутствуют

приборы контроля температуры смазочного масла, но обязательно имеются измерители температуры охлаждающей жидкости с терморезисторными датчиками типа ТМ (ТМ-100 и др.) с диапазоном измерений от 40 до 130 °С, которые могут быть использованы и для контроля температуры смазочного масла.

В связи с вышеизложенным, целью данной работы является совершенствование технологии контроля технического состояния смазочной системы ДВС на примере дизеля Д-245 и его модификаций, получивших широкое распространение на автомобилях семейства ГАЗ (ГАЗ-3309), ЗИЛ (ЗИЛ-5301), МАЗ (МАЗ Зубренок), автобусах ПАЗ (ПАЗ-3205), тракторах МТЗ (МТЗ-100, 892, 1020), сельскохозяйственной и строительной технике, путем разработки и внедрения встроенного прибора для контроля минимального и максимального уровня масла в картере, а также его температуры [13].

Особенности принципа действия и конструкция рассмотренного выше герконового датчика минимального уровня масла, а также размещение в картере ДВС, позволяют расширить его функциональные возможности, как в плане контроля второго, максимально – допустимого верхнего уровня масла, так и его температуры. Проведенный информационный анализ датчиков такого назначения аналогов предлагаемого не выявил.

В связи с вышеизложенным, в работе спроектирован оригинальный многофункциональный датчик и контрольно-измерительный прибор с его использованием. Оригинальные конструкции предлагаемого датчика в отличие от известного, состоит во введении в него второго геркона, установленного в зоне контроля верхнего уровня масла и ограничителя хода поплавка – магнита в этой зоне, а также установке таблеточного терморезистора с пружинным фиксатором – токосъемником в нижней части трубки датчика, при этом используется терморезистор, аналогичный используемому в штатном датчике температуры охлаждающей жидкости модернизируемого автомобиля или другой машины.

Особенность электрической схемы датчика заключается в том, что информация о трех контролируемых параметрах передается на элементы их контроля и сигнализаторы по одному проводу (вторым является «масса» датчика и корпусные детали ДВС и автомобиля). В электрической схеме прибора для контроля предельных уровней масла и его температуры имеются световые и звуковые сигнализаторы, при этом для определения текущего значения температуры масла используется штатный указатель температуры охлаждающей жидкости. Такое решение позволило использовать корпус серийного датчика минимального уровня масла с однополюсным разъемом для подключения к схеме и сократить до минимума число соединительных проводов.

Научная новизна работы обусловлена как использованием новых схемотехнических решений, так и разработанным авторами оригинального алгоритма работы датчика, основанного на использовании закономерностей коммутации герконов с нормально-замкнутыми и нормально разомкнутыми контактами, срабатывание которых разнесено по времени и контролируемым уровням масла.

Структурная схема (рисунок 1) прибора содержит многофункциональный датчик уровней и темпе-

ратуры масла, включающий датчики минимального (ДМУ) и повышенного (ДПУ) уровней моторного масла в картере ДВС и его температуры (ДТМ), переключатель режима работы (ПРР) указателя температур охлаждающей жидкости и моторного масла (УТ), первый (К1) и второй (К2) компараторы напряжений, световые индикаторы (СИ1), (СИ2), звуковой сигнализатор ЗС, включатель питания прибора (ВП), стабилизатор напряжения (СН) и штатный датчик температуры охлаждающей жидкости (ДТОЖ).

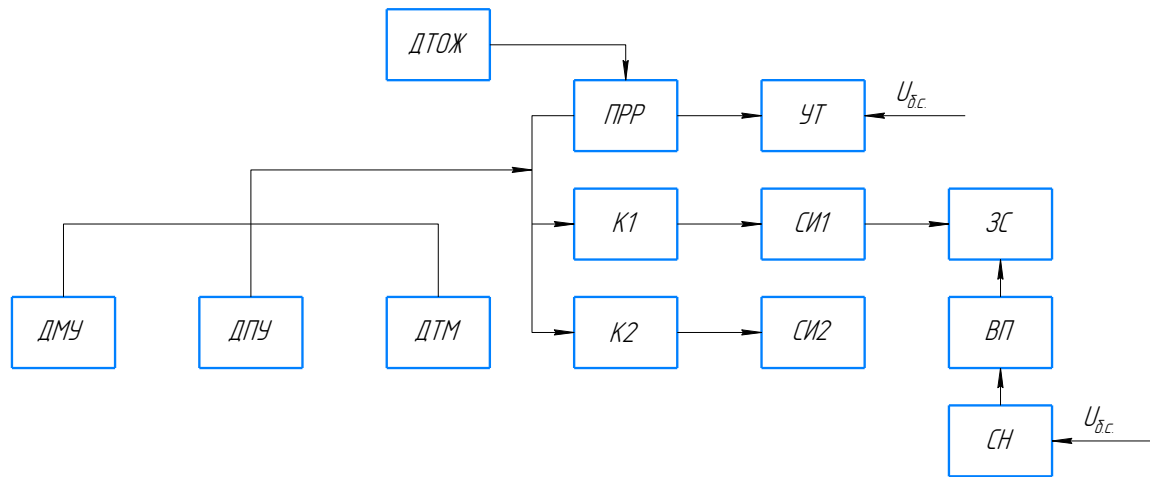

Рисунок 1. Структурная схема прибора для контроля уровней и температуры масла в картере дизеля Д-245

Источник: разработано авторами

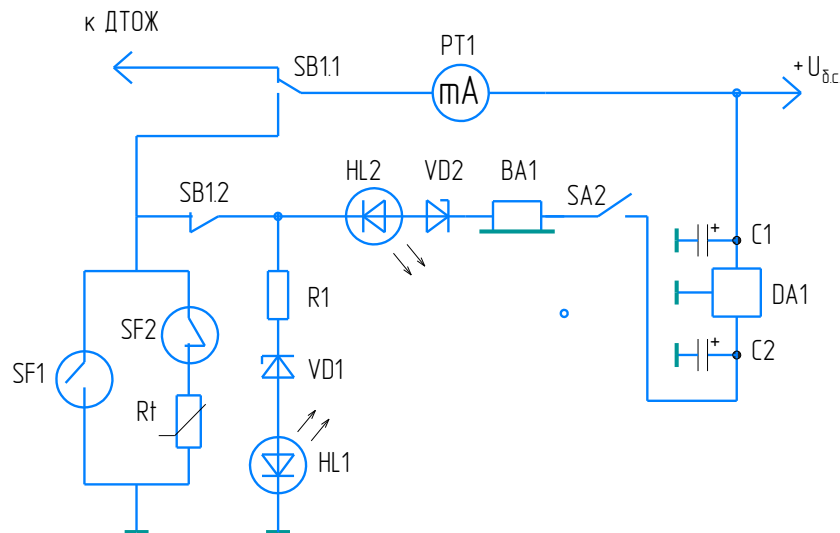

Рисунок 2. Электрическая схема прибора для контроля температуры и уровней масла в смазочной системе дизеля Д-245

Источник: разработано авторами

Электрическая схема (рисунок 2) прибора содержит герконы SF1 и SF2 датчиков минимального и повышенного уровней масла, терморезистор

датчика температуры масла Rt, ограничительный резистор R1, стабилитроны VD1, VD2, светодиоды HL1, HL2, светодиоды HL1, HL2, звуковой излуча-

тель BA1, стабилизатор напряжения питания DA1, переключатель SA1 режима работы указателя температуры PT1, выключатель питания SA2, конденсаторы C1, C2.

Работа схемы происходит следующим образом. Для включения прибора в работу включают переключатель SA2, через который поступит стабилизированное напряжение питания (12В) на его схему.

Согласно алгоритму работы разрабатываемого прибора при нормальном уровне масла геркон SF1 разомкнут, а SF2 замкнут при этом в цепь датчика включен терморезистор Rt. Его сопротивление определяется температурой масла в картере. При повышенной температуре (более 120 °С) его сопротивление снизится до 60 Ом, а напряжение на цепочке HL2, VD2, BA1 повысится и достигнет величины открытия стабилитрона VD2. В результате начнется свечение светодиода VD2, и звучание сигнализатора BA1, с интенсивностью пропорциональной температуре масла. Для ее точного контроля водитель нажимает кнопку SB1 при этом к входу штатного указателя температуры охлаждающей жидкости подключится выход многофункционального датчика (терморезистор Rt) и он покажет температуру масла. В случае снижения уровня масла в картере ниже минимально допустимого значения сработает геркон SF1 и соединит вывод датчика с массой напрямую, в результате напряжение на цепочке HL2, VD2, BA1 скачком возрастет до напряжения питания, при этом начнется яркое свечение светодиода VD2, и громкое звучание сигнализатора BA1. При повышенном

уровне масла поплавков поднимется до геркона SF2, он переключится и разомкнет свои нормально-замкнутые контакты, в результате чего резко повысится напряжение на цепочке R1, VD1, HL1, и светодиод HL1 (высокий уровень масла) загорится, а звуковой сигнализатор зазвучит с минимальной громкостью. При дальнейшем увеличении уровня масла поплавков датчика упрутся в ограничитель хода и сигнализаторы будут включены.

При невозможности оперативного устранения причины срабатывания сигнализаторов и необходимости продолжения движения машины сигнализаторы могут быть отключены переключателем SA2 (с соответствующей коррекцией нагрузочно-скоростного и температурного режима работы).

Заключение

Применение разработанного прибора существенно повышает надежность и удобство контроля одного из наиболее важных показателей двигателей внутреннего сгорания – уровня масла в картере, что позволит избежать значительных повреждений двигателя.

В результате дальнейших исследований планируется разработать конструкцию прибора, провести лабораторные исследования разработанного многофункционального датчика с целью определения зависимости его сопротивления от температуры при нормальном уровне моторного масла в мерной колбе, а также определение фактических значений высот срабатывания разработанного датчика на нижнем и верхних уровнях масла.

Литература

1. Антропов Б. С., Бестаев Р. И. Диагностика автомобильного двигателя по состоянию картерного масла // Грузовик. – 2006. – № 5. – С. 25–26.
2. Власов Ю. А. Методология диагностики агрегатов автомобилей электрофизическими методами контроля параметров работающего масла: дис. ... докт. техн. наук: 05.22.10. – Томск, 2015. – 367 с.
3. Горюнова Е. Н., Жаров А. В. Диагностика газопоршневого двигателя по анализу моторного масла // История и перспективы развития транспорта на севере России. – 2013. – № 1. – С. 153–156.
4. Кулаков А. Т., Нуретдинов Д. И., Назаров Ф. Л. Диагностирование технического состояния двигателя по расходу масла на угар // Социально-экономические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2020. – № 2 (85). – С. 6–11.
5. Лаушкин А. В., Хазиев А. А. Причины обводнения моторного масла в эксплуатации // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). – 2012. – № 1(28). – С. 63–67.
6. Лысенко В. А. Анализ и диагностика двигателя VA3-11183 при повышенном расходе масла // Моя профессиональная карьера. – 2020. – Т. 1. – № 14. – С. 154–159.
7. Егоров А. В., Новиков Ю. М., Зубова Е. В., Вахрушев В. В. Оценка работоспособности моторных масел // Вестник Челябинской государственной агроинженерной академии. – 2014. – Т. 68. – С. 31–34.
8. Пат. 2232904 Российская Федерация, МПК F01M 11/00. Способ и система контроля состояния масла в двигателе внутреннего сгорания / Евстифеев Б. В.; заявитель и патентообладатель: Федеральное государственное унитарное предприятие Всероссийский научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт подвижного состава. № 2003101669/06; заявл. 22.01.2003; опубл. 2004.07.20, Бюл. № 20. – 13 с.
9. Пат. 2216715 Российская Федерация, МПК G01 F23/26, G01 N11/00. Датчик уровня и качества масла двигателя внутреннего сгорания / Евстифеев Б. В., Земсков А. А.; заявитель и патентообладатель:

Государственное унитарное предприятие Всероссийский научно-исследовательский институт тепловозов и путевых машин Министерства путей сообщения Российской Федерации. № 2002118847/28; заявл. 17.07.2002; – опубл. 2003.11.20, Бюл. № 32. – 11 с.

10. Пегачков А. А., Кузовков И. М. Удаленная диагностика тепловых параметров двигателя внутреннего сгорания // Высокие технологии в строительном комплексе. – 2020. – № 1 – С. 204–210.

11. Разработка способов увеличения ресурса и надежности систем смазки двигателей внутреннего сгорания наземного транспорта / В. А. Алтунин, К. А. Алтунин, И. Н. Алиев, А. А. Щиголев и др. // Известия высших учебных заведений. Машиностроение. – 2015. – № 10 (667). – С. 47–57.

12. Снарский С. В. Гафиятуллин А. А., Кулаков А. Т. Датчики для измерения эксплуатационных параметров дизельного двигателя и оценки остаточного ресурса // Научная мысль. – 2017. – № 3. – С. 203–209.

13. Тимохин С. В. Вазеров А. Э., Краснов А. Ю. Разработка устройства для контроля смазочной системы автомобиля // Эксплуатация автотракторной и сельскохозяйственной техники: опыт, проблемы, инновации, перспективы: сборник статей IV Междунар. науч.-прак. конф. 15–16 октября 2019 г., Пенза. – Пенза: РИО ПГАУ, 2019. – С. 128–132.

14. Тимохин С. В., Папшев С. С., Волкова Е. М. Результаты стендовых исследований ЭДС пар трения дизеля Д-240 трактора МТЗ-80 // Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса России: сборник материалов Междунар. науч.-прак. конф. 17–18 марта 2016 г., Пенза. – Пенза: РИО ПГАУ, 2016. – С. 12–15.

15. Федин Н. А., Рябов С. С. Накопление продуктов износа в моторном масле двигателей внутреннего сгорания // Мир транспорта и технологических машин. – 2014. – № 2 (45). – С. 21–25.

16. Хазиев А. А., Моршнев А. А. Причины попадания автомобильного бензина в моторное масло // Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе. – 2014. – Т. 1. – С. 219–222.

17. Vehicular Engine Oil Service Life Characterization Using On-Board Diagnostic (OBD) Sensor Data: J. Siegel, R. Bhattacharyya, A. Deshpande, S. Sarma, Department of Mechanical Engineering Massachusetts Institute of Technology Cambridge, MA 02139 IBM Research Yorktown Heights, NY 10598.

References

1. Antropov, B. S. (2006) [Diagnostics of an automobile engine based on the condition of crankcase oil]. *Gruzovik* [Truck]. Vol. 5, pp. 25–26. (In Russ.).

2. Vlasov, Yu. A. (2015) [Methodology of diagnostics of automobile aggregates by electrophysical methods of monitoring parameters of working oil] *Metodologiya diagnostiki agregatov avtomobilej elektrofizicheskimi metodami kontrolya parametrov rabotayushchego masla*: [dis. ... doct. techn. science: 05.22.10]. Tomsk. 367 p. (In Russ.).

3. Goryunova, E. N. (2013) [Diagnostics of a gas-piston engine based on the analysis of motor oil]. *Istoriya i perspektivy razvitiya trans-porta na severe Rossii* [History and prospects of transport development in the North of Russia]. Vol. 1, pp. 153–156. (In Russ.).

4. Kulakov, A. T. (2020) [Diagnostics of the technical condition of the engine by oil consumption on carbon monoxide]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye sistemy: issledovaniye, proyektirovaniye, optimizatsiya* [Socio-economic systems: research, design, optimization]. Vol. 2 (85), pp. 6–11. (In Russ.).

5. Laushkin, A. V. (2012) [Causes of engine oil flooding in operation]. *Vestnik Moskovskogo avtomobil'no-dorozhnogo gosudar-stvennogo tekhnicheskogo universiteta (MADI)*. [Bulletin of the Moscow automobile and road state technical University (MADI)]. Vol. 1 (28), pp. 63–67. (In Russ.).

6. Lysenko, V. A. (2020) [Analysis and diagnostics of the VAZ–11183 engine with increased oil consumption]. *Moya professional'naya kar'yera* [My professional career]. Vol. 1. No. 14, pp. 154–159. (In Russ.).

7. Egorov, A. V., Novikov, Yu. M. (2014) [Evaluation of the performance of motor oils]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy agroinzhenernoy akademii* [Bulletin of Chelyabinsk state agroengineering academy]. Vol. 68, pp. 31–34. (In Russ.).

8. Pat. 2232904 Russian Federation, IPC F01M 11/00. [Method and system for monitoring the state of oil in an internal combustion engine] *Sposob i sistema kontrolya sostoyaniya masla v dvigatele vnutrennego sgoraniya*. Evstifeev B. V.; applicant and patent holder: Federal state unitary enterprise all-Russian research and design and technological Institute of motor vehicles. No. 2003101669/06; application 22.01.2003; [publ. 2004.07.20, Byul. No. 20]. 13 p. (In Russ.).

9. Pat. 2216715 Russian Federation, IPC G01 F23/26, G01 N11/00. [Sensor of the level and quality of internal combustion engine oil] *Datchik urovnya i kachestva masla dvigatelya vnutrennego sgoraniya*. Evstifeev B. V., Zemskov A. A.; applicant and patent holder: State unitary enterprise all-Russian research Institute

of locomotives and track machines of the Ministry of Railways of the Russian Federation. No. 2002118847/28; declared 17.07.2002; [publ. 2003.11.20, bul. No. 32]. 11 p. (In Russ.).

10. Pegachkov, A. A. (2020) [Remote diagnostics of thermal parameters of the internal combustion engine]. *Vysokiytehnologii v stroitel'nom komplekse* [High technologies in the construction complex]. Vol. 1, pp. 204 – 210. (In Russ.).

11. Altunin, V. A., Altunin, K. A. (2015) [Development of ways to increase the resource and reliability of lubrication systems for internal combustion engines of ground transport]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Mashinostroyeniye* [Proceedings of higher educational institutions. Mechanical Engineering]. Vol. 10 (667), pp. 47–57. (In Russ.).

12. Snarsky, S. V. (2017) [Sensors for measuring the operational parameters of a diesel engine and evaluating the residual resource]. *Nauchnaya mysl'* [Scientific thought]. Vol. 3, pp. 203–209. (In Russ.).

13. Timokhin, S. V. (2019) [Development of a device for controlling the car's lubrication system]. *Ekspluatatsiya avtotraktorov i sel'skokhozyaystvennoy tekhniki: opyt, problemy, innovatsii, perspektivy: sbornik statey IV Mezhdunar. nauch.-prak. konf. 15–16 oktyabrya 2019 g., Penza* [Operation of automotive and agricultural machinery: experience, problems, innovations, prospects: collection of articles IV international. scientific practice. conf. October 15–16, 2019, Penza]. Penza: RIO PGAU, pp. 128–132. (In Russ.).

14. Timokhin, S. V. (2016) [Results of bench studies of EMF of friction pairs of diesel D-240 of MTZ-80 tractor]. *Innovatsionnyye idei molodykh issledovateley dlya agropromyshlennogo kompleksa Ros-sii: sbornik materialov Mezhdunar. nauch.-prak. konf. 17–18 marta 2016 g., Penza* [Innovative ideas of young researchers for the agro-industrial complex of Russia: collection of abstracts of the Intern. scientific practice. conf. march 17–18, 2016, Penza]. Penza: RIO PGAU, pp. 12–15. (In Russ.).

15. Fedin, N. A. (2014) [Accumulation of wear products in the engine oil of internal combustion engines]. *Mir transporta i tekhnologicheskiy mashin* [World of transport and technological machines]. Vol. 2 (45), pp. 21–25. (In Russ.).

16. Khaziev, A. A. (2014) [Reasons for getting automobile gasoline into motor oil]. *Modernizatsiya i nauchnyye issledovaniya v trans-portnom komplekse* [Modernization and scientific research in the transport complex]. Vol. 1, pp. 219–222. (In Russ.).

17. Vehicular Engine Oil Service Life Characterization Using On-Board Diagnostic (OBD) Sensor Data: J. Siegel, R. Bhattacharyya, A. Deshpande, S. Sarma, Department of Mechanical Engineering Massachusetts Institute of Technology Cambridge. MA 02139 IBM Research Yorktown Heights, NY 10598.

Информация об авторах:

Сергей Викторович Тимохин, доктор технических наук, профессор кафедры технического сервиса машин, Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия
e-mail: timohinsv@gmail.com

Юрий Владимирович Родионов, доктор технических наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия
e-mail: dekauto@pguas.ru

Иван Иванович Курбаков, кандидат технических наук, доцент кафедры мобильных и энергетических средств и сельскохозяйственных машин имени профессора А. И. Лещанкина, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия
e-mail: mrsu2@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 12.10.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Sergey Viktorovich Timokhin, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Technical service of machines, Penza State Agrarian University, Penza, Russia
e-mail: timohinsv@gmail.com

Yuri Vladimirovich Rodionov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia
e-mail: dekauto@pguas.ru

Ivan Ivanovich Kurbakov, PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Mobile and energy means and agricultural machines named after prof. A. I. Leshchankin, National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia
e-mail: mrsu2@mail.ru

The paper was submitted: 12.10.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте;

05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта;

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит;

08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика;

09.00.01 – Онтология и теория познания;

09.00.03 – История философии;

09.00.04 – Эстетика;

09.00.05 – Этика;

09.00.08 – Философия науки и техники;

09.00.11 – Социальная философия;

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;

09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Обзорная статья должна быть концептуальной, т. е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

• **УДК.** На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

• **Заглавие статьи** (на русском и английском языках).

• **Фамилии авторов**, место их работы (название организаций) с указанием города и страны приводятся на русском и английском языках. Рекомендуемое количество авторов – не более трех.

• **Аннотация** (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость, направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

• **Ключевые слова** (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

• **Благодарности** (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

• **Основной текст статьи.** Принимаются статьи на русском и английском языках. Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

• **Введение.** Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

• **Структурные части статьи, имеющие соответствующие заголовки.** Здесь раскрываются суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования.

• **Результаты исследования** (или иной заголовок структурной части статьи, отражающий полученные результаты исследования и их интерпретацию).

• **Заключение.** Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы.

• **Литература (References).** Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15 научных источников. Рекомендуется не включать широко известные нормативные правовые акты, справочные и статистические материалы, ссылки на которые предпочтительнее оформлять в виде подстрочных библио-

ографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов, а также работ, изданных за последние 5 лет.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008 и система Harvard system of referencing.

- **Аффилиация авторов** (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

- **Вклад соавторов** (по желанию авторов).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx.

Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал – 1,5 pt.

Выравнивание текста: по ширине.

Поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее – 1,5 см, нижнее – 2 см.

Графический материал должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi. Все графические материалы должны быть чёрно-белыми, полноцветные рисунки не принимаются.

К статье отдельным документом прикладывается сопроводительное письмо от авторов статьи, в котором они гарантируют, что представляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания.

Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews are accepted for publication in the following scientific specialties:

05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport;

05.22.10 – Operation of road transport;

08.00.05 – Economics and national economy management (by industry and field of activity);

08.00.10 – Finance, money circulation and credit;

08.00.12 – Accounting, statistics;

09.00.01 – Ontology and theory of knowledge;

09.00.03 – History of philosophy;

09.00.04 – Aesthetics;

09.00.05 – Ethics;

09.00.08 – Philosophy of science and technology;

09.00.11 – Social philosophy;

09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture;

09.00.14 – Philosophy of religion and religious studies.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following **elements**:

• **UDC.** On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

• **Title** of the article (in Russian and English).

• **The names of the authors**, their place of work (name of organizations) with the city and country are given in Russian and English. The recommended number of authors is no more than three.

• **Abstract** (in Russian and English). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

• **Key words** (in Russian and English). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

• **Acknowledgments** (in Russian and English). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

• **The main text of the article.** Articles in Russian and English are accepted. The main text of the article is presented in the following sequence:

• **Introduction.** This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

• **Structural parts** of the article with appropriate headings. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its development in modern science, the methodological apparatus and (or) methodological tools of the study are disclosed.

• **Research results** (or another heading of the structural part of the article, reflecting the results of the research and their interpretation).

• **Conclusion.** Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

• **Literature (References).** The list of references should contain, as a rule, at least 15 scientific sources. It is recommended not to include well-known normative legal acts, reference and statistical materials, the references to which are preferable to make out in the form of subscript bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. These are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5-2008 and the Harvard system of referencing are used.

- **Affiliation of authors** (in Russian and English). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

- **Contribution** of co-authors (at the request of the authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material should be typed in a Microsoft Word text editor in the * .doc or * .docx format.

Font: Times New Roman headset, 14 pt, line spacing – 1.5 pt.

Text alignment: width.

Margins: left – 3 cm, right – 1.5 cm, top – 1.5 cm, bottom – 2 cm.

Graphic material should be done in a graphic editor. Scanned graphs, tables, charts are not allowed. Photographs presented in the article must be sent as a separate file in * .tiff or * .jpg formats with a resolution of at least 300 dpi. All graphic materials should be black and white, full-color drawings are not accepted.

A cover letter from the authors of the article is attached as a separate document to the article, in which they guarantee that the submitted article has not been published anywhere before, nor sent, nor will be sent for publication to other scientific publications.

Articles formatted without observing these requirements are not considered by the editors.

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 6, 2020

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректурa – Е. В. Пискарева
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 11.12.2020 г. Дата выхода в свет 22.12.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,88. Усл. изд. л. 17,45. Тираж 500. Заказ № 145.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфическом комплексе «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru